С.И.Аралов

ЛЕНИН ВЕЛ НАС К ПОБЕДЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Семен Иванович Аралов, член КПСС с 1918 года, участник бурных событий Октябрьской революции и гражданской войны, рассказывает о военной деятельности В. И. Ленина, об организации регулярной Красной Армии, о ее первых победах на фронтах борьбы с интервенцией и контрреволюцией.

Автор с подкупающей искренностью показывает людей, активно участвовавших в создании и укреплении Красной Армии, имена которых незаслуженно были забыты.

- Аралов С. И
  - Введение
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22

- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62

Аралов С. И
Ленин вел нас к победе: Воспоминания

Введение

Ленин…

Наш дорогой, любимый Владимир Ильич!..

Кто хоть раз встречался с этим человеком, тот навсегда сохранил его образ и в памяти, и в сердце.

Мне выпало огромное счастье встречаться с Владимиром Ильичем Лениным в процессе работы. Общение с Лениным означало прежде всего перенимать опыт величайшего революционера-практика, впитывать в себя знания гениального теоретика марксизма.

Нет такой области человеческих знаний, в которую не вторгался бы активно гений Ленина и не оказал на нее своего благотворного влияния. Это относится и к области военной. Следует решительно отмести ошибочное утверждение И. В. Сталина (в письме к полковнику Разину в 1947 году) о том, что Ленин якобы не был и он-де сам не считал себя знатоком военного дела не только в прошлом, до Октябрьской революции, но и впоследствии, вплоть до окончания гражданской войны.

Но ведь не считать себя знатоком военного дела — это одно, и совсем другое — быть им, да еще в такой степени, какая далеко не всем по плечу.

Да, Владимир Ильич не кичился военными знаниями, как не кичился ничем и никогда. Он, например, глубоко изучал физику и естествознание, не только блестяще разбирался в них, но и проникновенно предвидел ряд важнейших открытий. Ленин с не меньшей скромностью оценивал также свои знания иностранных языков, хотя в действительности владел ими хорошо. Ильичу, при его исключительной скромности и огромной требовательности к себе, всегда чего-то недоставало, тогда как для других того же самого было вполне достаточно.

В своих воспоминаниях Надежда Константиновна Крупская (а кому знать Ленина, как не ей) писала, что Владимир Ильич прочел немало книг по военному искусству, что он занимался этим гораздо больше, чем известно другим. Об этом же рассказывал и писал В. Д. Бонч-Бруевич, долгое время работавший вместе с Лениным.

Позвольте обратиться к фактам, к моим личным наблюдениям, к истории.

Большевистскую партию, рабочий класс и беднейшее крестьянство В. И. Ленин настойчиво готовил к решительным революционным боям против царизма и капитализма. Надо сказать, что самодержавие обладало огромной военной силой в

самых различных организационных формах: армия, военно-морской флот, полиция, жандармерия. И Ленин не раз указывал на то; что в революционной борьбе рабочего класса за свою диктатуру политическое положение может в любой момент перерасти в военное. Гениально предвидя неизбежность революционных боев пролетариата, Владимир Ильич не упускал из виду военные вопросы и военную науку в целом.

Общеизвестно, что основоположниками подлинно научной военной доктрины были Карл Маркс и Фридрих Энгельс. За глубокое и всестороннее знание военного дела друзья называли Энгельса генералом. Заслуженно называли. В. И. Ленин не только в совершенстве овладел военной доктриной Маркса — Энгельса, но и развил, углубил ее.

Уже в канун первой русской революции и особенно в ходе ее мы, тогда еще молодые люди, видели, как упорно и последовательно Владимир Ильич занимался военными вопросами. Будучи сами военными, принудительно связанными с царской армией, мы буквально восхищались этой стороной деятельности Ленина. Помню, с каким увлечением мы читали в нелегальных большевистских газетах «Искра», «Вперед» и «Пролетарий» военные статьи Ленина и статьи других авторов — большевиков, «прошедшие через редакторские руки Ильича», как тогда говорили.

Еще в 1902 году в своей исторической работе «Что делать?» Владимир Ильич писал: «…как только позволят наличные силы, мы непременно должны обратить самое серьезное внимание на пропаганду и агитацию среди солдат и офицеров, на создание «военных организаций», входящих в нашу партию»[1].

Разве можно выдвинуть проблему создания военных организаций, входящих в партию, глубоко не вникнув в существо военного дела, в существо военной науки? Нет, конечно.

В феврале 1902 года В. И. Ленин закончил работу над проектом программы РСДРП. Одним из требований он тогда выдвинул «замену постоянного войска всеобщим вооружением народа»[2].

Как я впоследствии узнал, чтобы записать в проект программы эти шесть слов, Владимир Ильич проштудировал множество самой различной литературы о вооруженном восстании, о войне и армии. Изучение военного дела он тесно увязывал с вопросами революционной классовой борьбы, свержения самодержавия и капиталистического строя, с вопросами установления и укрепления диктатуры пролетариата, защиты завоеваний трудящихся от внутренней и внешней контрреволюции.

Призывая всех членов РСДРП заниматься военными вопросами и знакомить с ними народные массы, В. И. Ленин писал в большевистской газете «Пролетарий» 10 июля 1905 года:

> «Возьмите военное дело. Ни один социал-демократ, знакомый хоть сколько-нибудь с историей, учившийся у великого знатока этого дела Энгельса, не сомневался никогда в громадном значении военных знаний, в громадной важности военной техники и военной организации, как орудия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических столкновений… Революционная армия должна практически применить военные знания и военные орудия для решения всей дальнейшей судьбы русского народа…»[3]

Слова, призывы у Ленина никогда не расходились с делами, с конкретными, ощутимыми, творческими делами. Уже тогда, накануне революции 1905–1907 годов и особенно во время ее подъема, при большевистских партийных организациях создавались специальные военные группы, дружины — отряды революционной армии, как называл их Владимир Ильич. Возглавлялись эти отряды боевыми комитетами, создаваемыми при партийных организациях. Таким образом, военно-боевая работа большевиков была составной частью общепартийной работы.

По инициативе В. И. Ленина и под его руководством в военной и боевой работе в годы первой русской революции принимали активное участие виднейшие деятели нашей партии: М. В. Фрунзе — в Иваново-Вознесенске; В. В. Куйбышев — в Петербурге, потом в Сибири; Я. М. Свердлов — на Урале; Е. М. Ярославский— в Петербурге и Москве; Ф. Э. Дзержинский — в Варшаве. Мне лично довелось работать в Московской военной организации вместе с товарищами Е. Ярославским, Р. Землячкой и другими.

Владимир Ильич повседневно руководил большевистскими военными организациями, которые постепенно, но неуклонно росли и крепли. Если в 1904 году при местных партийных комитетах РСДРП было всего 3 военные организации, то в 1905 году их стало уже 27, в 1906-м — 48, а в 1907 году — 51.

Ленин придавал огромное значение теоретическим военным занятиям как самих большевиков, так и беспартийных рабочих, студентов, примыкавших к большевистскому подполью. Он рекомендовал приглашать на беседы в группы, дружины и отряды прогрессивных и хорошо проверенных офицеров, унтер-офицеров,

отслуживших в армии рабочих.

Помню, как из уст в уста передавались указания и советы В. И. Ленина руководителям боевых комитетов. Он требовал немедленно начать в отрядах и дружинах практические занятия, сначала подготовительные: раздобыть оружие, произвести разведочные работы (например, снять планы тюрем, банков, министерств, полицейских участков), подыскать удобно расположенные квартиры для бросания бомб с чердаков и из окон, помещения для складов бомб, разведать слабые места врага. Затем уже следовало переходить и к непосредственным действиям: освобождать из тюрем политических заключенных, уничтожать шпионов, взрывать полицейские участки, бороться с жандармами и черносотенцами и т. д. Без такой подготовки, естественно, нельзя было приобрести опыт и навыки, необходимые для вооруженного восстания. Объединение отрядов желательно, указывал Ильич, но не надо впадать в крайность: разрабатывать сложные планы, откладывать живое дело ради педантских измышлений.

Насколько глубоко вникал Ленин в работу боевых отрядов и дружин, свидетельствует его письмо в Боевой комитет при Петербургском комитете РСДРП. В письме указывается, что военное дело в этом Боевом комитете подменяется канцелярщиной — составлением различных схем, планов. А нужны не планы и схемы, а конкретное живое дело, нужна энергия и еще раз энергия. «Я с ужасом, ей-богу с ужасом, вижу, — возмущался Ленин, — что о бомбах говорят *больше полгода* и ни одной не сделали!.. Идите к молодежи, господа!.. Основывайте *тотчас* боевые дружины везде и повсюду… Пусть тотчас же организуются отряды от 3-х до 10, до 30 и т. д. человек… Не требуйте никаких формальностей, наплюйте, Христа ради, на все схемы…» [4]

Так повседневно заботился В. И. Ленин о боевой деятельности отрядов, комитетов и дружин в процессе нарастания первой русской революции. Одновременно Владимир Ильич занимался и вопросами военного искусства, тактики и стратегии.

Не случайно, например, когда началась первая мировая война, поставившая перед нашей партией новые, еще более сложные задачи, В. И. Ленин гениально и своевременно определил отношение к ней партии. Наряду с тактическими задачами (разоблачение империалистической, антинародной сущности войны, поражение царского правительства в ней) он выдвинул единственно правильную стратегическую задачу партии — превратить империалистическую войну в гражданскую,

использовать войну для прорыва цепи империализма.

Не могу не привести факт, показывающий, какими блестящими познаниями обладал В. И. Ленин в области военного дела, насколько глубоко понимал он вопросы военного искусства, тактики и стратегии.

29 октября 1921 года я присутствовал на VII Московской губернской партийной конференции. С докладом выступал Ленин. Он говорил о необходимости замены политики военного коммунизма новой экономической политикой (нэпом). Говорил Владимир Ильич без конспекта, темпераментно, убедительно, ярко. Закончив мысль, он несколько шагов отступал назад, а затем, переходя к новой мысли, выбрасывал немного вверх правую руку и шел вперед, как бы наступая на аудиторию. И он действительно наступал на противников нэпа, на «леваков».

В своем докладе Владимир Ильич подчеркнул, что переход от военного коммунизма к нэпу суть временное отступление. Как известно, отступления бывают двоякого рода. Партии или армии отступают вследствие поражения, но бывает, что они отступают не из-за поражения, а из тактических и даже стратегических соображений. Для наглядности Ленин привел пример из действий японского генерала Ноги при взятии Порт-Артура. Этот генерал сначала ожесточенно штурмовал крепость и, понеся огромные потери, не взял ее. Видя, что штурм Порт-Артура стоит очень больших жертв, он перешел на чрезвычайно тяжелую и медленную осаду крепости по всем правилам военного искусства. И именно таким путем задача взятия крепости была решена. «Ошибочны ли были штурмовые атаки на крепость? — спрашивал Ленин и отвечал — …Конечно, на первый взгляд… ошибочность тактики непосредственного и прямого штурма на крепость Порт-Артур не требует никаких доказательств. Но, с другой стороны, не трудно видеть, что при решении такой задачи, в которой было очень много неизвестных, — трудно без соответствующего практического опыта определить с абсолютной или хотя бы даже с достаточно большой степенью приближенности и точности, какой прием может быть употреблен против враждебной крепости. Определить это было невозможно без того, чтобы не испытать на практике, какую силу представляет из себя крепость — какова мощность ее укреплений, каково состояние ее гарнизона и т. п.» [5]

Далее В. И. Ленин сделал логический вывод: без штурмового опыта у японской армии не могло быть достаточного знания конкретных условий борьбы. После приобретения этого опыта японское командование пришло к правильному решению, что штурмом крепости не взять, и перешло к осаде. «Если оказалась

ошибка в тактике, — заявил Владимир Ильич, — то надо с этой ошибкой покончить, и все то, что с ней связано, надо признать помехой деятельности, которая требует изменения: надо окончить штурм и перейти к осаде, к иному размещению войск, к перераспределению материальных частей, не говоря уже об отдельных приемах и действиях. То, что было раньше, надо решительно точно и ясно признать ошибкой, чтобы не получить помехи в развитии новой стратегии и тактики, в развитии операций, которые должны были пойти теперь совершенно по-иному…» [6]

Мысль Ильича сводилась к тому, что в период военного коммунизма мы пытались сокрушить капитализм в городе и деревне штурмом, то есть способом самым сокращенным, быстрым, непосредственным перейти к социалистическим основам производства и распределения. Но опыт, обстановка показали, что мы забежали слишком далеко вперед и нам грозила опасность отрыва от тыла, то есть от крестьянства. Для успеха дела необходима длительная осада капитализма; не штурмовая атака, а очень тяжелая, трудная и неприятная задача длительной осады. Надо было, таким образом, от политики военного коммунизма перейти к новой экономической политике.

Даже многие из «левацких» загибщиков поняли тогда, что Ленин прав, что он указывает единственно правильный путь.

И уже через год было ясно, насколько гениально Владимир Ильич определил тактику и стратегию Коммунистической партии в наступлении на капитализм, в построении социалистического общества. XI съезд партии в 1922 году констатировал, что отступление и перегруппировка сил закончены, началось новое наступление на капитализм, наступление новыми методами и средствами…

Так искусно, умело использовал В. И. Ленин свои военные знания в политике.

Будучи занят огромной практической революционной деятельностью, он находил время для всестороннего изучения многотомных трудов о войне и армии известного немецкого военного историка генерала Карла Клаузевица. Ленин изучал труды Клаузевица не только и не столько для полемики с Плехановым и Бухариным, как утверждал И. В. Сталин в своем письме к полковнику Разину, а главным образом для подготовки к вооруженной борьбе с самодержавием, с капитализмом. Он готовил себя, а затем и партию к гражданской войне, к войне с империалистическими интервентами, с внутренней контрреволюцией. Гений Ленина уже в 1915 году решал проблему создания вооруженных сил победившего пролетариата.

Владимир Ильич изучал труды Клаузевица не как ученик, а как великий ученый-революционер, считавший своим долгом ознакомиться с работами выдающегося буржуазного теоретика военного искусства и крупнейшего практика военного дела, чтобы определить, чем военная теория Клаузевица может быть полезна марксистской военной науке и что в его трудах надлежит критиковать, отмести как непригодное для подлинной науки о войне и армии. И не случайно Ленин, изучая произведения Клаузевица, делает гене-ралу-историку замечания, как учитель ученику: «верно!» Иронизирует: ««право на воскресение» (побежденного)» «ха-ха»! остроумно!»[7]

На критическом анализе работ Клаузевица и других буржуазных военных историков В. И. Ленин показал, какой должна быть подлинно марксистская военная наука. Это и определило в дальнейшем создание Лениным Красной Армии, вооруженных сил нового, социалистического типа и победу их в гражданской войне, в войне с коалицией 14 капиталистических государств.

…44 года доблестная Советская Армия стоит на страже великих завоеваний Октября[8]. Ею гордится наш народ, славит ее легендарные подвиги. Да и как не гордиться, как не славить: в ожесточенных боях она не раз доказывала ему свою верность. В суровые годы Великой Отечественной войны Вооруженные Силы СССР вновь подтвердили свою преданность народу, Коммунистической партии и Советскому правительству, продемонстрировали свою несокрушимую мощь. В послевоенное время эта мощь неизмеримо возросла.

Коммунистическая партия твердо и неуклонно руководствуется указаниями Владимира Ильича Ленина относительно армии Страны Советов. Партия хорошо знает, что до тех пор, пока существует кровавый империализм, порох у нас должен быть сухим. Не случайно XXII съезд КПСС поставил одной из важнейших задач: **«…держать на должной** высоте, **всемерно укреплять обороноспособность нашей Родины — оплота мира во всем мире,** совершенствовать вооружение Советской Армии, повышать уровень боевой и идейно-политической подготовки ее личного состава, повышать бдительность нашего народа, надежно охранять созидательный труд и мирную жизнь советских людей— строителей коммунизма…»[9]

Заветы Ленина о защите социалистического Отечества свято выполняются…

Глава первая
ОТ КРАСНОЙ ГВАРДИИ — К КРАСНОЙ АРМИИ, ВЫСКАЗЫВАНИЯ В. И. ЛЕНИНА ОБ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Глубина знаний военного дела и военной науки у Владимира Ильича Ленина с особой яркостью, я бы сказал, с особым блеском проявилась уже при подготовке и проведении величайшего — по своим масштабам и значению — в истории человечества вооруженного восстания трудящихся против эксплуататоров, восстания, положившего начало Великой Октябрьской социалистической революции. В те исторические дни Ленин предстал перед партией и народом как гениальнейший военный тактик и стратег. Военную тактику и стратегию он образцово сочетал с тактикой и стратегией политической.

После Февральской революции 1917 года, уничтожившей самодержавие, большевики под руководством В. И. Ленина со все возрастающей энергией вели борьбу за всю полноту власти Советов рабочих и солдатских депутатов, за всеобщий мир без аннексий и контрибуций. Владимир Ильич тогда особенно обращал внимание партийных организаций на создание хорошо вооруженных, подвижных рабочих отрядов. В марте 1917 года в «Письмах из далека» он указывал, что «единственная *гарантия* свободы и разрушения царизма до конца есть *вооружение пролетариата*…»[10]

На заводах и фабриках по указанию Ленина повсеместно создавались отряды рабочей милиции.

28 апреля 1917 года большевистский Выборгский Совет рабочих и солдатских депутатов постановил реорганизовать отряды рабочей милиции в рабочую Красную гвардию. Был уже разработан и утвержден устав. В нем подчеркивалось, что рабочая Красная гвардия ставит своей задачей отстаивать с оружием в руках завоевания рабочего класса. К лету 1917 года во всех крупных промышленных городах имелись отряды Красной

гвардии.

После расстрела 4 июля 1917 года войсками Керенского мирной рабочей демонстрации большевики вынуждены были работать полулегально. И даже в этих условиях они продолжали военное обучение рабочих и формировать из них новые красногвардейские отряды.

Временное буржуазное правительство, возглавляемое правым эсером Керенским, запрещало Красную гвардию, приказывало ей сдать оружие. Но не для того большевики вооружали рабочих, чтобы они сдали оружие. Руководимая партией, Красная гвардия стала мощной, до конца преданной революции вооруженной силой пролетариата в борьбе за Советскую власть.

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде было 20 тысяч хорошо обученных и вооруженных красногвардейцев. В ноябре 1917 года их было уже 40 тысяч, а в декабре — 60 тысяч. Владимир Ильич Ленин со свойственной ему энергией требовал, чтобы партийные комитеты шире, глубже развертывали борьбу за завоевание на свою сторону солдатских и матросских масс, за их большевизацию.

Сразу же после свержения самодержавия в войсках начали создаваться выборные армейские комитеты. Правда, на первых порах в эти комитеты пролезали эсеры и меньшевики, тормозившие революционизирование армии, мешавшие отстранению от командования монархически настроенных генералов и офицеров. Ленин выдвинул лозунг: сделать армейские комитеты большевистскими. Небезынтересно отметить, что во флоте, поскольку во флотских командах было много квалифицированных рабочих и революционно настроенных матросов, судовые комитеты в абсолютном большинстве были сразу же большевистскими.

Большевизация армейских комитетов шла успешно. Прихвостней буржуазии — меньшевиков и эсеров солдаты быстро распознавали, беспощадно выгоняли из комитетов и вместо них избирали большевиков. В этом деле, как и вообще в революционизировании армии и флота, огромную роль сыграли большевистские газеты. По образцу общеполитической газеты «Правда» — органа ЦК РСДРП (б) — была создана «Солдатская правда». Деньги на ее издание собирали не только солдаты, но и рабочие, которые просили Центральный Комитет партии рассылать эту газету бойцам бесплатно.

Когда Временное правительство запретило газету «Солдатская правда», она вскоре опять выходила с тем же содержанием под названиями «Рабочий и солдат», «Солдат».

Существовала в то время и другая солдатская газета—

«Окопная правда». Выходить она стала с 30 апреля 1917 года. Весьма примечательно то, что первые 6 номеров «Окопной правды» были изданы большевистским солдатским комитетом Новоторжского полка Северного фронта на средства самих солдат. Надо быть действительно революционно настроенными, готовыми на решительную борьбу, чтобы из скуднейших солдатских средств выделять деньги на издание своей газеты.

Были и другие солдатские газеты. Выпускалось большевиками множество листовок, прокламаций, воззваний.

Благодаря кипучей деятельности большевиков уже к октябрю — ноябрю 1917 года армия была наполовину большевистской, как свидетельствовал Ленин. «Без этого, — говорил он, — мы не могли бы победить»[11].

Армейские комитеты сыграли большую роль в разгроме корниловщины, в подготовке и проведении Октябрьской социалистической революции.

Сразу же после Февральской революции солдаты удостоили меня высокой чести — избрали в комитет 3-й армии. Тогда председатель комитета Постников и его заместитель Соколов были правыми эсерами, и нам, большинству комитета, пришлось выдержать с ними жестокую борьбу.

Опираясь на солдатские массы, мы сумели воздействовать на начальника штаба армии прогрессивного генерала П. П. Лебедева (впоследствии, кстати сказать, он был начальником штаба Революционного военного совета республики при главкоме С. С. Каменеве). Генерал Лебедев очень тактично, тонко изолировал от управления соединениями и частями армии командующего 3-й армией реакционного генерала Квецинского. Это имело огромное значение во время корниловского мятежа. Наша армия не только не присоединилась к войскам Корнилова, но и оказала на них значительное революционное влияние. Ударной силой Корнилова была так называемая «дикая дивизия», состоявшая из горцев Северного Кавказа. Ее вместе с другими соединениями и бросил Корнилов под командованием генерала Крымова против петроградских рабочих и Красной гвардии.

В войска Крымова были посланы большевистские агитаторы, которые вместе с армейскими комитетами разъясняли контрреволюционные цели корниловщины. По предложению С. М. Кирова в «дикую дивизию» была послана мусульманская делегация. Она разъяснила солдатам-горцам на родном языке смысл контрреволюционного корниловского выступления и что их посылают воевать с русским народом в интересах буржуазии. Солдаты-горцы отказались идти на Петроград, их возвратили на фронт. Корниловский мятеж был подавлен. Корнилов и его

сообщники по требованию революционных масс были арестованы. Генерал Крымов застрелился.

Несмотря на провал корниловского мятежа, правительство Керенского вновь начало организацию контрреволюционных сил. Оно готовилось к сдаче Петрограда кайзеровским полчищам, чтобы их оружием утопить в крови надвигавшуюся социалистическую революцию.

Спасти революционные силы от разгрома можно было только путем свержения буржуазного правительства Керенского вооруженным восстанием и установления диктатуры пролетариата.

В. И. Ленин гениально определил время восстания. 24 октября (6 ноября) — рано; 26 октября (8 ноября) — поздно. 24-го рано потому, что еще не во всех воинских частях были смещены комиссары Временного правительства и поставлены наши, большевистские. 26-го поздно потому, что Керенский 25-го должен был вывести из Петрограда революционные, пробольшевистские части гарнизона, а ввести с фронта части, верные Временному правительству. Если бы Керенский смог это сделать, революция была бы поставлена под очень серьезный и опасный удар.

Для руководства восстанием при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов был создан Военно-революционный комитет (ВРК). В него вошли представители ЦК и ПК РСДРП (б), Петроградского Совета, профсоюзов, фабзавкомов, петроградского гарнизона и Балтийского флота. Персонально: Ф. Э. Дзержинский, А. С. Бубнов, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, М. С. Урицкий, В. А. Антонов-Овсеенко, В. И. Невский, Н. В. Крыленко, Н. И. Подвойский, П. Е. Лазимир, К. С. Еремеев, Ю. М. Коцюбинский, К. А. Механошин, П. Е. Дыбенко и некоторые другие…

Хотя ВРК являлся органом Петроградского Совета, его деятельность с самого начала приобрела всероссийский характер.

Ленин лично распределял силы и назначал товарищей, ответственных за захват отрядами Красной гвардии важнейших опорных пунктов противника, то есть Временного правительства. Так, Дыбенко отвечал за взятие здания морского министерства, Антонов-Овсеенко— за захват здания военного министерства и за руководство всем внутренним фронтом, Крыленко — за внешний фронт (не дать Керенскому бросить на Петроград с фронта верные ему части, разгромить их на дальних подступах к революционной столице).

В ночь на 25 октября, точно по плану Ленина, отряды Красной гвардии вместе с рабочими и революционными

солдатами одновременно захватили телеграф, телефон, мосты, вокзалы, пригородные железнодорожные станции, правительственные здания.

Уже в процессе восстания В. И. Ленин предложил Антонову-Овсеенко немедленно овладеть управленческим аппаратом Петроградского военного округа и перебазироваться со своим военным аппаратом из Смольного в помещение штаба округа. Владимир Ильич требовал только наступления — смелого, отчаянного, решительного.

Когда контрреволюционные отряды Керенского повели наступление на Петроград, Ленин сам взялся за организацию обороны города и руководство ею. Он не раз указывал непосредственным руководителям обороны города Антонову-Овсеенко, Подвойскому и Дыбенко на медлительность, неповоротливость.

Впоследствии Антонов-Овсеенко вспоминал о диалоге, происшедшем в то время между ним и Лениным.

— Как Вы думаете организовать отпор контрреволюции? — спросил Владимир Ильич Антонова-Овсеенко.

— Создам тройку — с Военкой и Красной гвардией, — ответил тот.

— Никакого расчленения руководства!.. — категорически запротестовал Владимир Ильич. — Не переуступайте руководства!..

В. И. Ленин до мельчайших подробностей знал положение на всех участках обороны Петрограда. 9 ноября 1917 года, например, он дал указание о доставке бензина, артиллерийских батарей, полевых телефонов и карт местности частям, оборонявшим Царское Село. Все необходимое было, конечно, доставлено немедленно.

Зная, какая опасность нависла над Петроградом, а значит над революцией, Ленин из всех ответственных работников проявлял наивысшую человеческую энергию.

В своих воспоминаниях Н. И. Подвойский рассказывает, как однажды Владимир Ильич явился в штаб округа и потребовал доложить ему о расположении наших сил и сил противника, о наших оперативных планах. Докладывать стал Антонов-Овсеенко. Ильич внимательно следил по карте. Со знанием дела он расспрашивал, почему такой-то пункт не охраняется, почему предполагается такое-то мероприятие, а не иное, почему не вызвана поддержка из Кронштадта, не закрыт такой-то проход и т. д. Вмешательство Ленина на многое открыло глаза Подвойскому и Антонову-Овсеенко, отвечавшим за оборону Петрограда…

Для организации обороны Питера Ленин вызывал матросов из Кронштадта, Гельсингфорса, непосредственно занимался вопросами вооружения.

27 октября (9 ноября) Ленин говорит по прямому проводу с Гельсингфорсом о том, чтобы двинуть к Петрограду возможно большее число миноносцев и других вооруженных судов. Он объясняет при этом, что так как часть петроградских войск утомлена, то настоятельно необходимо самое быстрое и сильное подкрепление, максимум штыков, но только с людьми верными и готовыми сражаться.

Разговаривали по прямому проводу с Лениным

Михайлов, возглавлявший тогда большевистскую военную организацию в Гельсингфорсе, и Измайлов, товарищ председателя Центрального комитета Балтийского флота (Центробалт). Они обещали немедленно выслать два миноносца и линейный корабль «Республика». Но Владимир Ильич не успокоился. Он потребовал уточнения отправки кораблей и людей и предупредил, чтобы их обязательно снабдили продовольствием. Ленин указал, где надо стать судам: линкору «Республика» в Морском канале, как можно ближе к берегу, а миноносцы должны войти в Неву около села Рыбацкого, чтобы защитить Николаевскую железную дорогу и все подступы к ней[12].

Последующие бои подтвердили правильность такой расстановки сил.

Войска Керенского и генерала Краснова были разбиты под Петроградом под непосредственным руководством Ленина. Генерал Краснов был взят в плен.

Все это — прямые результаты превосходного знания Лениным военного дела и умелого использования им своих знаний в интересах пролетарской революции.

* * *

Разгром сил контрреволюции и победоносное шествие Великой Октябрьской социалистической революции перепугали международную буржуазию и ее правительства. Империалисты США, Англии, Франции и Японии совместно с контрреволюцией России решили вооруженной силой задушить молодую Советскую республику.

Для борьбы с внешними и внутренними врагами одной Красной гвардии было, конечно, совершенно недостаточно, а развалившаяся старая армия была неспособна защищать

завоевания революции. И Ленин со всей присущей ему решительностью поставил вопрос о создании новой, социалистической армии, которая стала бы могучей военной опорой Советской власти, надежной защитой молодой Советской республики.

Создание Вооруженных Сил первой в мире страны социализма явилось делом необычайно сложным. Мировая история не знала еще примера строительства армии и флота победившего трудового народа. Все от начала до конца надо было делать заново, причем в труднейших условиях. Молодое Советское государство не имело командного состава из рабочих и трудящегося крестьянства. Страна была до предела разорена войной. Многочисленные враги народа старались сорвать организацию Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Несмотря на эти, казалось бы, непреодолимые трудности, Красная Армия и Флот были созданы партией. Их военные и политические, классовые и моральные основы разработал В. И. Ленин.

Участие Ленина в обсуждении первых организационных вопросов по созданию Красной Армии в нашей исторической литературе отражено недостаточно. Хотелось бы несколько восполнить этот пробел.

Расскажу об одном совещании, на котором обсуждались вопросы строительства Красной Армии, создания основ этого строительства.

Совещание проходило в кабинете Владимира Ильича в марте 1918 года. Это было вскоре после переезда Советского правительства в Москву. Тогда я заведовал оперативным отделом Народного комиссариата по военным и морским делам и на этом совещании присутствовал, так сказать, по долгу службы. Присутствовали на нем Э. М. Склянский и другие от Наркомвоена, а также бывшие царские генералы, решившие работать в пользу Советской власти, в частности М. Д. Бонч-Бруевич — брат старого большевика В. Д. Бонч-Бруевича, Н. И. Раттель и еще человек шесть.

В кабинете было холодно, В. И. Ленин сидел в шубе внакидку. Нам он тоже предложил не снимать верхней одежды. По указанию Владимира Ильича дрова в то время экономили даже на отоплении Совнаркома.

С самого начала Владимир Ильич предупредил, что необходимо смотреть жизни в глаза, обстановка архитрудная, но не безнадежная. Почему? Владимир Ильич пояснил: власть в наших руках, а следовательно, и сила на стороне пролетариата и крестьянства. Теперь, сказал Ленин, мы создаем свою рабоче-

крестьянскую, революционную армию на основе всеобщей воинской повинности; теперь у рабочих и крестьян в руках винтовки, оружие и — что особо важно — организация. Хотя в боевом отношении материал для армии у нас еще сырой, но, подчеркнул Ильич, великолепный безусловно.

Шла беседа, Владимир Ильич давал свободно всем высказываться, с большим вниманием слушал говоривших, часто подавал реплики. Некоторые из участников совещания, бывшие старые военные профессора, подняли вопрос о военной доктрине, рассматривая ее как установившуюся на веки вечные, настаивали на сохранении старых порядков в армии. Против этого В. И. Ленин возражал с большой убедительностью: оставить все по-старому невозможно уже потому, что Красная Армия защищает совсем другой строй, рабоче-крестьянский, советский строй.

Владимир Ильич на мгновение замолчал. Прищурившись, он внимательно посмотрел на слушателей, усмехнулся. Затем произнес слова, которые до сих пор мне помнятся.

— Вы говорите, — обратился Ленин к военспецам, — война есть война, убивают одинаково. Это верно, техника бьет и правого и виновного, раз гашетка нажата. Но на кого нацелены винтовка, пулемет, орудие — это другое дело. В царской армии учили убивать без рассуждения, раз царь приказал. Голова солдата не должна была работать. Теперь другое: солдат рассуждает, и командиры и комиссары обязаны ему помогать в этом. Разница, как видите, огромная, принципиальная. Солдат теперь — не пешка, он сознательный, инициативный человек с ружьем, защищает рабоче-крестьянскую власть, свое родное государство.

Далее рассуждения Ильича сводились примерно к тому, что строительство и воспитание Красной Армии вытекает из классовой сущности Советского государства и что задачи нашего государства, его армии — не захватнические войны, а обеспечение мира для победы социализма. Поэтому воспитание войск должно носить характер защиты, обороны Советской страны от империалистических государств. Это основа для изменения прежней военной доктрины. Имеется еще и то новое, отмечал Владимир Ильич, что Красная Армия— интернациональная армия, и воспитываться она должна в духе братства всех трудящихся. А царская армия, как известно, воспитывалась в духе ненависти к другим нациям и народам, она была инструментом угнетения украинских, польских, финских и других наций.

Аргументируя свою мысль, Ленин сообщил **о** событиях последних недель: бывшие военнопленные — немцы, австрийцы, чехи, венгры и другие организуют отряды помощи советскому

народу против контрреволюции. Следовательно, сказал он, трудящиеся разных стран поняли хорошо, что такое Красная Армия!

На этом совещании Владимир Ильич уделил большое внимание перестройке тыла с целью усиления помощи армии, более тесной связи армии и народа. Ведь теперь, говорил Ленин, армия и народ едины. Должны быть едиными, неразрывно связанными и фронт и тыл. Это тоже принципиально новое, чего нельзя упускать из виду при определении военных и политических основ наших Вооруженных Сил.

В. И. Ленин призывал помочь крестьянину и рабочему организовать по-настоящему отпор контрреволюции, отпор военный. Говоря о крестьянине, Владимир Ильич констатировал: он пойдет защищать свою землю, ибо понимает, что делает для него Советская власть. Его только надо вооружить, обучить военному делу, приучить к самодисциплине и порядку. В этой связи Ленин отметил, что теперь казарма должна быть не школой царской муштры, а школой, где обучают военному делу, да и не только военному делу, но и грамотности, культуре. Хорошо обученный красноармеец, выразил свою уверенность Ильич, будет геройски воевать, и это уже показал наш боец. Отсюда Ленин сделал такой вывод: регулярная Красная Армия с сознательной самодисциплиной — это основное звено в деле защиты величайших завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции.

Объяснения В. И. Ленина многим открывали глаза на самое существенное в построении новой армии. Это видно было по тому, как напряженно слушали Ильича бывшие генералы, как вникали они в его слова, старались понять их.

Стояла тишина. Мы сидели вокруг стола Владимира Ильича. Почти напротив Ленина расположился Э. М. Склянский (стекла его пенсне поблескивали, когда он поворачивался в сторону говорившего). Я сидел у окна, возле какого-то высокого цветка. Неподалеку от меня находился генерал М. Д. Бонч-Бруевич. Помню, на стене висела большая карта железных дорог с широкими красными и синими линиями. Все на нее оглядывались, когда Ленин, упоминая о фронтах, показывал места боевых действий. Он говорил о немецком наступлении, о нарушении немецким командованием условий мира.

Владимир Ильич был спокоен и очень серьезен. Он внимательно смотрел на выступавшего, а когда тот повторялся или затягивал свое выступление, показывал на часы и весьма корректно просил говорить короче. И по сей день мне слышится голос Ленина: берегите время, оно у нас, к сожалению, военное.

Временами Владимир Ильич что-то записывал в блокнот, делал отметки на карте. Иногда возражал или поправлял выступавшего. Раза два снимал книги с полки, находившейся справа от него.

Один из старых специалистов настаивал на создании корпусов, как это было в царской армии. Ленин выслушал, спросил мнение других и потом отверг это предложение, указав на то, что не хватает кадров, а ведь в корпусе опять штабы, лишняя инстанция; управлять дивизией, бригадой легче, чем громоздким корпусом, к тому же командиров у нас еще мало, они нужны в полках, ротах.

Ленин заострил внимание слушателей на необходимости введения в войсках Красной Армии беспрекословного повиновения, точного исполнения приказов. Одного энтузиазма мало, сказал он, это надо помнить. Вместе с тем Ильич указал на необходимость оснащения армии богатой техникой, а не только одними ружьями да гранатами. Нужны саперные и инженерные войска, надо готовить летчиков, подумать и о танках, самолетах, броневиках, бронепоездах, флотилиях на Волге, Днепре.

— Подумать и — за работу, ЦК партии и Совнарком помогут, — призывал Владимир Ильич.

Э. М. Склянский поднял вопрос об организационных формах построения полков, дивизий: 3- или 4-батальонные полки? 3- или 4-полковые дивизии? Почти все поддержали предложение о 3-полковых дивизиях и 3-батальонных полках. Ленин согласился с данным предложением, добавив, что организационные формы построения могут со временем изменяться. Тут же Владимир Ильич остановился на вопросе о роли командного состава.

Кто-то из крупных специалистов (не берусь утверждать, может быть, генералы Новицкий или Данилов, а возможно, и М. Д. Бонч-Бруевич) заговорил о необходимости создания военных школ. Вопрос этот был затронут в связи с упоминанием Владимиром Ильичем фамилий выдвинувшихся с низов талантливых военных самородков. Ленин горячо поддержал предложение о создании не только военных школ, но и академий. Бывшие царские генералы, присутствовавшие на беседе, изъявили готовность работать в качестве преподавателей.

Нарушая несколько изложение хода совещания, надо сказать, что В. И. Ленин был очень озабочен тем, чтобы сохранить Военную академию для подготовки рабоче-крестьянского высшего командного состава. 10 марта 1918 года в письме комиссару военных учебных заведений, копия которого была направлена начальнику академии генерального штаба, Владимир Ильич протестует против ликвидации Военной академии (помнится,

распоряжение о закрытии академии отдал Троцкий). Указывая, что ликвидация академии не соответствует намерениям правительства и потребностям времени, Ленин требует немедленно представить в Совнарком проект реорганизации Николаевской военной академии[13]. Благодаря вмешательству Владимира Ильича на базе старой академии была создана новая.

В начале 1918 года по указанию Ленина для низшего и среднего командного состава были развернуты курсы: пехотные, кавалерийские, артиллерийские, инженерные и другие со сроком обучения от 2 до 4 месяцев. Ильич не удовольствовался этими краткосрочными курсами и потребовал их усовершенствования, продления сроков обучения. Были организованы и военные школы: стрелковая, артиллерийская, саперная и химическая, а также дивизионные школы, высшие специальные учебные заведения Красной Армии.

Вернемся, однако, к совещанию. В связи с вопросом о кадрах В. И. Ленин горячо говорил о том, что надо верить в силу народа. Он заявил, что вскоре мы увидим, какие замечательные командиры выйдут из народа — из рабочих и крестьян, красноармейцев. Талантов в народе, добавил Ильич, непочатый край, самодержавие не давало им развиваться, только единицы с трудом поднимались. Касаясь старых военных специалистов, Ленин подчеркнул их роль в обучении войск, выразил пожелание помочь в решении основной задачи— создать дисциплинированную, хорошо обученную Красную Армию.

Неожиданно при этом Владимир Ильич обратился к М. Д. Бонч-Бруевичу:

— Скажите, Михаил Дмитриевич, Вас не удивляет, что мы, большевики, которые с Вашей точки зрения разлагали дисциплину в царской армии, — ведь Вы, кажется, были на Западном фронте? — вдруг теперь говорим о железной дисциплине? Что скажете на это? — И Ленин вопросительно посмотрел на старого добродушного генерала.

Бонч-Бруевич густо покраснел и заволновался:

— Да что Вы, Владимир Ильич, без дисциплины нет войска, я обеими руками и всей душой буду помогать… Я…

— Вот и хорошо, — поспешил продолжить разговор Ильич. — Думаю, что и все сидящие здесь поддерживают крепкую дисциплину в наших войсках. Кстати, скажу, мы не разлагали дисциплину в старой армии, а объясняли солдатам классовую сущность войны, говорили им, что они дерутся, умирают не за свое дело, а за интересы капиталистов и помещиков. Дисциплину подрывала бездарная царская клика, а после ее свержения— Керенский, меньшевики, эсеры, корниловцы. Солдаты и народ

ненавидели войну, поняли ее преступный характер, требовали мира.

Большой разговор на совещании завязался о комиссарах. Некоторые специалисты, боясь двоевластия в армии, с сомнением покачивали головами. В. И. Ленин развил идею создания института комиссаров как контрольного аппарата и как проводника в армии решений Советского правительства и партии. Двоевластия не получится, уверенно сказал Ленин, командир и комиссар предварительно обсудят, а потом командир или начальник штаба с помощью комиссара будет проводить приказ в жизнь. Комиссары таким образом помогут укрепить авторитет честных командиров, специалистов и пресечь попытки измены со стороны нечестных. Ленин прямо заявил, что мы обязаны быть настороже, ибо армия — перед неприятелем и за каждую ошибку расплачивается кровью. Впоследствии, указал Ильич, положение специалистов, командиров изменится (ничто ведь не стоит на месте), со временем командиры получат полную самостоятельность[14].

В. И. Ленин говорил затем о необходимости введения обязательной военной службы, о том, что Советскую власть должны защищать все трудящиеся граждане, а что касается классовых врагов — буржуазии, спекулянтов, кулаков, то их надо заставить работать на оборону в тылу.

Довольно детально обсуждались также вопросы о штабах отдельных единиц армии, финансовый и другие.

Заседание, о котором идет речь, началось утром и продолжалось несколько часов. Владимир Ильич неоднократно выходил из кабинета, его вызывали к прямому проводу; кратко отвечал на телефонные звонки, предлагал позднее ему позвонить или зайти.

Высказанные Владимиром Ильичем положения о принципах организации Красной Армии свидетельствовали о глубоком понимании им военного дела. Ленин стоял у колыбели Красной Армии. Она создавалась на тех теоретических, политических и военных основах, которые определил Ленин.

Красная Армия росла, мужала и закалялась в горниле войны. И, пожалуй, ни одно существенное мероприятие, связанное с ведением войны, не решалось без Владимира Ильича. Назначение и смена главнокомандующих и командующих, выдвижение членов Революционного военного совета республики, РВС фронтов и армий, вопросы подготовки командиров, военных комиссаров, политкомов, расследование причин военных неудач, вопросы укрепления дисциплины и политической работы в армии, проблемы обеспечения войск вооружением,

продовольствием, обмундированием, топливом и т. д. — все это было в центре внимания Ленина и решалось по его указаниям, при его личном участии или при неослабном контроле с его стороны.

Этим я не хочу сказать, что Ленин все решал единолично. Большинство принципиальных вопросов обсуждалось коллегиально, в ЦК партии, в Совнаркоме, в Совете Рабочей и Крестьянской Обороны, образованном 30 ноября 1918 года ВЦИК и переименованном потом в Совет Труда и Обороны (СТО). Владимир Ильич был инициатором постановки военных вопросов в этих органах, и решались они при его участии и под его руководством.

* * *

В. И. Ленин имел свои сложившиеся, научно обоснованные взгляды на социально-политическую сущность дисциплины в Красной Армии в Военно-Морском Флоте, на военное воспитание и обучение, на военные знания солдат и командиров — от младших до старших. Он строил Красную Армию, как регулярную армию с сознательной железной дисциплиной, или, по его выражению, самодисциплиной. Без такой дисциплины, говорил нам Ильич неоднократно, защитить социалистическое Отечество мы не сможем.

Но нам нужны, указывал Владимир Ильич, не солдаты-автоматы, не стражи времен крепостных порядков. Советскому строю необходима сознательная армия, дисциплина которой должна вытекать из понимания каждым бойцом своей роли защитника социалистического Отечества, защитника народа. Вся система воспитания советского солдата и формирования самой армии должна строиться на основе сплочения рабочих и трудящихся крестьян, на широко развернутой политической работе, развитии политического сознания, интернационализма, на понимании того, за что борется Красная Армия и лично каждый красноармеец. Красноармеец должен быть грамотным и культурным.

И Красная Армия под руководством большевистской партии, ее ЦК во главе с В. И. Лениным выковала невиданно твердую товарищескую дисциплину не из-под палки, а из сознания, понимания миллионами рабочих и крестьян того, что им нужно во что бы то ни стало защитить свою рабоче-крестьянскую власть и победить империалистов.

Мы, военные, работавшие в грозные годы гражданской войны

и иностранной военной интервенции, в годы складывания, формирования основных принципов Вооруженных Сил страны социализма, повседневно наблюдали, как Ленин боролся за армию нового типа, армию диктатуры пролетариата, армию, построенную на незыблемой основе марксистско-ленинской военной науки.

Из бесед В. И. Ленина с нами, из его выступлений, писем и приказов того времени мы ясно представляли себе, какое огромное значение он придавал делу укрепления дисциплины в армии и овладения нашими кадрами военными знаниями.

Владимир Ильич Ленин считал, что комиссары, политработники, члены партии, рабочие Питера, Москвы, Иваново-Вознесенска, Донбасса, Урала и других крупных промышленных центров — вот кто может скрепить Красную Армию сознательной революционной дисциплиной, вдохновить ее на победы. Он требовал обязательной мобилизации рабочих, руководящих деятелей партии и посылки их на фронт. Характерны и показательны в этом отношении письмо, телеграмма, а также разговор по прямому проводу В. И. Ленина и Я. М. Свердлова с питерскими руководителями. 20 июля 1918 года Ленин требует двинуть максимум рабочих из Питера, «вождей» несколько десятков и тысячи «рядовых». «Иначе *мы слетим,* ибо положение с чехословаками **из рук вон плохо**»[15].

27 июля 1918 года Ленин телеграфирует в Петроград: «Москва дала нам уже около 200 агитаторов-комиссаров на чехословацкий фронт. Петроград должен дать не меньше. Желательны бывшие военные, но не обязательно: достаточно быть твердым, преданным революционером, чтобы оказать неоценимые услуги делу борьбы против волжской и уральской контрреволюции» [16].

Не довольствуясь отправленными телеграммой и письмом, В. И. Ленин по прямому проводу говорит председателю Петроградского Совета, что генерал Алексеев [17] на Кубани, имея до 60 тысяч сабель и штыков, идет против Советской власти, осуществляя план соединенного натиска чехословаков, англичан, алексеевских казаков; питерские рабочие Каюров, Чугурин и другие заявили, что Питер мог бы дать вдесятеро больше, если бы не оппозиция питерской части ЦК (речь идет о зиновьевской оппозиционной группе в Петрограде). Категорически и ультимативно настаивая на прекращении всякой оппозиции, Ленин требовал прислать из Питера вдесятеро большее число рабочих. И Владимир Ильич добился своего.

Нельзя забыть золотые слова Ленина об обязательной партийности в Красной Армии. Он часто говорил нам, что там,

где строже всего проведена и ведется партийная политика, где тверже всего дисциплина, там нет расхлябанности и партизанщины, лучше работают военспецы, лучше строй и боевой дух, там больше побед.

Все это нашло отражение в циркулярном письме ЦК ко всем членам партии, разосланном осенью 1918 года. В письме, написанном Лениным, говорилось: «Перед лицом того факта, что красноармейские части Южного в особенности Воронежского фронта продолжают оставаться совершенно неустойчивыми, безнаказанно покидают позиции, командиры не выполняют боевых приказов, — Центральный Комитет категорически предписывает всем членам партии: комиссарам, командирам, красноармейцам общими энергичными усилиями вызвать необходимый и скорый перелом в настроении и поведении частей.

Нужно железной рукой заставить командный состав, высший и низший, выполнять боевые приказы ценою каких угодно средств… Ни одно преступление против дисциплины и революционного воинского духа не должно оставаться безнаказанным.

Все части Красной Армии должны понять, что дело идет о жизни и смерти рабочего класса, и потому никаких послаблений не будет… Победа или смерть»[18]

В. И. Ленин требовал интенсивности в политической работе среди войск и запасных, среди рабочих и работниц. Он часто запрашивал: учатся ли красноармейцы, в порядке ли снабжение их? Мне не раз приходилось наблюдать, как он, получив информацию местных Советов или отдельных товарищей о готовности бороться с внешним врагом, тут же уточнял, какое количество войск они способны послать на фронт немедленно, как подготовлены отправляемые, как они обучены и материально обеспечены.

Выше уже говорилось, какое огромное значение придавал Владимир Ильич вопросу повышения военных знаний нашими командирами-самородками, вышедшими из рабочих и крестьян. Небезынтересно привести на этот счет беседу Ленина с командиром Вяземского 4-го латышского полка Я. Я. Лацисом, впоследствии командиром 15-й Инзенской дивизии, отличившейся в освобождении Симбирска, Самары и других городов в 1918 году. Беседа произошла в моем присутствии в мае 1918 года. Узнав, что Лацис окончил только приходскую школу, а в старой армии был унтер-офицером, Ленин сказал ему, что для командира полка это — маловато. Надо учиться. Командир полка отвечает за судьбы тысяч людей, решает сложные тактические

задачи, и кроме мужества и храбрости ему крайне необходимы знания, культура, опыт.

— Учитесь всегда и везде, товарищ Лацис, — сказал Владимир Ильич. — Учитесь у офицеров-генштабистов, а также у противника. Ничего не поделаешь, придется учиться военному делу в боевой обстановке.

С большой иронией отзывался Ленин о тех, кто отрицал необходимость изучения военной науки или презрительно к ней относился. Он указывал, что можно спорить, возражать, не соглашаться с военными профессорами, но нельзя огульно отрицать военную науку, делающую те или иные выводы из накопленного громадного военного опыта. Известно, например, какое удивление В. И. Ленина вызвала телеграмма Сталина о взятии Красной Горки. В телеграмме Сталин писал: «Морские специалисты уверяют, что взятие Красной Горки с моря опрокидывает морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку». Против этого места в телеграмме Владимир Ильич поставил три больших вопросительных знака и написал: «Красная Горка взята с *суши*»[19]. Ленин, как известно, восторженно приветствовал героическую победу над мятежниками, но, судя по замечаниям на телеграмме, он не одобрял высокомерного отношения к науке.

Одного энтузиазма, отмечал В. И. Ленин, недостаточно для ведения войны с империалистическим противником, с генеральской контрреволюцией. Ильич много раз высказывал мысль о том, что наша партия борется и будет беспощадно бороться с мнимо радикальным, на самом же деле невежественным самомнением, будто трудящиеся в состоянии преодолеть капитализм и буржуазный строй, не учась у буржуазных специалистов, не используя их, не проделывая долгой работы рядом с ними.

Считаю уместным привести здесь следующее непосредственное указание В. И. Ленина относительно арестованных военных специалистов. Дело было так. Когда в 1918 году начался белый террор, поднялись мятежи, заговоры, ВЧК арестовала в Москве до 5 тысяч бывших офицеров. Они были собраны в манеже бывшего Алексеевского юнкерского училища в Лефортове. Ф. Э. Дзержинский спросил В. И. Ленина, что с ними делать? Разговор с Владимиром Ильичем был при мне. Ленин посоветовал нам, то есть Дзержинскому, мне и другим товарищам, отправиться к арестованным и подробно с ними побеседовать, проверить их. Ленин выразил уверенность, что среди них найдется немало честных, правдивых офицеров, патриотов своей родины, и они будут работать в Красной Армии.

Насчет аристократишек, сынков буржуазии Ильич советовал определить нам самим, что с ними делать. Может быть, имеет смысл отправить их на тыловые работы, рыть окопы…

Вышло так, как сказал Ленин. Многие простые пехотинцы и артиллеристы охотно согласились служить в Красной Армии и служили честно, обучая солдат, участвуя в боях против врагов Советской власти.

В письме ЦК РКП (б) к организациям партии от 9 июля 1919 года Владимир Ильич указывал в связи с серьезным контрреволюционным заговором в Красной Горке, что «было бы непоправимой ошибкой и непростительной бесхарактерностью возбуждать из-за этого вопрос о перемене основ нашей военной политики. Нам изменяют и будут изменять сотни и сотни военспецов, мы будем их вылавливать и расстреливать, но у нас работают систематически и подолгу тысячи и десятки тысяч военспецов, без коих не могла бы создаться та Красная Армия, которая выросла из проклятой памяти партизанщины и сумела одержать блестящие победы на востоке» [20].

В своих многочисленных беседах, письмах и выступлениях Владимир Ильич горячо и вдохновенно обрисовывал планы строительства Красной Армии, всемерного укрепления обороноспособности страны. Ведя беспощадную войну с революционной фразой о революционной войне, он требовал длительной серьезной работы, начиная с экономического подъема Советской республики, с налаживания железных дорог, с восстановления всюду и везде строжайшей дисциплины и самодисциплины. Ленин ставил задачу подготовить армию в 3 миллиона человек и выражал твердую уверенность, что такая армия будет создана.

29 мая 1918 года ВЦИК утвердил декрет «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию». V Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в июле 1918 года, вынес постановление об организации Красной Армии и запретил случайные формирования, кустарничество, установил систему подготовки командных кадров, привлечения военных специалистов. Съезд Советов, таким образом, узаконил все ленинские положения по строительству Красной Армии, созданию Вооруженных Сил первого в мире социалистического Отечества рабочих и крестьян.

Глава вторая
О ВОЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. И. ЛЕНИНА В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Положение Советской республики было крайне тяжелым. Летом 1918 года изменил левый эсер Муравьев— командующий Восточным фронтом. Он открыл фронт для похода восставшего чехословацкого корпуса на Москву. По указанию французского посла эсеры организовали заговоры и мятежи в Ярославле и других окружающих Москву городах. Французский посол Нуланс проектировал соединение колчаковской армии с восставшими белогвардейцами в Ярославле и Рыбинске, французскими и английскими войсками, высадившимися на севере. На востоке Чехословаки захватили Самару, Казань, Симбирск и другие волжские города, а также Урал, Сибирь.

Меньшевики и эсеры старались поднять кулаков Поволжья на поддержку мятежного чехословацкого корпуса, помочь французским и английским оккупантам на севере, они создавали в тылу Красной Армии очаги восстаний.

На юге с помощью германских войск казаки захватили Донскую область. Калединские, красновские, алексеевские, деникинские и прочие белогвардейские части устремились к Царицыну, отрезая от Центральной России Кубань, Северный Кавказ. Украину терзали германские полчища, войска гетмана Скоропадского.

Да и в других частях России было неспокойно. Положение осложняла еще и катастрофическая разруха. Железные дороги почти не работали. Заводы и фабрики стояли из-за тяжелого продовольственного положения, отсутствия сырья и топлива. Трудности были громадные. Только что сформированные красноармейские части были еще в большинстве своем неопытны, неустойчивы, нёредко поддавались панике, они еще не имели настоящей дисциплины.

В этой немыслимо тяжелой обстановке наша партия, В. И. Ленин не только не терялись, но, напротив, были еще более собранными, энергичными. Владимир Ильич безгранично верил в

неисчерпаемые силы народа, проявлял необычайную волю, твердость характера.

Силы народа мобилизовала Коммунистическая партия. Она вдохновила трудящихся на священную войну против интервентов и белогвардейцев. Все важнейшие вопросы ведения этой войны с самого ее начала определял и решал Центральный Комитет партии, возглавляемый В. И. Лениным. Главное свое внимание ЦК и Ленин уделяли тогда созданию регулярной красной Армии, способной дать отпор врагам нашей Родины. В целях укрепления ее рядов Центральный комитет еще в апреле 1918 года учредил институт военных комиссаров. В формируемые части и армии направлялись лучшие представители партии. Например, на Восточный фронт летом 1918 года были посланы такие опытные партийные деятели, как В. В. Куйбышев, С. И. Гусев, А. Ф. Мясников, П. К. Штернберг и другие. Создавались дивизионные, армейские и фронтовые политотделы. Политические работники, коммунисты сыграли громадную роль в сплочении красноармейцев и командиров, в разъяснении им справедливого характера войны. Большую работу в этом направлении проводили местные партийные организации и прежде всего петроградская, московская и иваново-вознесенская.

Усилиями партии, Владимира Ильича Ленина Красная Армия была создана в кратчайший срок. Уже к осени 1918 года она насчитывала в своих рядах около миллиона бойцов. Поставленная Лениным задача создать трехмиллионную армию была впоследствии успешно решена.

Несмотря на огромную занятость партийными и государственными делами, В. И. Ленин принимал ближайшее участие в разработке важнейших планов операций Красной Армии, контролировал их выполнение, осуществлял фактически руководство военными действиями.

Мне, как заведующему оперативным отделом Народного комиссариата по военным и морским делам, неоднократно приходилось наблюдать деятельность Владимира Ильича в этот самый трудный и ответственный период борьбы с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией.

Поясню вкратце структуру военного управления того времени. Все военные ведомства и учреждения подчинялись тогда Революционному военному совету республики — высшему коллективному органу управления Красной Армией и Флотом. Реввоенсовет, созданный в сентябре 1918 года, позволил осуществить централизацию руководства Советскими Вооруженными Силами. В связи с этим Высший военный совет, существовавший с марта 1918 года, был упразднен. Вместе с

образованием Реввоенсовета республики учреждена была должность главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами страны. Главком также находился в подчинении Реввоенсовета. В тот период была принята и единая структура управления войсками фронтов и армий. Во главе каждого фронта стоял Реввоенсовет фронта (в лице трех его членов: командующего и двух политкомиссаров). Каждую армию тоже возглавлял Реввоенсовет. Надо еще иметь в виду, что руководство боевыми операциями на фронтах осуществлял полевой штаб Революционного военного совета республики.

Итак, полнота всей военной власти в то время находилась в руках коллективного органа — Реввоенсовета республики. Но и он, как все другие ведомства и учреждения, работал на основе указаний Центрального Комитета партии, руководимого В. И. Лениным.

Остановлюсь несколько на работе близкого мне оперативного отдела, который я возглавлял тогда с момента его образования. Не преувеличивая его роли и функций, хочу сказать, что и этот отдел, наряду с другими многочисленными отделами и вышестоящими военными органами, коим он был подотчетен, вложил свой посильный вклад в общее дело защиты социалистического Отечества.

Сразу же оговорюсь, что в первый период организации Красной Армии (январь — лето 1918 года) функции оперода были обширны, они касались многих вопросов военной работы. Эти функции впоследствии отходили к другим, вновь создаваемым военным учреждениям (Особый отдел, Военный трибунал и т. д.).

Оперативный отдел (сокращенно тогда его именовали оперод) был создан в январе 1918 года при Чрезвычайном штабе Московского военного округа как коллегия (отдел) по формированию отрядов Красной гвардии. Назывался он сначала фронтовым отделом, а затем оперативным. В марте 1918 года оперод МВО был передан в ведение Наркомвоенмора.

С марта по октябрь 1918 года, то есть со времени перехода оперативного отдела из Московского военного округа в ведение Наркомвоенмора и до приказа о включении его в Полевой штаб Революционного военного совета республики, оперод ведал отрядами Красной гвардии и Красной Армии.

Владимир Ильич лично бывал в оперативном отделе, звонил по телефону, запрашивал сведения с фронтов, давал указания, которые должны были быть точно в назначенный срок выполнены, вызывал к себе отдельных работников. Кабинет Ленина был соединен прямыми проводами с фронтами и оперодом. Ильич давал нашему отделу задания, связанные с

направлением подкреплений на фронты, с материальным и политическим обеспечением операций, с выявлением причин неудач, поражений, с укреплением дисциплины в частях. Из опероде В. И. Ленину направляли оперативные и политические сводки, информационные бюллетени, доклады по интересовавшим его специальным вопросам, о всем существенном на фронтах. В случае острой необходимости ему звонили днем и ночью. Нам, работникам опероде, не трудно было убедиться в том, что основное руководство Красной Армией непосредственно осуществлял Владимир Ильич, а не тогдашнее руководство Военного комиссариата, возглавлявшееся Троцким.

Владимир Ильич входил и вникал во все стороны военной жизни фронтов. Доклады он слушал крайне внимательно; вопросы его были предельно лаконичны, указания точны; держался он спокойно, стоял обычно У карты, следил по ней за ходом операций и лишь изредка, заложив большие пальцы за проймы жилета, слегка приподнимался на носки. Когда Ленин слушал, от него не ускользал ни один промах и пробел в сообщении, и казалось, что Ильич проникал своим гениальным умом не только в содержание доклада, но и в мысли, в душевное состояние самого докладчика. Затем началось самое трудное: Ленин вежливо и спокойно, но настойчиво выяснял недоработанное упущенное.

— А это действительно так? — спрашивал он. — Когда проверено? Сколько времени прошло с момента получения последних сведений? Откуда вы знаете, что сообщение по Н-ской железной дороге не прервано противником? (Потом выяснилось, что оно действительно прервано.) А если прервано, что очень вероятно то каким путем пойдут эшелоны? Почему отряд такой-то отступил без приказа? Кто предан суду за нарушение дисциплины?

В. И. Ленин требовал беспощадно карать саботажников, предавать строгому военному суду всех, кто так или иначе срывал дело.

Припоминаю, как однажды Владимир Ильич сказал, что у нас «трения» поглощают чертовски большую долю наших усилий и что так дальше работать нельзя. Для Ленина «трения» были условным термином для обозначения не столько трудностей на поле боя, сколько для характеристики «противодействующей среды» — заскорузлого бюрократизма, нередко парализовывавшего советские, в том числе и военные, учреждения. Ильич неоднократно указывал, чтобы не играли в коллегиальность, когда дело требует энергии и быстроты действия ответственных руководителей на месте, в бою, в

решении боевого вопроса. При этом он обычно интересовался, каков план действий. Как обеспечено его выполнение людьми, техникой, снабжением? Что известно о планах противника не вообще, «рвутся-де, к Москве», а конкретно, точно и как это учтено в наших планах?

Владимир Ильич постоянно и превосходно знал военную обстановку, отчетливо представлял себе дислокацию частей, географию военных действий, помнил многих военных работников, знал им цену.

Ленин гениально определял, какой фронт является решающим, главным для данного времени. Особое внимание уделял он взаимодействию фронтов.

Громадное количество военных оперативных сообщений, телеграмм и писем с фронтов приходило к Ленину. Были у него и ходоки — красноармейцы, комиссары, депутаты из отрядов, дивизий, армий. Некоторых он принимал, подробно расспрашивал, входил во все детали вопроса, посылал их в случае необходимости в снабженческие учреждения.

Все это давало Ленину возможность руководить боевыми действиями Красной Армии конкретно, четко, оперативно.

Общаясь с Лениным, мы старались перенять его стиль работы. Опородовцы постоянно чувствовали не только ленинскую требовательность, но и его внимание и заботу. Как-то Владимир Ильич, обращаясь к М. Свердлову (Свердлов нередко присутствовал при наших докладах Ленину), заметил, что надо бы помочь опероду подобрать людей: плохо у них с этим, нельзя рассчитывать на Троцкого. Яков Михайлович обещал оказать помощь и через несколько дней направил к нам в оперод ценных работников. С Я. М. Свердловым В. И. Ленин часто советовался, привлекал его к решению неотложных дел, ценил его мнение по тому или иному вопросу.

Следует сказать, что у Якова Михайловича Свердлова была необычайная способность правильно оценивать людей, быстро находить нужного и ценного именно для данного дела человека, вселять в него уверенность, что он обязательно справится с поручением. Личное воздействие Свердлова на всех, кто с ним сталкивался, было громадным. Он умел поднять человека в собственных глазах, пробудить в нем лучшие чувства, вдохновить и зажечь энтузиазмом.

Работники оперативного отдела регулярно выезжали на фронты военных действий. Они связывали отдел с далекими и близкими отрядами, дивизиями, армиями. Наиболее важные сведения и доклады от них сообщались непосредственно Ленину. Так, например, после поездки А. В. Гиршфельда на Северный

фронт Владимиру Ильичу был представлен обстоятельный доклад, в котором говорилось, что белогвардейцы и интервенты готовятся отторгнуть Северную область от Советской России.

Очень важную роль в опероде играло политическое отделение, которым руководил Александр Васильев, питерский рабочий-металлист, член партии с 1905 года. Его к нам по рекомендации В. И. Ленина направил И. М. Свердлов. В задачу политического отделения входило: помогать Всероссийскому Бюро Военных Комиссаров в подборе для фронта политработников, агитаторов, в отправке литературы и т. д. Васильев и его подчиненные нередко бывали на фронтах, проверяли политико-массовую работу. Кроме того, они выступали на рабочих собраниях с обзорами о ходе военных действий.

Организационное и разведывательное отделение опорода возглавлял молодой генштабист Б. И. Кузнецов, окончивший Николаевскую военную академию в 1916 или 1917 году. Когда отделение разрослось и его функции расширились, Кузнецов занялся исключительно вопросами военной разведки. Комиссаром отделения был член партии Макс Тракман. Здесь же работала в качестве секретаря Р. А. Крюгер.

В. И. Ленин придавал разведке первостепенное значение. Он требовал обязательной присылки ему газет, приказов и другого печатного материала из вражеского тыла, советовал подробно расспрашивать пленных, предоставлять им возможность встречаться с красноармейцами и крестьянами, чтобы те узнавали от них о зверствах белых генералов и помещиков. Владимир Ильич поручал добывать материалы о снабжении армий противника военной техникой, боеприпасами, обмундированием и продовольствием, о моральном состоянии солдат, политическом настроении населения района военных действий.

Всем этим и занимался аппарат отделения Б. И. Кузнецова. Сам Кузнецов всю свою жизнь посвятил военному делу. Встретил я его последний раз после Великой Отечественной войны в звании генерал-майора.

В опероде работали два брата Гиршфельды, Александр и Евгений (отец их, популярный врач в старой Москве, был большевиком, помогал партии в московском подполье). Оба брата проявляли всегда большую энергию, действовали самозабвенно. Вспоминаю также генштабистов выпуска 1917 года тт. Моденова, Кутырева, Доможирова. Они составляли сводки, проверяли выполнение оперативных и организационных заданий, подготавливали проекты решений.

Имелись в опероде и другие отделения, например снабжения (возглавлял его А. Ф. Боярский), военной цензуры, связи,

картографическое, статистическое, транспортное.

Как не вспомнить о молодых, преданных делу революции братьях Васильевых — Алексее и Павле!

Пришли они к нам прямо с корабля. Оба были членами партии, хорошо подтянутыми, распорядительными. Алексей и Павел выполняли ответственные задания по собиранию оружия и отправке его по заданию Ленина на фронты. В частности, задание Владимира Ильича — отправить в Царицын поезд с оружием было выполнено именно братьями Васильевыми.

Из Латышской дивизии пришел к нам Р. Я. Петерсон. Занимал он должность коменданта оперативного отдела, затем был комендантом поезда Наркомвоена, а в конце 20-х годов — комендантом Московского Кремля.

Агентом для поручений по ответственным заданиям работал у нас А. А. Волков. Он постоянно находился в разъездах: проверял на местах работу военкоматов по выполнению многих задач, по мобилизации людей в армию, организации воинских частей. Одновременно Волков помогал в борьбе с кулачеством, эсерами, контрреволюционными мятежами. Ему также давались задания-и по распространению на местах литературы. Он окончил академию генерального штаба. Сейчас — пенсионер.

Большую работу в опероде проводил член партии Г. И. Рудайский. По поручению В. И. Ленина он иногда выезжал на фронт для проверки выполнения директив ЦК РКП (б) и Совета Обороны. Одновременно занимался транспортом и другими хозяйственными вопросами.

Небезынтересно отметить, что, поработав под руководством Владимира Ильича, генштабисты — бывшие офицеры царской армии — не только становились людьми просоветскими, но и вступали в Коммунистическую партию, честно и беззаветно служили ее великим идеалам (например, Б. И. Кузнецов, А. А. Волков и многие другие).

В. И. Ленин высоко ценил людей способных, инициативных, самоотверженных и бесстрашных. Много таких людей выискал лично сам Владимир Ильич, приставлял их к важному делу. Одним из них был Иванов, которого Ленин прислал к нам с запиской в июне 1918 года. Ленин писал в оперод примерно следующее: здесь есть (приехал из Астрахани, был в Баку, Царицыне) кавказский комиссар Иванов. Кажется, прекрасный вояка и способный душить восстания кулаков по-настоящему. Рвется на чехословацкий фронт, просит дать ему 500 человек. Нельзя ли быстро удовлетворить его просьбу и в какой мере?

Потом мы звали этого товарища Иванов-Кавказ-ский. По-видимому, ленинская записка дала нам толчок прибавить к его

фамилии — Кавказский. Это был действительно боевой товарищ, охотно бравшийся за самые трудные операции. Насколько мне помнится, он участвовал в Москве в подавлении левоэсеровского мятежа, потом возглавлял крупные отряды, направленные в Баку.

Тер-Арутюнянц тоже пришел к нам по направлению Владимира Ильича. Ему мы поручили в соответствии с указаниями Ленина организовать бюро Северокавказского округа при оперативном отделе. Тер-Арутюнянца Владимир Ильич знал лично по октябрьским дням в Петрограде и весьма его ценил.

Летом и осенью 1918 года создалось чрезвычайно тяжелое и запутанное положение в Баку. Англичане, с одной стороны, турки и немцы — с другой, стремились захватить город нефти. Им активно помогали мусаватисты, дашнаки, меньшевики.

В. И. Ленин был очень обеспокоен положением в Баку и тогда же дал поручение тов. Арутюиянцу организовать экстренную помощь героической Бакинской коммуне оружием и боеприпасами. Ленин предложил Народному комиссариату по военным и морским делам принять все меры для ускорения переброски в Каспийское море и реку Куру боевых судов. Опероду Ильич поручил деятельно готовить отряды для отправки в распоряжение тов. Шаумяна — председателя Бакинского Совнаркома. Выполнение этого задания и поручили Арутюнянцу. Задание было не из легких. К тому времени контрреволюционные войска захватили Петровск (ныне Махачкала) — город и порт на Каспийском море, к которому подходили железные дороги из Грозного, Баку, Ростова-на-Дону. Враги захватили и другие близлежащие к Петровску города. Таким образом, советский Баку был отрезан от Советской России. Связь была полностью нарушена.

Воодушевленный доверием и поручением Ленина, Тер-Арутюнянц с исключительной энергией организовывал боевые батальоны из рабочих Москвы, Питера, Иваново-Вознесенска. На помощь Баку были отправлены тогда два или три батальона под командованием Иванова-Кавказского.

О характере работы опорода, его задачах Владимир Ильич беседовал со мной не раз, когда я ему докладывал об обстановке на фронтах. Приведу некоторые высказывания Ленина об опероде. Говорил это Владимир Ильич в разное время, по тому или иному случаю и не в виде поручений, а скорее в виде дружеских, товарищеских советов. Однажды он отметил, что оперод призван к проверке организации боевых действий Красной Армии, к тому, чтобы видеть обстановку, боевые операции шире, чем видят это командиры.

В другой раз Владимир Ильич сказал по поводу моего

заступничества за кого-то:

— Вы не имеете права быть добродушным. Помните, что наша армия только-только начинает складываться. Нет опыта, нет дисциплины, а грозные беды кругом. Одно дело — объяснить, поправить ошибку, но расхлябанности, невыполнения приказов терпеть нельзя. Это — аксиома. Надо крепко наказывать за нарушение приказа, кто бы ни был этим нарушителем.

В самый трудный период 1918 года, когда молодая Советская республика была буквально в огненном кольце, В. И. Ленин при очередном моем докладе сказал, что германские корпуса, чешские легионы, войска англо-французских империалистов, армии белых генералов с тысячами опытных командиров — это не разболтанные сторонники болтунишки Керенского, это противник сильный. Усталость народа, из рук вон плохое снабжение, железнодорожная разруха — вот наши дополнительные враги. Но унывать нельзя, это ведет к растерянности, к панике, а паника — гибель. При здравом решении насущных вопросов, при условии сверх напряжения всех, кому дороги свобода и независимость, мы преодолеем все эти трудности.

Однажды я спросил Владимира Ильича:

— Как сочетать железную дисциплину с инициативой исполнителей? Ведь мы, опородовцы, далеко от фронтов, подчас и командующие армиями, дивизиями оторваны от непосредственных исполнителей или находятся в какой-то одной части. Как быть в таких случаях?

На это Ленин ответил:

— Избегайте стандарта «от печки». Как можно больше инициативы! Между строжайшей дисциплиной и инициативой нет противоречия. Нужно то и Другое. Отдается, например, приказ о наступлении — он обязателен, здесь нужна точная, строгая дисциплина. Но подчиненные войска, как известно, выполняют приказ в конкретной обстановке: обходом, прямым ударом или другим путем. Здесь нужна инициатива. Вы — бывалый солдат, сможете сами привести десятки примеров. Словом, необходимы железный строй, железная дисциплина, строгая подчиненность и вместе с тем надо развивать инициативу. Без этого мы не сможем победить, будем биты и биты. Дисциплина и инициатива — это твердая, образцовая организация… Чаще выезжайте на фронты, в армии, — советовал В. И. Ленин, — на местах проверяйте исполнение директив.

В самом опероде работа шла непрерывно. Мы получали сводки с фронтов, их необходимо было немедленно обработать и доложить В. И. Ленину и наркому по военным и морским делам.

По требованию Ленина я обязан был выяснять все неясности в донесениях, принимать всех без исключения приезжавших с фронтов товарищей. Как правило, опрашивал ежедневно начальников отделений, давал им задания сообразно полученным сведениям. Заведено было также ежедневно сноситься со всеми управлениями военного ведомства по различным вопросам. При опероде первоначально находился особый отдел по проверке военных работников[21]. Он потом отошел в Чрезвычайную комиссию, возглавляемую Ф. Э. Дзержинским. Из недр оперода вышел и Военный трибунал. Одно время автор этих воспоминаний был его председателем.

Жил я неподалеку от оперода, и каждую ночь приходилось мне по телефону отдавать различные распоряжения, а то и немедленно мчаться в оперод или на телеграф, на Мясницкую улицу (вначале в опероде не было телеграфа). Военная обстановка докладывалась лично В. И. Ленину по карте в его кабинете, реже — по телефону. В 8–9 часов утра Владимир Ильич обычно уже сам звонил и требовал краткого доклада за прошедшую ночь. Когда он давал указания о формировании новых частей, надо было ездить, отыскивать и выяснять наличие оружия, снарядов, патронов и пр., требовать от железнодорожников быстрого составления эшелонов, следить за их своевременной отправкой. Во многих случаях мы прибегали к помощи Ильича.

Во время левоэсеровского мятежа мы, опородовцы, были мобилизованы Лениным на ликвидацию этого мятежа. Мне с группой товарищей пришлось действовать по Владимирскому шоссе (теперь шоссе Энтузиастов).

До заключения Брестского мира в оперативном подчинении оперода находился центральный штаб партизанских отрядов. После подписания Брестского мира этот штаб был переименован в особое разведывательное отделение оперода.

В. И. Ленин придавал большое значение работе партизанского штаба, а потом особого разведывательного отделения. По рекомендации Ленина начальником штаба был назначен П. И. Шиш ко, бывший гельсингфорсский матрос с миноносца «Достойный», член ЦИК первых двух созывов, а его помощником — А. И. Ковригин. Владимир Ильич знал Ковригина по Петрограду в период Октябрьского восстания и доверял ему, хотя он и Шишко были левыми эсерами. С 1893 года Ленин знал мать Ковригина как революционера-народовольца. Одно время она скрывала Ильича в своей квартире от полицейских ищеек. Рекомендуя ее сына, В. И. Ленин сказал мне, что это потомственный революционер.

П. И. Шишко был потом послан Лениным на Украину, и там он оставался в период немецкой оккупации. Партизанские дела вместо него вел Ковригин.

В целях оказания действенной помощи партизанам Владимир Ильич посоветовал организовать при особом разведывательном отделении оперода школу подрывников. Я поручил это дело Ковригину, и он быстро ее сформировал.

В школе подрывников у нас обучались и приезжие партизаны, они проходили здесь политическую и военную подготовку. В их распоряжении имелись два полевых орудия, винтовки, пистолеты. Занятия велись в помещении школы, а для практических действий выезжали за город.

Для политической характеристики А. И. Ковригина и учеников подрывной школы нужно отметить такую деталь. Во время левоэсеровского мятежа Ковригин пришел в оперод и заявил, что он против мятежа, не согласен с действиями руководства левых эсеров и поэтому остается у нас и будет помогать большевикам. В школе подрывников были и левые эсеры, присланные с мест. Они также остались верными Советской власти. Это обстоятельство надо отнести к работе большевистской ячейки школы, оперода, преподавателей и самого Ковригина. В 1923 году

А. И. Ковригин и П. И. Шишко вступили в большевистскую партию по рекомендации Ф. Э. Дзержинского и других товарищей… Финансирование школы подрывников и лиц, командируемых после ее окончания в тыл врага, осуществлялось в советской валюте Я. М. Свердловым; украинскими карбованцами и немецкими марками — через оперод. Карбованцы и марки поступали к нам от Антонова-Овсеенко, который захватывал их во время боевых действий на Украине. Помню, как один раз он прислал нам свыше 3 миллионов карбованцев, затем поступали менее крупные суммы. Обо всех этих поступлениях я докладывал Ленину.

Однажды (это было, кажется, в начале апреля 1918 года) Ильич во время моего очередного доклада поинтересовался, где я разместил особый разведывательный отдел. Я сказал, что он пока находится при опероде на Пречистенке.

Ленин очень встревожился и заявил мне:

— Как же это вы, батенька, так неосмотрительны, забыли конспирацию. Ведь вы вели подпольную работу. Немедленно найдите отдельное помещение и доложите мне. Надо быть сугубо осторожным. Не все работники оперода должны знать о помощи, какую мы оказываем партизанам, особенно украинским. Умело соблюдайте тайму, никаких записок и писем не посылать.

Действуйте устно через верных людей. По телефону говорите условно, шифром.

Затем, помолчав, Ленин спросил:

— А чем занимается сейчас Ковригин?

— Он комиссар по особым поручениям, — ответил я.

— Вот это правильно! Немцы не должны иметь повода для предъявления нам претензий. Не забывайте, что расхлябанность может привести к гибели наших людей в тылу врага, — подчеркнул Владимир Ильич.

Вскоре для особого разведывательного отделения мы подыскали отдельное помещение в Левшинском переулке.

Какие задачи ставились Лениным перед партизанами и повстанцами в неприятельском тылу? Прежде всего помощь Красной Армии. Вся работа партизан подчинялась интересам Красной Армии и должна была согласовываться с ее боевыми целями. В. И. Ленин требовал от нас всемерного содействия партизанам оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами, деньгами, опытными кадрами. Он требовал также обязательной, самой тесной связи наших товарищей с подпольными большевистскими организациями в тылу врага.

Связь эта в основном осуществлялась через пропускные пункты. Такие пункты были в Сенно Смоленской губернии, Почепе Черниговской губернии, в Псковской губернии (пункта сейчас не помню), в районе 6-й армии и других местах. Самым оживленным пунктом являлся Почеп. (В этом районе в тылу немцев была захвачена и зверски замучена отважная наша разведчица Нина Капелюш.)

В качестве представителя от Народного секретариата Украины работал коммунист И. А. Баварский. Он бывал у нас со своими заявками почти ежедневно. Кроме того, с Украины приезжали Н. Г. Крапивян-ский, М. П. Кирпонос, Н. И. Точеный и другие. Они настойчиво просили, а иногда и требовали оружия. Эти товарищи давали нам полную информацию о военной и политической обстановке на Украине, главным образом в районах Черниговщины, Киевщины и Полтавщины.

М. П. Кирпонос был тогда совсем еще молодым человеком. Высокий, спокойный, он производил на окружающих весьма хорошее впечатление. Впоследствии Кирпонос стал генералом, Героем Советского Союза. К глубокому сожалению, Михаил Петрович погиб под Киевом в Великую Отечественную войну, будучи командующим войсками Юго-Западного фронта.

В Латвии, Эстонии вели большую партизанскую работу такие замечательные боевые товарищи, как Брушвит, Паэгли, Каллис. Все трое попали в плен к врагу и после страшных пыток были

убиты.

С Севера приезжал к нам П. Ф. Виноградов, герой борьбы с английскими и американскими оккупантами. Виноградов командовал тогда Северодвинской флотилией. По партизанским делам Севера бывал у нас и А. Метелев.

Северные партизаны в широких масштабах проводили боевую и пропагандистскую работу в тылу противника, среди английских и американских солдат. Эта работа давала поразительные результаты. В стане вражеских войск солдаты нередко отказывались сражаться, дезертировали.

Во главе партизанского движения в Сибири и на Дальнем Востоке стояли такие талантливые организаторы, как П. П. Постышев, С. Г. Лазо, П. Е. Щетин-кин и другие. Непосредственную помощь они получали от армий Восточного фронта.

Вдохновителями и руководителями борьбы партизан против интервентов и внутренней контрреволюции были Коммунистическая партия, В. И. Ленин.

Следует заметить, что деятельность партизан в тылу врага В. И. Ленин оценивал очень высоко. В то же время он беспощадно осуждал «партизанские» замашки внутри Красной Армии.

В октябре 1918 года оперативный отдел влился в штаб РВС республики. (Постановлением Совнаркома от 8 октября я был назначен членом РВСР.) Здесь мне тоже доводилось встречаться с В. И. Лениным. Приблизительно в середине марта 1919 года, за несколько дней до VIII съезда партии, Ленин прибыл в штаб на встречу с фронтовиками, командирами и комиссарами.

Вошел В. И. Ленин в сопровождении главнокомандующего И. И. Вацетиса. Скромно одетый, каким мы привыкли видеть его в жизни и на портретах, Ильич, улыбаясь, поприветствовал нас:

— Здравствуйте, товарищи командиры и комиссары!

Мы дружно, по-военному, ответили!

— Здравствуйте, товарищ Ленин!

Все сели за стол. Началась беседа, в ходе которой, между прочим, каждому было подано по куску черного хлеба, кусочку сахара и стакану чая. Перед Лениным и главнокомандующим поставили по стакану чая, тарелку с хлебом и сахарницу с сахаром. Владимир Ильич взял, как и все, кусок хлеба и кусочек сахару (так же поступил и Вацетис), а тарелку с хлебом и сахарницу предложил убрать, чтобы «не мешали» вести беседу.

Беседовал с нами Ильич запросто, душевно. Иногда он весело, заразительно смеялся. Невольно смеялись и все присутствующие.

Сначала Ленин расспрашивал присутствующих о делах и

сведениях с фронтов, о том, как реагирует население, что говорят рабочие и крестьяне о войне, о призывах молодежи в армию, о мобилизации лошадей, о продразверстке. На каждый ответ Владимир Ильич имел свое суждение, которое тут же коротко излагал. Не только мы, штабисты, и представители с фронтов, но и главнокомандующий удивлялся осведомленности Ленина в долах фронтовых, в знании людей далеких и многочисленных дивизий и армий. Всех нас поражала глубина его чисто военных суждений, конкретных, весьма важных предложений.

Кто-то (кажется, Б. И. Кузнецов) шепнул мне: «А ведь Владимир Ильич — настоящий генерал-профессор в военных вопросах…» Так думали все мы и старались не пропустить ни одного ленинского слова.

Расспросив присутствующих о том, что каждого из нас интересовало, и высказав свое мнение по отдельным вопросам, Ленин подытожил беседу. Он сказал, что наша армия с каждым днем крепнет, армия Антанты разлагается и победа, несомненно, будет за нами.

Владимир Ильич призвал нас добывать эту победу во что бы то ни стало. Он подчеркнул при этом роль комиссаров, которые должны быть душой армии, воспитывать бойцов в духе преданности рабоче-крестьянской власти, помогать советами и действиями населению освобожденных районов в налаживании разрушенного хозяйства.

После ухода В. И. Ленина мы еще долго обменивались мнениями о его поистине отцовском, простом и задушевном наставлении об улучшении нашей работы в Красной Армии.

Наряду с другими важными военными вопросами В. И. Ленин придавал исключительное значение организации интернациональных пролетарских отрядов для защиты первого в мире государства рабочих и крестьян.

Вскоре после Октябрьской революции, когда оперод еще не влился в штаб РВС республики, развернулось движение помощи Советской России со стороны военнопленных. К нам, в оперативный отдел, непрерывно поступали сведения из разных мест об организации интернациональных отрядов из числа китайцев, немцев, сербов, чехословаков, венгров, австрийцев, поляков и других. Этим Владимир Ильич очень заинтересовался. Он потребовал от нас подробно сообщать ему о каждом таком отряде, его численности, руководителе.

В. И. Ленин однажды выступил на митинге, организованном в Варшавском революционном полку. Митинг состоялся 2 августа 1918 года в помещении Коммерческого института.

В этой связи скажу несколько слов о польском корпусе

Довбор-Мусницкого, сформированном еще при Керенском. Его солдаты проявляли большое недовольство тем, что их натравливали против русских. Один из полков (Варшавский) восстал и перешел на сторону Советской власти, приняв активное участие в боях против белогвардейцев. В корпусе Довбор-Муспицкого выступило за поддержку Советской власти в общей сложности около 17 тысяч солдат. ЦК Польской социалистической партии в декабре 1917 года обратился к трудящимся Польши с призывом поддержать борьбу русского пролетариата. Это способствовало окончательному разложению контрреволюционного корпуса.

Таких примеров было немало.

Показательна также история корпуса, созданного из пленных чехословаков в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Часть личного состава корпуса подпала под влияние националистических элементов, а его командование, подкупленное Антантой, стало орудием в руках англо-французских и американских империалистов.

Представители чешских легионов Прокопий Макса (командир корпуса) и Богумил Чермак (председатель Чешско-Словацкого национального совета) играли двойную игру… Чермак имел более 11 миллионов франков и 80 ООО фунтов стерлингов. Денежные средства передавали ему, а также сотрудникам национального чешского комитета французские и английские консулы. Таким образом, чехословацкие солдаты были проданы империалистическим заправилам за миллионы франков и фунты стерлингов.

Прокопий Макса и Богумил Чермак, с одной стороны, подписывали телеграммы, приказы об обезоружении чехословацких эшелонов, распинались в любви, уважении к русскому народу и революции, а с другой, поощряли генерала Гайду стрелять в отряды красноармейцев, убивать советских граждан, разгонять Советы в ряде волжских и сибирских городов. Началось с Мариинска и Челябинска. Чехословацкому мятежу помогали эсеры, меньшевики, кадеты.

Франко-английские представители на словах обещали дать корабли Архангельскому и Владивостокскому портам для перевозки чехов во Францию, а на самом деле судов не подавали и толкали обманутых чехов и словаков на борьбу с советским народом.

Надо сказать, что, несмотря на начавшиеся военные действия с чехословацкими частями, В. И. Ленин продолжал настойчиво добиваться мирного исхода и прилагал все усилия к ликвидации вооруженной борьбы с белочехами. По прямому указанию

Владимира Ильича Ф. Э. Дзержинский, чешский коммунист

А. Мун и я вели переговоры с представителями чехословацкого войска Прокопием Макса и Богумилом Чермак. Эти господа все время изворачивались. Переговоры заняли несколько дней, но желаемых результатов не дали. Мы упорно разъясняли мирные намерения Советского правительства способствовать отправке во Францию чехословацкого корпуса. Однако было очевидно, что корпус является орудием в руках Франции, Англии, США. Для интервентов важно было создать в центре России свой ударный кулак, свою базу.

Одновременно с официальными переговорами Чешская коммунистическая партия вместе с демократическими силами корпуса проводила разъяснительную работу среди солдат и младшего командного состава о предательской роли высшего чешского командования, о подкупе его империалистами. Издавались листовки, газеты.

Чехословацкий социал-демократический орган в Петрограде обратился к военнопленным с воззванием. В воззвании разоблачалась политика чешской буржуазии и поведение командования корпуса. Кроме того, в Киеве была созвана конференция чехословацкой рабочей партии, которая решила поддержать русский пролетариат. 14 апреля 1918 года Центральный исполнительный комитет чехословацкой группы обратился к своим солдатам с призывом вступать в Красную Армию. Это воззвание подписал и Ярослав Гашек, создавший впоследствии всемирно известное произведение «Похождения бравого солдата Швейка». 25–27 мая 1918 года собрался съезд чехословацких коммунистов. Он призвал солдат помочь русскому пролетариату: «Мы берем оружие в руки, дабы защитить и поддержать революцию». Вскоре образовались революционные чехословацкие отряды в Саратове, Москве и других городах. Возглавили это дело А. Мун, Я. Гашек и другие чешские товарищи. Наконец, в июне 1918 года Уфимский чехословацкий комитет коммунистов призвал солдат мятежного корпуса прекратить братоубийственную войну с русским народом. Среди военнопленных распространялось воззвание кладненских горнорабочих. В нем говорилось о переходе воинских частей чехословацкого корпуса на сторону Красной Армии.

Вся эта работа дала положительные результаты. Солдаты — чехи и словаки, переходившие на нашу сторону, способствовали тому, что командование корпуса вынуждено было выдать Колчака органам Советской власти.

На помощь Советской власти пришли также отряды, сформированные из германских и австрийских военнопленных.

Такие отряды были созданы в Москве, на Украине, в Туркестане и других местах.

В конце 1917 года в Москве состоялось делегатское собрание 200 представителей от 20 тысяч военнопленных. Шла запись в ряды Красной Армии.

Военнопленные разных национальностей мужественно сражались против врагов Советской республики. Храбро вели себя на поле боя венгерские солдаты (под Казанью и Екатеринбургом). Один из венгерских отрядов возглавлял тов. Бела Кун. Героически также бились за Советскую власть на Украине (в Павлодаре) югославские революционные отряды, вошедшие в состав Красной Армии.

Организовывались и интернациональные революционные отряды, батальоны, полки из немцев, австрийцев, китайцев, венгров и других. Был создан, например, 1-й Интернациональный полк под командованием Славояра Частека в количестве 2300 человек. Он дрался в рядах 24-й стрелковой железной дивизии 1-й армии. 3-й Интернациональный полк численностью в 1500 человек вошел в состав Оренбургской дивизии той же армии. В дивизии Киквидзе сражался 2-й Интернациональный полк.

Хорошо помню, с каким пристальным вниманием В. И. Ленин выслушал сообщение об организации китайских частей. В Москве тогда этим занимался тов. Сан Фуян. Он был частым посетителем оперативного отдела, куда приходил за получением различных распоряжений. Ленин интересовался, из кого он формирует части, присматривался и к работе самого Сан Фуяна.

Сан Фуян происходил из бедной китайской семьи. И свой полк он комплектовал исключительно из бедняков, рабочих, грузчиков (кули). В этом полку насчитывалось около 2000 человек. (Дальнейшая судьба Сан Фуяна мне неизвестна.)

Тогда же был сформирован Петроградский китайский интернациональный отряд. Организовал его тов. Шан Геньхо. Командовал отрядом тов. Лю. Об образовании больших китайских отрядов приходили вести из Сибири, с Украины и из других районов страны.

Я привел примеры и краткие сведения только о некоторых интернациональных формированиях. В первое время они возникали стихийно. Но потом по совету

В. И. Ленина был введен определенный порядок в организации отрядов, в их распределении по фронтам. Для руководства интернациональными частями существовала федерация иностранных групп. Председателем ее был тов. Бела Кун, а после его отъезда в Венгрию — тов. Руднянский. Кроме того, существовала еще военная комиссия иностранных частей.

Членами ее были венгерские товарищи Самуэли, Бошкович, Саки, Кордня и другие. Федерация была тесно связана с ЦК нашей партии и правительственными органами.

Вместе с В. И. Лениным глубоко вникал в вопросы формирования иностранных частей Я. М. Свердлов. В начале августа 1918 года для него был представлен специальный доклад, составленный комиссией по созданию интернациональных групп. Позднее Реввоенсовету республики поступило распоряжение объединить отряды в пределах округов в крупные воинские единицы. Они состояли из сербов, хорватов, чехов, поляков, французов, черногорцев, болгар, немцев, румын, англичан, шведов, итальянцев, норвежцев, эстонцев, финнов, турок. Все они отважно дрались, были дисциплинированны.

Работники оперативного отдела систематически докладывали Ленину все, что относилось к формированию, снабжению и боевым действиям интернациональных частей. Мы знали, какое важное и принципиальное значение придавал Владимир Ильич тому факту, что на защиту Советской власти встали трудящиеся не только России, но и других стран.

Разнообразные функции выполнял оперод в начальный период гражданской войны и иностранной интервенции. Да это и понятно. Со всех сторон взывали о помощи, требовали оружия и людей самых разных специальностей и рангов. Ежедневно шли сотни телеграмм, приезжали увешанные гранатами, маузерами, пулеметными лентами матросы, солдаты, начальники существующих и несуществующих отрядов, главковерхи, командированные от различных районов. Всех надо было выслушать, просьбы одних удовлетворить, просьбы других отвергнуть, доказав, что у них и отряда-то нет, или есть всего 50 человек, а командир его требует 1000 винтовок. Приходили анархисты, эсеры, ругались и доказывали, что только они умеют воевать, что они в два счета разбили бы врага, если бы им не мешали это делать. Голова пухла от всех этих разговоров, требований, угроз. Приезжали, конечно, и замечательные люди, которым надо было немедленно помочь. Ехали к нам отовсюду — с севера, юга, запада, востока. Имена многих уже забыты, но в памяти сохранились их лица, их героические подвиги.

Надо добавить, что на нас, работников оперода, сильно нападали за привлечение военспецов к работе, к командованию. Кто нападал? Как правило, это были люди с мелкобуржуазной психологией, пропитанные гнилой партизанщиной, с непомерным высокомерием: «Мы все можем, нам море по колено. Мы сбросили помещиков, генералов, капиталистов, почему же мы должны учиться у тех, кого прогнали?..» Нас они называли

спецпоклонниками, мы их — спецеедами.

В числе противников привлечения военных специалистов находились иногда и коммунисты. Было трудно, но мы твердо проводили в жизнь установки

В. И. Ленина, и потому в конечном счете победа осталась за нами.

Вспоминаю некоторых военных деятелей, принимавших участие в строительстве Красной Армии. Вот, к примеру, Р. И. Берзин. Это крупный военный и политический работник, имевший свои труды. Передо мной образ Берзина того времени: высокий, худощавый, с рыжевато-белокурыми усами и бородой, не всегда подстриженной. Носил он черную кожаную фуражку, иногда появлялся в длинном черном кожаном пальто. Неизменно был вооружен маузером в деревянном футляре, имел серьезно-деловой вид. Правда, иногда сквозь бороду и усы прорывалась улыбка. Тогда он снисходительно похлопывал собеседника по плечу. Тон при разговоре требовательный, не допускающий возражений. На самом же деле человек он был мягкий, глубоко гуманный, располагающий к себе.

С именем Р. И. Берзина связано привлечение к строительству Красной Армии генерала Н. Н. Петина, большого знатока штабной работы. Петин был убежденный монархист, к Советской власти относился с презрением, и с ним пришлось немало поработать индивидуально, прежде чем рассеять его враждебные настроения, склонить на сторону Красной Армии. Берзин давал ему читать ленинские статьи, повез его однажды на собрание, где выступал Ленин. Наконец, усилия увенчались успехом. У генерала появились проблески понимания, отчего произошла революция. В один прекрасный день Петин заявил, что будет честно работать, что он «кое-что понял». Понял и стал видным командиром Красной Армии — начальником штаба Юго-Западного фронта, затем командующим Западным фронтом, командующим 3-й армией на Восточном фронте, членом РВС Юго-Западного фронта.

А. А. Самойло — тоже крупный военный специалист. С первых дней Октябрьской революции он перешел на сторону Советской власти, честно служил ей, хотя и занимал в старой царской армии высокие посты: был генерал-квартирмейстером и начальником штаба 10-й армии. В декабре 1917 года Советским правительством Самойло был назначен военным консультантом советской делегации на Брест-Литовской мирной конференции. В феврале 1918 года его назначили заместителем командующего «Западной завесой».

«Западная завеса» — это по существу Западный фронт начала

1918 года. В феврале началось австрогерманское наступление на Советскую республику. Старый Западный фронт, как и все другие фронты, развалился. Солдаты-крестьяне почти все разбежались по домам осуществлять вековую мечту — отбирать у помещиков землю. Положение было крайне тяжелое. Владимир Ильич Ленин обратился к партии, народу: «Социалистическое Отечество в опасности!» И тысячи, десятки тысяч рабочих, матросов, старых солдат поднялись по призыву Ленина на защиту своего рабоче-крестьянского Отечества. Вот тогда-то и образовалась «Западная завеса» вдоль демаркационной линии, отделявшей Советскую республику от захваченных немцами районов. Когда была создана Красная Армия, подобные «завесы» прекратили свое существование. Их заменили фронты.

В апреле 1918 года А. А. Самойло был назначен начальником штаба Беломорского военного округа, принимал активное участие в формировании красноармейских частей, ведал эвакуацией громадных военных запасов из Архангельска на Сухону и в Котлас. Потом он являлся начальником штаба Северо-Восточного района и обороны всего Севера, возглавлял 6-ю армию. До конца гражданской войны Самойло активно вел боевую работу в Красной Армии. В настоящее время он профессор, генерал-лейтенант в отставке.

Часто наезжал в Москву М. С. Кедров. Знал я его и как крупного военного деятеля, командующего, и как комиссара, и как председателя особого отдела ВЧК. По приезде в Москву Кедров прежде всего бывал у В. И. Ленина и заходил в оперод. Встречи с ним были очень важны. С севера Советской России тогда угрожали многочисленные враги. Английские, американские и французские оккупанты стремились захватить Вологду, Котлас, соединиться с контрреволюцией Сибири, Урала. М. С. Кедров хорошо знал военные дела, прекрасно разбирался в замыслах различных контрреволюционных комитетов, обществ, в планах интервентов и их агентов. Он был грозою для контрреволюции. Беседы с Кедровым давали нам очень много для понимания обстановки на Северном фронте, помогали лучше изучить слабые и сильные стороны фронта. Кедров был исключительно обаятельным человеком, необычайно внимательным товарищем.

В промежутках между деловыми разговорами М. С. Кедров образно рисовал штрихи характера, деятельности и быта В. И. Ленина. В эмиграции он часто встречался с Лениным. Кедров был превосходным музыкантом и частенько играл Владимиру Ильичу произведения Бетховена. Врач по специальности, он благодаря этой профессии умел внимательно вглядываться своими темно-

карими глазами в людей и разгадывать в них не только болезни, но и их замыслы, подмечать хорошее и плохое. Потому-то и боялись встречи с ним люди с нечистыми намерениями. Впоследствии М. С. Кедров стал жертвой клеветы, жертвой Берия и его банды.

Работая в опероде, я познакомился с Н. Г. Крапи-вянским. Это был человек, до глубины души преданный народу, Советской власти. Крепкий, жилистый, румяный, с большой круглой головой, ясными глазами, прямым взглядом, стойкий и упрямый в своих решениях— таким представляю его до сих пор. Он был офицером царской армии, имел георгиевские кресты, золотое оружие. Начав службу в старой армии с прапорщика военного времени, Крапивянский дошел до подполковника. Но в полковники не произвели — помешали его революционное настроение, большая близость и симпатии к солдатам.

Н. Г. Крапивянский провоевал в окопах всю первую мировую войну, получил несколько тяжелых ранений. В полку он примкнул к революционному движению. Его «крестными отцами» в революционной работе были Н. В. Крыленко и Г. И. Чудновский. В феврале 1917 года на фронте Крапивянский вступил в большевистскую партию. В июльские дни он был арестован правительством Керенского и посажен в тюрьму за большевистскую пропаганду, затем по требованию солдатских комитетов освобожден, но находился под следствием до самого Октября. После Октябрьской революции Крапивянский избирается командиром 12-го армейского корпуса.

Когда я беседовал с Н. Г. Крапивянским, то невольно думал с чувством радости: вот на кого можно положиться, он до конца будет верен Советской власти, партии. В своих думах я не ошибся. Крапивянский глубоко вникал в военные и политические установки В. И. Ленина и успешно претворял их в практических боевых делах. Донесения о героических действиях сформированных им партизанских отрядов свидетельствовали и о его личной отваге и храбрости, о его замечательных качествах как начальника. Германским дивизиям и полкам Крапивянский не давал покоя.

Немецкие оккупанты считали Н. Г. Крапивянского настолько опасным, что объявили за его голову вознаграждение. В начале сентября 1918 года в оперативный отдел было доставлено сорванное с забора в г. Нежине объявление. Вот оно:

«ОБЪЯВЛЕНИЕ

—1—

18 августа в гор. Нежине по обычаям войны расстреляны в качестве бандитов следующие лица:

Из села *Безугловки:* Гавриил Скрипка, Андриан Черига, Василий Муромец.

Из села *Бакаевки:* Василий Шевченко.

Из хутора *Загребельного* Талалаевской волости: Георгий Олейник, Илья Ткаченко.

Из села *Талалаевки:* Сергей и Григорий Хомичи, Павел Небагатько, Диомид Лучка, Игнатий Потылчак.

—2—

За поимку предводителя банд КРАПИВЯНСКОГО назначена награда в размере 50 000 руб.

Награда в размере 5 000 рублей, назначенная 13 сего августа, в силу этого отпадает.

Германская районная комендатура.

Подписано: майор *Гот».*

г. Нежин. 19. VIII 1918 г.

Повстанческие партизанские отряды и их руководители действовали не оторванно, а в полном контакте с партийными и советскими организациями. Кроме постоянной связи с Москвой, опородом, украинские партизаны имели связь с подпольными ревкомами. Ими руководили ЦК КП(б)У и Центральный военно-революционный комитет Украины.

В оперативный отдел приезжало немало замечательных людей, оставлявших неизгладимое впечатление. Обо всех хотелось бы поведать, но, к сожалению, нет такой возможности, к тому же многие имена уже исчезли из памяти. Одно можно сказать: эти люди отдали все свои силы, знания, свою кровь делу победы над врагами революции, они не знали другой жизни, кроме служения Коммунистической партии, народу, своей Советской Отчизне.

Глава третья
ЗАБОТА В. И. ЛЕНИНА ОБ ОСНАЩЕНИИ КРАСНОЙ АРМИИ ВОЕННОЙ ТЕХНИКОЙ

Беспредельными и неиссякаемыми казались ленинская инициатива и энергия в строительстве Вооруженных Сил молодой Советской республики.

Помню, как по смелой инициативе Владимира Ильича возникали новые формы использования в армии техники, новые тактические приемы. Так, по его предложению была создана из судов Волжского пароходства и легких военных судов Балтийского флота военная флотилия для борьбы с Колчаком и белочешскими мятежниками. Затем по ее принципу были организованы Днепровская, Северодвинская и другие флотилии. Когда из Петрограда пропускали военные суда на Волгу и на Каспийское море, Ленин требовал ежедневных сведений о их прохождении. Работники оперативного отдела обязаны были непрерывно следить за их движением и о всех затруднениях немедленно ему докладывать.

Волжская и другие флотилии сыграли немалую боевую роль в борьбе с врагами нашей Родины. Приведу некоторые примеры.

27 августа 1918 года части белочешских войск и группа Каппеля подошли к Свияжску, в котором находился штаб 5-й армии. Катастрофа казалась неизбежной. Резервов не было. Все вокруг перемешалось. Были вооружены все сотрудники штаба, даже обозные и санитары, и посланы на боевой участок. На железнодорожных платформах установили орудия.

Но вот подошла наша флотилия, на помощь которой рассчитывал В. И. Ленин. Флотилия открыла огонь по противнику и высадила десант у Свияжского моста. Появление моряков-балтийцев подняло дух защитников штаба 5-й армии. Стремительные атаки и огонь с железнодорожных платформ вынудили бело-чехов и каппелевцев в панике бежать, они оставили большое количество убитых и раненых.

Об этом бое доложили Ленину. Он был очень доволен и еще настойчивее требовал ускорения продвижения запоздавших судов с Балтийского моря.

Огромную роль сыграла также военная флотилия на Северной Двине и ее притоках. Организатором этой флотилии и боевым ее командиром был Павлин Виноградов, которого лично

принимал В. И. Ленин. Зная, что дороги в районах Севера зачастую трудно проходимые, Ильич посоветовал использовать водные пути для передвижения войск. С этой целью и была создана Северодвинская флотилия. Ее отважные моряки под водительством П. Виноградова сдерживали натиск превосходивших сил интервентов, белогвардейцев и их флотилий. Павлин Виноградов лично участвовал в многочисленных боях, и в одном из них погиб как герой.

По указанию В. И. Ленина была организована и Днепровская флотилия, на которую возлагалась охрана мостов, переправ, защита судоходства. Создание этой флотилии началось 16 марта 1919 года.

Многое сделал боевой моряк Черноморского флота А. В. Полупанов. (Его также знал Ленин и помог ему однажды получить вооружение для бронепоезда.) Первоначально Полупанов отремонтировал два буксирных парохода и четыре бронекатера. Их «броня» сооружалась из досок с засыпкой песка между ними и железной обивкой. Каждый пароход был вооружен тремя пушками и четырьмя пулеметами. Бронекатера имели по одной 37-миллиметровой пушке и одному пулемету. Вооружение, боевое оборудование для флотилии производилось рабочими киевских верфей. Команды А. В. Полупанов набирал из военных моряков, воевавших с ним на бронепоездах в 1918 году. К нему шли и ехали добровольно матросы-специалисты — минеры, электрики, машинисты — с Балтики и Черного моря. Имя Полупанова среди моряков было тогда очень популярно.

В апреле 1919 года банда Струка угрожала из Вышгорода Киеву. 11 апреля она даже ворвалась в пригороды Киева — Куреневку, Подол, но объединенными сухопутными и речными силами была выброшена из этих мест. Полупанов высадил в тылу бандитов десант и обеспечил взятие Вышгорода. Под Чернобылью полупановская флотилия захватила 7 вражеских судов и освободила несколько тысяч мобилизованных Струком крестьян.

Известна трагедия Триполья, где банда Зеленого полностью уничтожила отряд бойцов, коммунистов и комсомольцев. А. В. Полупанов направил тогда в Триполье бронепароход «Курьер» с крупным десантом. Моряки вместе с частями Красной Армии разбили зеленовские банды.

1 июня 1919 года на Софийской площади в Киеве Днепровской флотилии за отличные боевые действия было вручено Красное знамя Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов. К августу 1919 года флотилия насчитывала 26 судов с 36 орудиями, 69 пулеметами и личного состава свыше тысячи человек.

31 августа 1919 года Киев заняли деникинские войска. Все суда нашей флотилии поднялись вверх по Днепру. А 2 октября они вступили в бой с деникинской флотилией, которая была разгромлена у населенного пункта Печки.

Ремонт судов производили гомельские рабочие. Они же и перевооружали их, покрывали броней. Одновременно формировались специальные отряды морской пехоты под командованием Т. Н. Петрова, А. П. Антонюка, комиссара Г. В. Серединского и других.

Немалую роль сыграла Днепровская флотилия и в разгроме польских интервентов в июне 1920 года. В то время Северная группа под командованием М. Г. Степанова и комиссара И. А. Данилова совершила смелый прорыв укрепленных позиций белополяков у местечка Лоев. Операцию по подготовке этого прорыва провели команды канонерских лодок «Молодецкий» и «Малый» (возглавляли их коммунист тов. Мягкий и тов. Эрман). Белополяки тогда были буквально деморализованы прорывом у Лоева, что в значительной мере предопределило наши дальнейшие успехи в борьбе с ними.

Флотилия, прорвавшаяся у Лоева, прибыла затем в населенный пункт Печки. Поступив здесь в подчинение начальника 24-й дивизии, она помогла переброске частей 12-й армии с левого берега на правый, прикрывая операцию судовой артиллерией. За эти боевые дела канонерские лодки «Малый», «Геройский», «Метательный» и транспорт «Трал» были награждены почетными Красными знаменами ВЦИК, а их командиры тт. Эрман, Гайлис, Стоянов, Соловьев удостоены орденов Красного Знамени.

Успешному прорыву и переброске частей 12-й армии способствовала большая политическая работа, проведенная политотделом судов среди населения прибрежных деревень Карповки, Абакумова, Колесиги, Каменки и Лоева. Руководили этой работой в то время Я. Я. Гадарай и Р. Н. Стасюк.

Советские речные флотилии, созданные по инициативе В. И. Ленина, действовали, как правило, в тесном взаимодействии с наземными войсками. Они обычно придавались той или иной армии. Так, суда южной группы находились в подчинении 14-й армии под командованием П. И. Пашкина и комиссара А. И. Кульберга.

Славные боевые матросы, способные организаторы флотилии живут в моей памяти и по сей день. Отчетливо представляется, например, матрос В. А. Мягкий, служивший ранее на Черноморском флоте. Он был одним из организаторов Днепровской флотилии и участвовал во многих боях с

петлюровцами, деникинцами и другими врагами на Украине. В. А. Мягкий всегда, в любом сражении проявлял выдержку и находчивость, геройство и умение управлять боевыми речными судами. В декабре 1919 года он был избран делегатом на VII съезд Советов, где встретился с В. И. Лениным и беседовал с ним. Помню, с каким жаром и душевным трепетом рассказывал Мягкий о Ленине, о его напутствии морякам.

Дело было так. В перерыв между заседаниями группа моряков — делегатов съезда собралась в фойе. Курили и обсуждали разные вопросы, касающиеся воинских частей, откуда они прибыли. В разгар горячих споров один из матросов довольно отчетливым шепотом проговорил: «Тише, братишки, Ленин идет!» Все быстро, по-военному, повернулись. А Владимир Ильич уже рядом. Одетый в зимнее пальто и шапку, он подошел к матросам в сопровождении М. И. Калинина и IT. П. Горбунова.

Владимир Ильич тепло поздоровался с матросами, подав каждому руку. И сразу же начал с расспросов о том, откуда кто прибыл и как идут дела в частях, пославших моряков на съезд. Те по очереди, кратко отвечали, что дела, мол, идут хорошо, настроение боевое, врагов бьем здорово. Каждому хотелось сказать Ильичу такое, чтобы его порадовать, чтобы он не беспокоился, моряки, дескать, не подведут. Ленин вдруг прервал одного докладывавшего ему матроса и заметил, что красные моряки, действительно, народ боевой, преданный революции, дерутся они храбро и не изменят Советской власти. Но лучше бы рассказать откровенно: как снабжают моряков, дают ли табак, как относится к военным население, чем оно помогает армии и какую помощь получает взаимно, не надоело ли воевать, какие взаимоотношения у матросов с военспецами.

— И тут нам, — рассказывал, вздыхая и улыбаясь, Мягкий, — нам, людям прямым и откровенным, пришлось поделиться с Ильичем мыслями обо всем, что наболело, что нередко отягчало и без того тяжелые условия, в которых мы часто оказывались. Мы рассказали ему о плохой работе снабженцев, о глубоко скрытом подчас саботаже, об отсутствии обуви, о частых перебоях в снабжении табаком, хлебом. Поведали о неполадках и непорядках в работе местных органов власти. Говорили мы сначала робко, осторожно, а потом, увидев, с каким вниманием и поощрительными кивками головы выслушивал нас Ленин, осмелели и уже без всякой опаски выкладывали все начистоту.

Выслушав моряков, Владимир Ильич повернулся вполуоборот к М. И. Калинину, сказал ему что-то в поддержку моряков, а затем продолжал, обращаясь опять к группе матросов. Он отметил, что недостатков, конечно, много, их надо изживать и надо быстрее

кончать войну. Разобьем, прогоним белогвардейцев, их иностранных покровителей и быстро наладим работу, залечим все эти страшные раны.

Прощаясь с моряками, В. И. Ленин напутствовал, чтобы они по возвращении в свои части обязательно рассказали не только однополчанам, но и населению о решениях VII съезда Советов, довели их до каждого бедняка и середняка тех районов, где будут проходить боевые действия. Нужно постараться, подчеркнул Владимир Ильич, вовлечь широкие массы крестьян, особенно середняков, в борьбу против белых и кулаков, за победу Советской власти. Это будет способствовать укреплению союза рабочего класса с крестьянством, скорейшему окончанию войны. Рабочий класс в союзе с крестьянством — непобедимая сила.

— Мы долго стояли в молчании и глядели в том направлении, куда ушел Ильич, пожелавший нам всяческих успехов, — мечтательно завершал свой рассказ Мягкий. — Потом сразу заговорили все, перебивая друг друга, и в глазах каждого из нас светилась радость, порожденная такой близкой встречей и задушевным разговором с нами этого великого, любимого всеми человека. Приехав со съезда, я слово в слово передал сослуживцам пожелания Ленина.

На душевные пожелания вождя моряки ответили конкретными боевыми делами. Например, во 2-м дивизионе, зимовавшем в г. Чернобыле, было решено раз и навсегда стереть засевшую в лесах между Киевом и Чернобылем банду Струка. Эта банда, действовавшая больше года, терроризировала местные советские органы, партийных и советских работников, жестоко расправлялась с нашими людьми, убивая коммунистов, красноармейцев, крестьян-бедняков и даже середняков по малейшему подозрению в сочувствии Советской власти.

Приняв решение, моряки приступили к его осуществлению. Они сформировали отряд в составе 200 человек под командованием одного из боевых политработников, большевика Розенталя, балтийского моряка. Комиссаром отряда по согласованию с военкомом 2-го дивизиона был назначен В. А. Мягкий. Наряду с боевыми действиями в задачу отряда входило довести до крестьян глухих лесных районов слова В. И. Ленина, рассказать им о съезде Советов и его решениях, о вопросах, касающихся очередных задач Советской власти.

В январе 1920 года, в лютый мороз, моряки, легко одетые, выступили в поход, имея на вооружении винтовки, десяток пулеметов и по 3–4 гранаты на человека. Матросы начали с разъяснения крестьянам политики нашей партии в отношении середняка, задач союза рабочего класса и крестьянства. И надо

сказать, что та большая разъяснительная работа, которую моряки провели среди крестьян, дала свои огромные положительные результаты.

Отряд по мере продвижения в глубь леса, через деревни и села, не только пополнялся за счет бедноты, но и получил значительную поддержку со стороны середняков, которые добровольно помогали продовольствием, подводами. Проводники от крестьян указывали отряду самые глухие места, где прятались отдельные шайки бандитов-струковцев.

С помощью крестьян-проводников отряд, как правило, ночью окружал деревню, где зимовали бандиты, уничтожал часовых и врывался в логово врага. В панике струковцы стреляли и по своим. Таким образом, в память о беседе с Лениным моряки разгромили 8 вражеских гарнизонов. Многие струковцы, насильно взятые в банду, переходили к морякам и помогали добивать противника. Вожак банды Струк был убит скорее всего своими же. Так в конце января была ликвидирована банда Струка.

* * *

В чрезвычайно трудном, подчас, казалось, в безвыходном положении находилась тогда авиация. В. И. Ленин нередко сетовал на ее тяжелое состояние. В то же время он принимал все меры к развитию и укреплению советской авиации и летно-технических кадров.

Считаю полезным для молодого поколения кратко осветить историю и положение наших авиационных сил в годы гражданской войны, рассказать, какой глубокий интерес проявлял Владимир Ильич к этому новому роду войск.

Из ста двадцати с небольшим сильно потрепанных войной сухопутных и морских авиационных отрядов, которыми располагала Россия накануне Октябрьской революции, в руки пролетариата попало менее одной трети. Остальные отряды застряли на периферии и были захвачены войсками противника (на Украине, в буржуазных республиках Прибалтики, в Закавказье).

Во многих фронтовых авиационных отрядах мотористы разошлись по домам; основная масса кадровых офицеров — летчиков и летчиков-наблюдателей — покинула отряды, следуя призыву Корнилова и других мятежных генералов. Лишь небольшая часть летчиков и мотористов осталась в отрядах и принимала все меры к эвакуации в центральные губернии ценнейшего авиационного имущества.

В этом отношении нужно отметить патриотизм, самоотверженную работу воеилетов В. Ю. Юнгмейстера, Л. В. Шиукова и ряда других видных специалистов по спасению авиации не только Западного фронта, но и некоторых соседних фронтов. Многим авиационным отрядам и группам пришлось с боями пробиваться в Москву. При этом они несли большие потери. Только 2-я боевая авиационная группа, созданная выдающимся летчиком Е. Н. Крутень, прибыла в Москву в полном составе. Помню, о прибытии группы Крутень мы доложили В. И. Ленину, и он, очень довольный, одобрительно сказал:

— Вот смотрите, военные специалисты на стороне Советской власти.

Товарищи, занимавшиеся вопросами авиации, часто приходили и приезжали в оперод (например, Российский— член Коллегии по авиации при Московском военном округе, Горшков — председатель этой Коллегии и другие). Здесь В. И. Ленин иногда появлялся совершенно неожиданно по срочным вопросам, а иногда, как мне думалось, и для проверки нашей работы.

Вот как произошла однажды у нас встреча В. И. Ленина с военными летчиками В. Ю. Юнгмейстером и А. В. Шиуковым.

Провожая Владимира Ильича после ряда полученных от него заданий, мы натолкнулись в приемной на двух товарищей в авиационной форме. Были они в старых офицерских фуражках с авиационными эмблемами. Судя по их потрепанным курткам, прибыли они с фронта. Ленин сразу обратил на них внимание и спросил меня, кто эти авиаторы. Но я не мог сказать, так как видел их впервые. Ленин подошел к авиаторам. Те по-военному представились: военлеты Юнгмейстер и Шиуков, недавно прибывшие с Западного фронта.

Ильич поздоровался и, наклонив голову слегка набок, вопросительно посмотрел на них.

— С чем пожаловали сюда? — спросил он.

Юнгмейстер доложил, что прибыли в оперод по вызову.

Ленин со свойственной ему простотой взял Юнгмейстера за руку и мягко сказал ему:

— Ну, коль скоро мы встретились здесь, расскажите, в чем дело.

Юнгмейстер на мгновение замялся, но, не выдержав испытующего взгляда Владимира Ильича, в нескольких словах рассказал историю с вагоном. Прибыв с фронта, они оставили за собой отдельный вагон, и наше отделение по перевозкам потребовало их к себе по этому вопросу.

Выслушав, Владимир Ильич укоризненно покачал головой:

— Ай-яй-яй! Как нехорошо получилось! Вы, конечно,

понимаете, какую оплошность допустили в дни, когда республика испытывает нужду в вагонах. — И, дотронувшись до руки военлета, наставительно продолжал — Вам следует немедленно и решительно отказаться от генеральских замашек, они очень заразительны. Ну, скажите, пожалуйста, к чему вам отдельный вагон, а? — Ленин при этом развел руками, но, заметив смущение и растерянность на лицах товарищей, быстро смягчился, затем добавил — А теперь идемте в комнату к Аралову и расскажите, чем вы занимались на фронте. Только кратко и самое существенное.

Владимир Ильич, будучи озабочен событиями, пользовался каждым случаем, чтобы узнать о настроении в армии, о ее людях, технике. В частности, речь зашла об авиации. Военлеты доложили, что после перехода Минска в руки противника они принимали участие в эвакуации в глубокий тыл частей авиации и воздухоплавания фронта.

Очень порадовало Владимира Ильича (он даже не мог скрыть этого и начал потирать руки) сообщение о том, что благодаря самоотверженной работе отрядных комитетов и преданных новой власти солдат и офицеров удалось спасти почти все, что представляло для нас ценность, о том, что подняли с насиженного места и отправили на Волгу тяжеловесный авиационный парк со всеми станками, оборудованием и техническим имуществом.

— Даже ломаного самолета, Владимир Ильич, не оставили немцам…

— Даже ломаного, говорите, не оставили? — оживленно спросил Ленин. — А много ли целых самолетов вывезли с фронта и вполне ли удовлетворяют они наших авиаторов?

Юнгмейстер и Шиуков назвали довольно большую по тем временам цифру. Доложили о состоянии самолетов, о их невысоких качествах, но добавили при этом, что, поскольку ничего лучшего нет и не предвидится в ближайшее время, приходится довольствоваться этим.

Владимир Ильич поинтересовался также настроением летно-технического состава и его отношением к новой, Советской власти.

Военлеты рассказали, что большинство солдат-летчиков и младших авиационных специалистов стоят за Советы, о чем свидетельствует хотя бы факт их активного участия в спасении и сохранении для трудового народа авиационного имущества. Это вместе со значительной частью офицерского состава, бесповоротно перешедшей на сторону Советов, и составляет основной костяк формирующегося Красного Воздухофлота.

Были, конечно, и случаи саботажа. Ленин просил привести на этот счет какой-нибудь факт. Тов. Шиуков доложил о случае на Западном фронте, когда он, прибыв на аэродром под Смоленском по заданию ком-фронта А. Ф. Мясникова для организации важной разведки, почти в течение часа не мог выслать на разведку ни одного из находившихся на аэродроме летчиков: у всех что-то не ладилось, у каждого находилась какая-то причина, хотя уклонение от полета было очевидным.

— Ну и что же дальше? — голос Ильича прозвучал настороженно.

— Пришлось самому выполнить задание, — ответил Шиуков.

Ленин, по-видимому, был удовлетворен беседой с авиаторами, потому что он тепло поблагодарил их за сообщенные сведения. Прощаясь, Владимир Ильич спросил Шиукова, не с Кавказа ли он.

— Да, я грузин, из Тифлиса, — ответил Шиуков.

— А много ли в нашей авиации летчиков кавказских народностей? — поинтересовался затем Ленин.

Шиуков сообщил, что он знает не более двадцати военлетчиков.

С этого времени А. В. Шиуков и В. Ю. Юнгмейстер часто бывали в опероде, помогали нам в вопросах воздухоплавания, ориентироваться в трудных делах авиации, в кадрах, в материальном обеспечении авиационных отрядов.

По указанию В. И. Ленина вскоре началась спешная работа по сколачиванию отрядов и частей, созданию соответствующих органов Рабоче-Крестьянского Красного Воздушного Флота. Благодаря этому общее количество действующих самолетов на протяжении всей гражданской войны поддерживалось на уровне 300–350 единиц.

В конце 1918 года авиационных отрядов в той или иной стадии формирования насчитывалось около 60, в том числе Ш истребительных. В дальнейшем количество отрядов хотя и увеличилось, но не намного. В 1920 году их было 68. Эти авиационные отряды с ремонтными базами, парками и авиашколами послужили тем первым камнем в фундаменте, на котором впоследствии выросло мощное здание Военно-Воздушных Сил Советской Армии.

В декабре 1917 года была создана Всероссийская коллегия по управлению Воздушным Флотом РСФСР. В се обязанности входило формирование авиационных частей, сбор и хранение авиационного имущества, подбор кадров.

При опероде по требованию В. И. Ленина была создана авиационная группа, а в конце лета 1918 года при Полевом штабе

РВСР учреждается руководящий орган по управлению авиацией и воздухоплаванием действующей армии, сокращенно именовавшейся Авиадармом. Аналогичные управления образуются также при штабах фронтов и армий; начальники этих управлений подчинялись соответственно начальнику штаба фронта и армии, а в специальном отношении — Авиадарму.

Чтобы понять и достойно оценить героику советских летчиков в гражданскую войну, надо иметь некоторое представление о боевом состоянии и материальной базе авиации тех лет. На вооружении авиационных частей находились тогда самолеты самых устаревших систем и типов, оставшиеся от империалистической войны. Это были разновидности типа французских «Ньюпоров», «Спадов» и «Фарманов», английских «Сопвпчей», русских «Лебедь» и «Анатра». На 350 самолетов приходилось более двадцати типов, в большинстве с моторами в 120–160 лошадиных сил. Имелось незначительное количество превосходных по тому времени отечественных гидросамолетов конструкции Д. П. Григоровича и даже четырехмоторный гигант «Илья Муромец».

Поступления новых самолетов почти не было. Да и не могло быть, так как немногие отечественные авиационные заводы в силу разрухи могли производить лишь сборку машин из готовых полуфабрикатов, запасы которых кое-где остались. И если в 1918 году авиационные отряды еще пополнялись отдельными новыми самолетам!! из Центрального и периферийных парков и складов, то уже с середины 1919 года весь самолетный парк держался исключительно на ремонте. В нашей авиации парашютов тогда не было, и каждый полет представлял, собственно, подвиг, ибо в случае поломки машины в воздухе летчика ожидала неминуемая гибель.

Наиболее сложной проблемой, вставшей в первый же год гражданской войны, являлась проблема горючего. Основная нефтяная база — Баку — была захвачена интервентами. На снабжение извне рассчитывать не приходилось. Поэтому в авиацию поступали (да и то в мизерных количествах) различные суррогаты, так называемые авиасмеси, состоявшие в основном из газолина, спирта и эфира. Бывало, во время пробного полета на каком-нибудь «новом» заменителе бензина оставшиеся на аэродроме техники и мотористы с тревогой наблюдали за самолетом: «Не взорвался бы!» Эти смеси быстро сжигались в полете, а запах гари и эфира обычно доводил летчика до состояния полу-опьянения.

Осенью 1918 года Реввоенсовет республики дал указание о том, что ввиду полного отсутствия авиационного бензина

командармам и начдивам, а также начальникам тех войсковых соединений, коим приданы авиационные средства, надлежит пользоваться самолетами только при исключительной надобности воздушной разведки. Полеты в целях связи разрешались лишь в случаях, если эту связь невозможно осуществить другими средствами.

Авиация того времени испытывала также большой каучуковый голод: все запасы резины были исчерпаны. Камеры и покрышки, как правило, склеивали из нескольких неполноценных старых, а иногда обод колеса обматывали каким-либо жгутом или лентой из старого авиационного полотна, набивали покрышки разным тряпьем, паклей и даже соломой. Амортизатор шасси частенько заменяли веревкой, а хвостовой костыль — так называемую «мандолину» — простой саперной лопатой.

Боевая практика дала сотни примеров, когда находчивость летно-технического состава авиационных отрядов обеспечивала выполнение задания, спасала самолет и его экипаж.

Немало трудностей в боевой работе авиаторов вызывали слабое вооружение самолетов и почти полное отсутствие бомбардировочного оборудования, особенно прицельных приборов. Бомбодержатели имелись в небольшом количестве только под пудовые бомбы; мелкие же бомбы укладывались у ног летчика-наблюдателя. Бомбометание чаще всего производилось «на глазок», вручную. Аэронавигационного оборудования по существу не было.

Отсюда можно представить, сколь затруднительны были полеты в те годы. И тем не менее летали, порой в сложных метеорологических условиях и даже ночью.

Много организационных вопросов возникало в период рождения авиации. Они решались при участии оперативного отдела, затем штаба РВСР. При Московском военном округе была образована специальная Коллегия по авиационным делам.

Само собой разумеется, вследствие своей малочисленности и низкого качества самолетов и их вооружения авиация не была в состоянии оказать решающего влияния на исход боевых операций наземных войск. Но она в меру своих сил и возможностей ощутимо помогала армии разведкой и внезапными ударами по неприятелю. Авиационные отряды корректировали стрельбу артиллерийских подразделений и бронепоездов, несли службу воздушной связи, вели борьбу с вражескими самолетами, охраняя наши части от нападений с воздуха.

За действиями летчиков пристально следил В. И. Ленин. Однажды он высказал мысль о применении авиации на низком (бреющем) полете для борьбы с белой конницей Мамонтова и о

возможности разгромить с аэропланов повстанцев в Оренбургском и Уральском районах. В этом отношении характерна записка В. И. Ленина к Э. М. Склянскому от 4 сентября 1919 года. В ней говорилось:

> «т. Склянский! Не можете ли Вы *ученому* военному X, Y, Z… заказать ответ (быстро): аэропланы против конницы? *Примеры.* Полет *совсем низко. Примеры.* Чтобы дать инструкцию на основании «науки» (я читал однажды об этом, а один «практик», *И. Н. Смирнов,* смеется — де-чепуха)»[22].

По заданию Ленина в розысках конницы Мамонтова участвовало несколько самолетов (за их действиями следил оперод). Самолеты обнаружили вражескую конницу и тем самым они помогли нашим войскам провести успешную борьбу с нею.

К концу июля — началу августа 1918 года положение на Восточном фронте стало катастрофическим. Сызрань, Омск, Самара, Уфа, Симбирск один за другим перешли в руки противника. Сломив сопротивление наших войск, белочехи с боем заняли также Казань, где находился основной золотой запас республики. Части Красной Армии небольшими группами отошли в северном, северо-восточном и западном направлениях.

Внимание партии и правительства было тогда сосредоточено на этом участке фронта, о значении которого 1 августа Владимир Ильич писал:

> «Сейчас вся судьба революции стоит на *одной* карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань — Урал — Самара.
>
> Все зависит от этого» [23].

На станции Свияжск, куда после занятия противником Казани переехали некоторые члены РВС (С. И. Гусев, В. И. Межлаук и др.) и начальник штаба фронта Майгур, был организован Военный совет Казанского участка Восточного фронта и штаб 5-й армии, объединивший две группы войск, действовавших на левом и правом берегах Волги. Развернулась лихорадочная работа по приведению в боеспособное состояние частей и отрядов. Из центра срочно прибыло свежее пополнение: несколько пехотных полков, большие группы коммунистов. Подтягивалась и авиация из Нижнего Новгорода и Москвы.

Оперативный отдел по непосредственному заданию В. И. Ленина принимал активное участие в разработке боевой и организационной помощи 5-й армии как в отношении переправы

легких боевых судов из Балтики, так и в отношении авиационной помощи. Оперод был связан с целым рядом летных организаций, и в частности с Авиадармом, Главным управлением Воздушного флота, а также со многими летчиками. Через них мы выясняли подготовленность аэропланов и возможность их снабжения горючим, направления на Казанский участок, которому В. И. Ленин придавал очень важное значение.

До 14 августа 1918 года на этом участке фронта было всего четыре боеспособных самолета. На них совершали единичные разведывательные полеты тт. Сатунин, Рябов и Сметанин. В качестве наблюдателей летали с ними поочередно мотористы. В это время дополнительно собирались два самолета. Один из них предназначался для Батурина.

В. И. Ленин очень торопил с подготовкой самолетов для истребительной группы летчика Павлова. Благодаря этому вскоре поступило более двух десятков самолетов, среди которых преобладали истребители типа «Ньюпор» с моторами «Рон» в 80 и 120 лошадиных сил.

Борьба за Казань началась примерно с середины августа, и с первых же дней авиация приняла в этой борьбе самое активное участие, она оказывала своими действиями неоценимую услугу армии. Авиации под Казанью В. И. Ленин дал задание: производить регулярные воздушные нападения на город; путем систематических бомбардировок и пулеметных атак с воздуха терроризировать буржуазную часть города, деморализовать вражеские воинские части и главным образом артиллерию белочехов.

Первый групповой налет на Казань был осуществлен 15 августа, после неудачного наступления войск 5-й армии. В налете участвовало до десятка самолетов, с которых были сброшены авиабомбы и обстреляна из пулеметов центральная часть города. Как свидетельствовали донесения летчиков, паника в стане противника по время воздушного нападения была настолько велика, что охранявшие город воинские части почти не обстреливали самолеты. В первые минуты бомбардировки в центре города царил хаос, затем все улицы опустели и на них одиноко стояли брошенные водителями трамвайные вагоны. Другое явление наблюдалось на рабочих окраинах города, куда падали, поблескивая на солнце, тысячи листовок, разбросанных летчиками. Здесь люди выбегали на улицы и на лету хватали листки, в которых разъяснялась цель бомбардировки буржуазных кварталов города, призывались все жители к борьбе с белочехами.

В этом и последующих полетах отличились многие наши летчики. Особенно отважно и умело действовали летчики Гусев и

Конкин (на двухместном самолете), Павлов, Ингаунис и Левитов (на истребителях). Несмотря на сильный ветер, дождь и туман, они вели разведку расположения и передвижения колонн противника, с большим успехом бомбили и обстреливали их с небольших высот.

Поражение врага под Свияжском, где белочехи потеряли одну из лучших своих бригад, и успешные бомбардировки нашей авиации сломили наступательный порыв неприятельских войск и оказали существенную помощь частям Красной Армии.

Последний большой воздушный налет на Казань состоялся 9 сентября. Внезапно самолеты появились над городом, когда солнце уже скрылось за горизонтом. Этот налет был также весьма удачным.

10 сентября на рассвете комбинированными и согласованными действиями право- и левобережных групп 5-й армии, отрядов соседней 2-й армии и Волжской флотилии, при непосредственном участии авиации Казанского участка Казань была взята. Как только советские войска вошли в город и воздушная разведка донесла о поспешном отступлении противника, красные летчики устремились за белочехами, уходившими на Лаишев. На бреющем полете они атаковали растянувшиеся на многие километры обозы и людские массы. Наши самолеты по нескольку раз за утро штурмовали отходящего врага, усеявшего дороги прилегающих районов множеством повозок с военным снаряжением и продовольственными запасами.

Разгром белочехов под Казанью имел решающее значение для дальнейших операций 2-й армии не только на Средней Волге, но и на Каме. Быстро очистив реку Вятку от неприятеля, эта армия начала угрожать вражеской группе, действовавшей в районе Симбирск— Самара. Через два дня после освобождения Казани «железная дивизия» Гая занимает Симбирск, затем берутся Сызрань и Самара. Все приволжские города были полностью очищены от белочехов.

В дни борьбы за Казань советским летчикам не раз приходилось выполнять весьма ответственные и трудные задания по налаживанию связи и передаче оперативных директив отрезанным группам и соединениям наших войск. Когда, например, белочехи заняли станцию Тюрлема, летчики Гусев и Левитов восстановили прерванную связь со штабом 4-го латышского стрелкового полка, а Хендриков летал для розыска Орско-го отряда 2-й армии и также восстановил с ним связь.

Интересное задание выпало на долю летчика Сатунина, принимавшего перед тем участие в ликвидации Ярославского

мятежа. Этот случай относится к концу августа. По заданию В. И. Ленина потребовалось срочно доставить в штаб 2-й армии директиву для дальнейших согласованных действий с войсками 5-й армии и речными судами. Но точное местонахождение этого штаба было неизвестно. Предполагалось, что он оперирует где-то в районе Высокой Горы, севернее Свияжска. Здесь и надлежало Сатунину высадить с самолета ответственного работника штаба 5-й армии и немедленно возвратиться.

Дело было рискованным: летчик и пассажир легко могли попасть в плен. Это грозило срывом весьма важной операции. Как же лучше и наверняка выполнить задание? Решили посадку самолета в намеченном пункте произвести на малом газе, с тем чтобы после высадки сотрудника штаба летчик мог немедленно подняться в воздух. Так и сделали. Обнаружив подходящую лужайку возле леса, Сатунин приземлился и, не выключая мотора, подрулил почти вплотную к деревьям и высадил своего пассажира. Самолет вскоре вернулся на свой аэродром, а оставленный человек, расспросив крестьян, нашел нужный ему штаб и вручил командованию секретный пакет. Благодаря этому согласованные действия 2-й и 5-й армий были успешны.

В одном из приказов советское командование высоко оценило работу авиации. В приказе говорилось:

> «Солдаты Красной воздушной флотилии 5-й армии! Вся Советская республика была свидетельницей вашего несравненного героизма в исторических боях под Казанью. Вы сразу пригвоздили к земле предательских летчиков неприятеля. Вы изо дня в день терроризировали белогвардейскую Казань. Вы создали незаменимую разведку. Вы обеспечили связь 5-й армии с Орским отрядом 2-й. Вы бесстрашно преследовали врага, внося смятение и ужас в его ряды.
>
> Честь и слава, красные витязи воздушного флота!» [24].

Началось освобождение Уфы. Бой за этот город продолжался три дня. Между нашими пехотными частями шло соревнование в смелости атак. Сплошь и рядом дело доходило до упорных рукопашных схваток. Советские войска, невзирая на бешеный артиллерийский огонь противника, стремительно продвигались вперед, уничтожая все препятствия на пути. Не отставала от наземных собратьев и авиация, сыгравшая большую роль в период подготовки Уфимской операции.

Экономя силы и скудные средства авиационных отрядов, командование решило возможно шире использовать самолеты

при форсировании реки Белой и при штурме города. На авиацию была в основном возложена задача воздушной разведки и связи между отдельными войсковыми группами. Надо отметить, что вопрос о наиболее целесообразном (с максимальным эффектом) использовании имевшихся в Южной группе самолетов неоднократно обсуждался М. В. Фрунзе с руководящим составом авиации еще задолго до начала данной операции.

5 июня при попытке неприятеля форсировать реку Белую группа самолетов 5-й армии атаковала противника в момент наведения понтонного моста, помешав переправе войск. В дни, предшествовавшие падению Уфы, наши летчики в одиночку и группами залетали в неприятельский тыл, бомбили там железнодорожные пути и мосты, штурмовали артиллерийские позиции и обозы, деморализовали врага.

В рапорте на имя командующего Восточным фронтом М. В. Фрунзе писал, что в период Уфимской операции им лично давались задания авиаотрядам Юж-группы, сосредоточенным в этом пункте, и летчики, несмотря на затрудненные технические условия, выполняли успешно все возложенные на них задачи, за некоторым исключением, и авиация принесла значительную пользу в указанной операции.

Весной 1919 года белые окружили Уральск. Его гарнизон в составе трех полков, с артиллерией и управлением 22-й дивизии имел возможность пробиться к своим войскам, но город надо было во что бы то ни стало удержать в наших руках. Поэтому гарнизону было приказано оставаться на месте до особого распоряжения. Два с половиной месяца советские бойцы, будучи в кольце окружения, стойко отбивали атаки врага.

В первые дни осажденные не имели никаких средств связи с командованием 4-й армии. Выручили уральские рабочие, которые помогли установить радиостанцию. Они же и отремонтировали брошенный противником самолет, что было очень кстати. На этом самолете с докладами о положении гарнизона Уральска приходилось летать члену РВС армии Кучмину и сотруднику политотдела 22-й стрелковой дивизии Тартаковской.

Когда положение гарнизона стало особенно угрожающим, на помощь ему по приказанию М. В. Фрунзе прибыли самолеты группы фронта. Бойцам были доставлены подарки из армии, одновременно установлена с ними связь. При этом в Уральск прилетали уже представители от штаба фронта. Летчики 26-го и 33-го авиационных отрядов Лукандин, Степанов, Артамонов и другие сумели перебросить сюда некоторое количество продовольствия, а также папиросы, махорку. Кроме того, в город были доставлены медикаменты и детали для радиостанции. Так

что белые не смогли сломить волю к сопротивлению окруженной ими дивизии.

В том же 1919 году красные летчики дважды устанавливали связь между войсками Восточного фронта и Туркестанской армией, окруженной врагами. Казалось невероятным установить воздушную связь с Туркестаном. В этом, между прочим, усомнился сначала и сам командующий войсками С. С. Каменев, поскольку самолеты фронтовой группы обладали низкими летно-техническими данными, их радиус действий был совсем невелик. А в тех условиях это имело чрезвычайно важное значение. И вот почему. Точных данных о местонахождении передовых частей Туркестанской армии в штабе фронта не было. Предполагали, что они действуют где-нибудь около Актюбинска, в котором, возможно, и находился штаб армии. Точно было установлено одно: в этом районе орудовали многочисленные банды басмачей. Это вынудило для успеха дела наметить посадку самолета в безопасном месте, скорее всего юго-восточнее Актюбинска.

Таким образом, минимальное расстояние, которое предстояло покрыть самолету от ближайшего нашего аэродрома в Бузулуке до Актюбинска, составляло не менее 500 километров. Но ведь самолет должен был обязательно вернуться из Туркестана обратно. Поэтому для такого перелета, естественно, требовался самолет, способный преодолеть это дальнее расстояние.

В распоряжении фронта такой машины не нашлось. Тогда сами «туркестанцы», то есть командование Туркестанской армией, решили установить связь с Восточным фронтом. В этом исключительно важном мероприятии авиационные механики, а их были единицы, летчик Горбунов и с ним летчик-наблюдатель показали подлинный пример служения Советской Родине, пример высокой доблести, выдержки, упорства и находчивости.

Как выяснилось из рассказов Горбунова и летнаба, после долгих и томительных ожиданий благоприятной погоды и попутного ветра они рискнули пуститься в опасное путешествие. Поднявшись со станции Мартук (около Актюбинска) и взяв направление на северо-запад, Горбунов повел самолет на небольшой высоте вдоль линии Туркестанской железной дороги. Погода была отвратительная. Тяжелые тучи нависали над самой кабиной самолета. Бушевавшая снежная вьюга временами совершенно закрывала землю и единственный ориентир — железную дорогу. От сильного мороза в открытой кабине коченели руки и ноги. Осложнялось дело еще и тем, что не было карты, ее заменял в записной книжке летчика-наблюдателя карандашный набросок схемы железной дороги с обозначением

названий крупных станций. Небольшая неточность в отсчете станций легко могла привести к посадке смельчаков в расположении вражеских войск.

Когда летчики уже пролетели полпути, их едва не постигла неудача. Зная о расположении авиации противника в Оренбурге, они решили обойти город с северо-востока и вновь выйти к железной дороге. Однако, пересекая Орскую ветку, летчики потеряли ориентировку и продолжали путь над этой веткой, пока не обнаружили свою ошибку и не повернули снова на Оренбург. В районе последнего они попали в такую низкую облачность, что лететь пришлось почти над самыми рельсами, при этом утерянную ориентировку восстанавливали, читая названия пролетаемых станций.

Весь перелет занял четыре часа (только над территорией, занятой противником, самолет прошел свыше 300 километров). Он проходил при крайне неблагоприятных метеорологических условиях. К тому же надо учесть, что самолет был очень ветхий, его собрали из двух однотипных разбитых машин «Фарман». Показательно, что при последней аккуратной и осторожной посадке около станции Новосергиевка он рассыпался. Летчик и летнаб при приземлении оказались сидящими прямо на земле. К счастью, они не имели серьезных ушибов.

Замечательный перелет, связавший Туркестанскую армию с войсками Восточного фронта, содействовал окончательному разгрому вражеских войск и занятию Красной Армией Оренбурга в начале февраля 1919 года.

Одно время после очищения Волги от белочехов на фронте советских 2-й и 3-й армий стала усиливаться воздушная деятельность противника. Все чаще и чаще начали залетать к нам в тыл неприятельские летчики, появлялись истребители, нападавшие на наши самолеты. Участились случаи сбрасывания бомб на важные объекты. Это было осенью 1918 года. Тогда авиационным начальникам 2-й и 3-й армий была послана телеграмма, в которой приказывалось принять все меры к предотвращению воздушных разведок врага в тылу наших войск. Во исполнение этого приказа 5 октября летчик Абузин первым вступил в воздушный бой с двумя вражескими истребителями, но был подбит пулеметным огнем. Абузин все же дотянул до своего аэродрома. Через несколько дней другой советский летчик, Грабб, с летчиком-наблюдателем Шульцем атаковали колчаковский самолет «Ньюпор-23» и сбили его.

Все рассказанные здесь примеры действия авиации доводились до сведения В. И. Ленина вначале через оперод, а когда был организован штаб РВСР, то через него и через

Авиадарм.

Красные летчики, решительно вставшие на защиту завоеваний Великого Октября, показали в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции чудеса храбрости и геройства, а многие из них беззаветно отдали свою жизнь за светлое будущее любимой Родины. Их славные ратные дела золотыми буквами вписаны в историю наших Вооруженных Сил. Бессмертны подвиги наших летчиков в годы Великой Отечественной войны.

Советские пилоты служили и будут служить вдохновляющим примером для новых и новых поколений защитников социалистической Отчизны.

Теперь, после космических полетов вокруг Земли Героев Советского Союза коммунистов Юрия Гагарина и Германа Титова, каждый человек знает, как велик и славен наш советский летчик!

* * *

Владимир Ильич Ленин вникал не только в дело создания нашей военной авиации. От его проницательного взора, беспокойной, всегда ищущей мысли не ускользало ничего, что могло бы послужить укреплению Красной Армии.

Вспоминаю, например, какой глубокий интерес проявил Владимир Ильич к изобретению А. М. Игнатьева. Старый большевик Игнатьев, будучи призван в армию, изобрел в 1916 году аппарат для корректировки стрельбы по самолетам. При помощи этого аппарата удалось сбить несколько вражеских аэропланов. Но изобретение не получило распространения, а в 1917 году, при эвакуации некоторых учреждений Петрограда, и совсем затерялось.

На одном из моих докладов В. И. Ленин упомянул об изобретении А. М. Игнатьева и попросил: во-первых, помочь разыскать старый аппарат по железным дорогам и складам и, во-вторых, организовать постройку нового аппарата, то есть создать мастерскую и обеспечить ее необходимыми инструментами и материалами для изготовления прибора, а затем сговориться с каким-либо заводом о его производстве. При этом Ленин сказал, что Игнатьев — превосходный техник, верный человек, знакомый ему еще по эмиграции. В годы подполья он брался за рискованные дела, связанные с оружием, изготовлял взрывчатку, помогал товарищам, выручал их. Нужно было во что бы то ни стало помочь ему преодолеть бюрократические препоны, дать ход его изобретению. Владимир Ильич просил посоветовать

Игнатьеву вступить в Красную Армию по своей специальности, что помогло бы ему скорее продвинуть изобретение, преодолеть препоны.

Через несколько дней после этого ко мне пришел А. М. Игнатьев с запиской от Ильича. В ней было сказано: «Тов. **Аралову** (или его заместителю). Податель — тов. Александр Михайлович Игнатьев, о котором я с Вами говорил. **Все** и быстро сделайте для него. *Ленин*»[25].

За давностью времени всех деталей моего разговора с Игнатьевым не помню, но не забылась наша поездка с ним по Москве в поисках подходящей мастерской, где бы он мог работать. Мы нашли такую мастерскую где-то на Гороховом поле (теперь улица Казакова), снабдили ее инструментом и нужными материалами.

Спустя некоторое время Игнатьев свое изобретение усовершенствовал. А. М. Горький пригласил Владимира Ильича поехать в Главное артиллерийское управление на просмотр этого аппарата. Ленин сначала отказывался, уверяя, что он ничего не понимает в этом деле, но потом все же согласился поехать. На демонстрации прибора в ГАУ присутствовали профессора-артиллеристы. После доклада А. М. Игнатьева В. И. Ленин задал несколько существенных вопросов.

Когда Владимир Ильич и Горький ушли, профессора спросили Игнатьева: кто этот как будто очень знакомый человек, так хорошо разбирающийся в артиллерийском деле? Ученые-артиллеристы с трудом поверили, что это был Ленин. Ведь он задавал вопросы, которые можно услышать только от артиллерийского знатока.

Впоследствии А. М. Игнатьев стал известен также своим изобретением самозатачивающихся режущих инструментов.

* * *

В. И. Ленин проявлял постоянную заботу о техническом оснащении Красной Армии. И надо прямо сказать, что идея создания бронированных средств принадлежит не нам, военным, а именно ему.

В декабре 1917 года при подготовке и обсуждении закона об организации Красной Армии Владимир Ильич обратил внимание на необходимость оснащения ее бронепоездами, представляющими наиболее мощную и подвижную силу в условиях войны.

Когда Ленину доложили о том, что в ряде паровозных депо,

мастерских и на некоторых заводах рабочие при поддержке своих партийных ячеек сами сооружают такие бронепоезда, устанавливают на них орудия и пулеметы и выезжают на фронт, он с восторгом воспринял это сообщение. Прекрасно, сказал Ильич, если рабочие сами начали ковать этот новый вид оружия, железного коня, и выезжать на нем на фронт для борьбы с врагами революции, то победить нас нельзя.

Вскоре по указанию В. И. Ленина был создан специальный Совет, называвшийся «Центробронь». На «Центробронь» возлагалась обязанность создать броневые силы армии. Бронепоезд рассматривался тогда как отдельная войсковая часть. Его оперативная задача и боевая мощь определялись быстротой движения, вооружением, неуязвимостью.

Бронепоезда начали вступать в строй с первых дней гражданской войны. Так, на Донском фронте в 1918 году сражался против войск генерала Краснова бронепоезд № 3 Красногвардейского воронежского дивизиона. Командиром его был молодой матрос Кирилл Михайличенко. В конце 1918 года Михайличенко на бронепоезде прорвался через немецкую заставу на узловой станции Калинковичи и зашел в тыл врага, связался с партизанами, а затем занял станцию и город Овруч, разрушил коммуникации Коростеньского железнодорожного узла, куда устремились отступающие из Киева петлюровские части. Позднее Михайличенко командовал бронепоездом «Большевик» и геройски погиб на фронте.

Мысль Владимира Ильича Ленина об организации броневых сил была подхвачена прежде всего на Сормовском, Путиловском, Брянском и Коломенском заводах. Но бронепоезда потом стали сооружать и в прифронтовых районах, непосредственно в армиях. Например, командование группой войск Киевского направления в начале 1919 года создало штаб броне-колонны во главе с Федором Алексанкиным. Штаб организовал постройку мощных бронепоездов на киевском заводе «Греттер» (ныне завод «Большевик»).

Несмотря на тяжелое продовольственное положение и отсутствие топлива, рабочие находились в цехах круглосуточно. Самоотверженно трудились и рабочие завода «Арсенал», которые изготовляли для бронепоездов орудия и пулеметы. В Киевских паровозных и вагонных мастерских строились паровозы и вагоны.

В короткий срок Красная Армия получила пять мощных бронепоездов, покрытых тройной броней. На каждом из них было установлено во вращающихся бронированных башнях по 4 орудия и по 20 пулеметов. Эти бронепоезда бойцы назвали крепостью на колесах, они поступили в распоряжение 1-й советской украинской

армии.

Вновь сформированные 12-я и 14-я армии, действовавшие на Украинском фронте, получили бронепоезда с заводов и из мастерских, которые находились в ведении «Центроброни». К 1 июня 1919 года броневая сила только в этих двух армиях достигла 50 единиц со 120 орудиями и 500 пулеметами. Количество бронепоездов на фронтах гражданской войны достигло масштабов, не известных до того ни одной армии в мире.

По указанию Ленина бронепоезда были во всех армиях, включая и конармию Буденного. Ни одна серьезная операция на фронте не проводилась без их участия.

Помню, телеграммой от 22 марта 1919 года командующий Украинским фронтом требовал немедленно выслать на участок Киев — Фастов бронепоезд «Грозный». За промедление с выполнением этого распоряжения, говорилось в телеграмме, виновные будут преданы суду, противник сдерживается только бронепоездами…

Командующий группой войск Жмеринского боевого участка в телеграмме народному комиссару по военным делам Украины Н. И. Подвойскому просил немедленно выслать подкрепление одним полком и двумя бронепоездами, иначе Жмеринку не удержать. В Жмеринку был срочно отправлен бронепоезд имени Либкнехта под командованием коммуниста, бывшего рабочего, солдата старой армии, К. В. Лихачева. Еще до этого команда бронепоезда, составленная из киевских рабочих, солдат и матросов, проводила свои боевые операции с исключительной смелостью и решительностью. В одной из сводок о действиях в районе Здолбуново — Дубно Лихачев докладывал: «На 6-й версте разбил бронепоезд противника «Запорожец», а на 17-й — бронепоезд «Стрелец». Загнанные к станции Дубно последние петлюровские бронепоезда «Клещ», «Панцирный», «Воля» и «Дорошенко» нами захвачены».

В июне 1919 года очень напряженная обстановка сложилась в районе Жмеринки, куда прибыл бронепоезд имени Либкнехта. Петлюра стремился захватить этот важный стратегический узел, чтобы отрезать Одессу и расчистить себе путь на Киев. В оперативной сводке 44-й дивизии 4 июля 1919 года сообщалось, что противник перекинул из района Бар Запорожскую дивизию, повел при усиленной поддержке бронепоездов наступление. Ворвавшись на станцию Подольский, он взорвал путь, на котором оперировал бронепоезд имени Либкнехта. Команда советского бронепоезда, оказавшись в окружении, не дрогнула. С раннего утра до поздней ночи она отбивалась от врага, пытавшегося

забросать броневик гранатами и принудить его к сдаче.

На выручку пришел интернациональный полк тов. Сабо. Связавшись с бронепоездом, Сабо сообщил, что он окажет помощь. Вскоре после этого его кавалеристы-мадьяры прорвали позиции противника и под сильным огнем петлюровского бронепоезда пересекли полотно железной дороги. Враг не выдержал и начал в панике отступать. Команда бронепоезда имени Либкнехта восстановила путь и вновь начала драться с петлюровцами.

Но этим опасность под Жмеринкой еще не была ликвидирована. Части 44-й дивизии, измотанные непрерывными боями, вынуждены были оставить Жмеринку.

В район боев выехал народный комиссар по военным делам Украины Н. И. Подвойский, уполномоченный Советом обороны Украины предпринять совместно с Реввоенсоветом 12-й армии все необходимые меры к тому, чтобы остановить бегущие части, привести их в порядок и начать наступление на Жмеринку. С этой целью Подвойский сформировал группу войск из частей киевского гарнизона и пехотных курсов. Командиру курсов Добрынину было приказано без остановки двигаться на Жмеринку и взять ее.

Выполняя приказ, курсанты ворвались в Жмеринку, но петлюровцы окружили их. У петлюровцев на станции находились три бронепоезда, один из которых пытался овладеть мостом через реку Буг и прорваться к Виннице. Создалась критическая обстановка. На левую сторону реки Буг, где стояли наши бронепоезда, прибыл на паровозе Подвойский. Объяснив положение в Жмеринке, он приказал командиру бронепоезда имени Либкнехта прорваться через вражеские позиции и выручить курсантов. Это задание было блестяще выполнено. Начальник полевого штаба Наркомвоена сообщал об этом следующее. На рассвете 8 июля

Н. И. Подвойский прибыл на станцию Жмеринка, восторженно встреченный бойцами. При взятии Жмеринки были захвачены два бронепоезда противника, а третий, не имея пути к отступлению, был сожжен своей же командой.

После освобождения Жмеринки создалось напряженное положение в районе Проскурова. И снова бронепоезд имени Либкнехта направляется на опасный фронтовой участок. Получив задание, его команда, как всегда, смело идет в наступление, занимает станцию Черный Остров, затем внезапно врывается в расположение петлюровского Галицийского полка (у станции Войтовцы). Орудийным и пулеметным огнем этот полк был полностью парализован. Более 700 вражеских солдат и офицеров

сдались в плен. Были захвачены трофеи — четыре орудия, много пулеметов и винтовок, обозы.

Продвигаясь дальше, советский бронепоезд ворвался на станцию Волочиск и захватил здесь два петлюровских бронепоезда с командами, потом дерзким налетом с ходу занял станцию Подволочиск. В сводке 44-й дивизии от 14 июля 1919 года доносилось: после занятия Волочиска наши части стремительным ударом, при особенно героическом участии нашего бронепоезда под командованием тов. Лихачева, заняли станцию и город Подволочиск.

За проявленные доблесть и личную инициативу командир бронепоезда имени Либкнехта К. В. Лихачев был награжден боевым орденом Красного Знамени.

Славный боевой путь прошел также бронепоезд «Коростеньский коммунист», созданный в начале 1919 года. Его команда состояла из рабочих и служащих коростеньского железнодорожного узла. Позднее этой команде был передан новый мощный бронепоезд, вышедший с завода «Греттер», под прежним наименованием. Командовал бронепоездом коммунист Лукьян Мелентьевич Табукашвили — солдат старой армии. Это был храбрый командир, совершивший немало подвигов. 26 мая 1919 года начальник бронеколонны 12-й армии в приказе № 39 отмечал: «Восхищен героическими командами бронепоездов «Коростеньский коммунист» и имени Либкнехта, доблестно сражающимися и защищающими интересы пролетариата».

Из команды бронепоезда «Коростеньский коммунист» вышли командиры новых бронепоездов — тт. Кулик, Монастырецкий, Шепильский, Конанчук.

Храбро и умело действовали в рядах Красной Армии бронепоезда: имени Ленина, «Углекоп», «Освободитель», «Спартак», «Памяти Свердлова», «Киевский коммунист», «Пролетарий», «Гром» и многие другие.

Со всеми указанными выше командирами бронепоездов мне приходилось не раз встречаться в боевой обстановке. Их боевые заслуги нередко обсуждались РВС 12-й армии. Все они бывшие рабочие, члены партии, твердые и решительные командиры, умевшие обучать и воспитывать бойцов, вести их на самые ответственные операции.

В. И. Ленин постоянно интересовался командирами советских бронепоездов, внимательно, тепло, я бы сказал, по-отцовски относился к ним.

В суровые дни борьбы Советской власти с врагами революции бронепоезда были могучей силой нашей славной Красной Армии, воспетой советским народом. «Мы мирные люди, но наш

бронепоезд стоит на запасном пути» — эти слова постоянно напоминают нам о незабываемых героических подвигах бойцов и командиров бронепоездов.

Заклятые враги Советов не могли скрыть нашей бронированной мощи, умения использовать ее в сражениях. В найденном у убитого офицера 3-й белопольской армии приказе № 846993 от 18 мая 1920 года, подписанном начальником генштаба генерал-поручиком Геллером, говорилось (этот документ был оглашен на одном из заседаний РВС 12-й армии):

> «…В последних боях на всем фронте самым серьезным и ужасным противником являются неприятельские бронепоезда, которые очень хорошо оборудованы, действуют разительно смело и решительно, обладают значительной силой и являются очень серьезным средством борьбы противника. Для победы над неприятельскими бронепоездами пехота наша бессильна».

Так писал враг, испытавший на себе удары наших бронепоездов.

Когда приходилось докладывать Владимиру Ильичу Ленину о героическом труде рабочих в создании броневых сил для Красной Армии, о славных боевых подвигах бойцов и командиров бронепоездов, он не раз говорил: обязательно обо всем этом надо рассказать Горькому, пусть напишет. Горький, как известно, был одним из инициаторов написания истории гражданской войны. Он тщательно собирал биографии бойцов и командиров, награжденных орденами Красного Знамени и почетным оружием. К сожалению, ему не пришлось довести до конца это благородное дело, но, будем надеяться, его последователи сумеют завершить историческую миссию, начатую Алексеем Максимовичем.

При этом не следует забывать замечательные слова посланного по предложению Владимира Ильича приветствия IX съезда РКП (б) Красной Армии и Красному Военно-Морскому Флоту. В приветствии сказано:

> «Товарищи! Своими трудами и жертвами вы спасли дело рабочих и крестьян и грудью отстояли великие завоевания социальной революции… Ваших подвигов и жертв не забудет никогда русский народ, как не забудут их рабочие всего мира. Славные деяния Красной Армии и Красного Флота РСФСР будут вечно жить в памяти людей, пробуждая энтузиазм и волю к борьбе повсюду, где бьется честное сердце рабочего человека» [26].

Глава четвертая
ВОЕННЫЙ ВОПРОС НА VIII СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

Историческое значение в укреплении Красной Армии имел VIII съезд РКП (б), состоявшийся во второй половине марта 1919 года. Среди других важных вопросов съезд обсудил также вопрос о военном положении и военной политике.

Незадолго до открытия съезда В. И. Ленин вызвал меня из Серпухова, где находился штаб РВСР. Я был в то время членом РВСР и комиссаром его штаба.

Владимир Ильич встретил меня весьма приветливо.

— Хорошо, кстати приехали, — сказал он, подавая мне руку. — Вам поручается доложить съезду о положении на фронтах. Обязательно подготовьте такую карту, чтобы ее было видно всем делегатам съезда, и проведите на карте широкие цветные линии фронтов начала и конца 1918 года и к моменту открытия съезда.

Владимир Ильич подробно разъяснил основные вопросы, которые должны быть освещены в докладе, посоветовал, как построить сам доклад. Главное, говорил Ильич, надо доложить съезду подлинную обстановку, не скрывать никаких недостатков, безобразий, разложения тех или иных частей, например, в 3-й армии, на Северном Кавказе, на Южном фронте, Украине, под Царицыном. Конечно, это не значит, что не надо говорить о победах, обо всем хорошем, что сделала Красная Армия. Владимир Ильич подчеркнул: **ничего не скрывать — ни хорошего, ни плохого.** Партийный съезд, сказал он, должен все знать, чтобы принять правильное решение по основным, узловым пунктам строительства, укрепления Красной Армии. Ленин напомнил, что положение грозно сейчас и будет грозно дальше. Рекомендовал так и сказать: «грозно». Он посоветовал рассказать о роли военных специалистов, как старых генералов, так и молодых офицеров, назвать их фамилии, указать, какую пользу они приносят Красной Армии, обучая наших солдат и командиров. При этом Ильич напомнил о молодом способном офицере М. Н. Тухачевском, умело командовавшем в то время армией на Восточном фронте.

— Ответственные работники, — отметил Ленин, — часто забывают, что военные специалисты — это интеллигенция,

вышедшая преимущественно из буржуазной и мелкобуржуазной среды. Их настроения, их колебания зависят от политического положения страны. С ними надо работать, их надо политически воспитывать, им надо создать благоприятную обстановку для работы. Они не белогвардейцы от рождения, особенно пехотинцы, армейцы. Многие из последних охотно работают с нами.

Ильич советовал также доложить съезду о вреде партизанщины в армии и обязательно привести примеры анархического поведения партизански настроенных командиров, как они уходят с позиций, не предупреждая своих соседей, не выполняют приказов вышестоящих командиров.

В. И. Ленин далее сказал, что многие делегаты прибудут с фронтов и не надо бояться говорить правду об их фронтовых делах, не надо бояться и критики с их стороны, которая поможет наладить работу. Обязательно следовало, по совету Ленина, остановиться в докладе на таком чрезвычайно важном вопросе, как партийно-политическая работа среди красноармейцев и командиров, ибо этот вопрос очень часто упускают даже коммунисты, увлекаясь командованием, внешней показной дисциплиной. В связи с этим надлежало подчеркнуть важность связи с местными партийными организациями и рабочими заводов и фабрик, проведения разъяснительной работы среди крестьянского населения.

— Укажите также, — говорил В. И. Ленин, — какое огромное значение для Красной Армии имеет создание резервов. С этим у нас дело обстоит чрезвычайно слабо. Если бы были резервы, мы могли бы успешнее маневрировать, создавать сильные ударные группировки и использовать их в нужном месте.

Здесь я воспроизвожу, конечно, не все сказанное Лениным. Но то, что касалось строительства Красной Армии и обороны социалистического Отечества, мне запомнилось на всю жизнь.

Партия в то время вела борьбу с «военной оппозицией», которая выступала против создания регулярной Красной Армии, против железной дисциплины и защищала пережитки партизанщины в армии. Вместе с тем партия боролась и против антипартийной военной политики Троцкого, враждебно относившегося к старым большевистским кадрам в армии и безоговорочно преклонявшегося перед военными специалистами из царской армии, которых он пытался поставить вне партийного контроля. Троцкий был также сторонником так называемых всеобщих мобилизаций, то есть без классового отбора. Это вело к тому, что кулаки, попавшие в действующую Красную Армию, оказывали влияние на неустойчивые элементы, организовывали дезертирство и даже мятежи в отдельных частях и соединениях.

Эти вопросы, конечно, волновали делегатов съезда, в особенности делегатов, прибывших с фронтов.

В какой степени В. И. Ленина тревожило положение на фронтах и как он изучал настроение прибывших на съезд военных делегатов, а через них узнавал действительное состояние духа армии, можно судить по факту, что еще до съезда он собрал совещание военных делегатов. Владимир Ильич задавал вопросы, внимательно выслушивал ответы на них и споры, которые возникали между участниками совещания. Но когда делегаты попросили его выступить, то он отказался, сказав, что хочет сначала познакомиться с их мнениями, с их информацией и что он выступит на съезде.

VIII съезд партии проходил в Кремле, в зале бывшего здания судебных установлений, в котором размещался тогда Совет Народных Комиссаров.

Сейчас уже мало осталось живых свидетелей и участников страстных споров не только на съезде, но и при ежедневной работе по созданию Красной Армии и выработке ее политических и организационных основ. Участники строительства Красной Армии жили ее интересами, страдали и мучились ее бедами, радовались ее победам и удачам, сами героически сражались в ее рядах. Работа для Красной Армии вдохновляла их…

Не могу не поделиться своим впечатлением от выступления В. И. Ленина при открытии VIII съезда партии. Уже одно появление Владимира Ильича на трибуне вызвало у всех делегатов бурный восторг. Все дружно и громко зааплодировали, выражая тем глубокое уважение и признательность, горячую любовь к великому вождю и учителю, к тому, кто ведет партию, народ от победы к победе.

Но вот воцарилась тишина: стал говорить Ленин…

В своей речи при открытии съезда Ильич отметил, что съезд начинает работу в очень трудный, сложный и своеобразный момент пролетарской революции. Но никакая сила в мире, подчеркнул Ленин, не задержит хода всемирной коммунистической революции…

При этих ленинских словах вновь разразилась общая бурная овация, все встали, почувствовав прилив энергии. Ленин как бы вдохнул в нас уверенность, придал нам свежие силы. «Победить во что бы то ни стало!» — такой мыслью прониклись мы, слушая Владимира Ильича…

С докладом по военному вопросу на съезде выступил Сокольников. Доклад должен был сделать Троцкий, но, зная отрицательное отношение к себе со стороны большинства военных делегатов, он добился разрешения от ЦК не участвовать

в работе съезда и уехал на Восточный фронт, где в то время под Уфой и Пермью шли большие бои.

Обсуждение доклада Сокольникова было перенесено в военную секцию. Прения здесь развернулись горячие. Большинство было на стороне «военной оппозиции» — 37 делегатов. Линию ЦК, В. И. Ленина отстаивали 20 делегатов. Сокольников предложил сторонникам Ленина покинуть секцию и первым ушел. За это Владимир Ильич основательно пробрал его.

Вечером 21 марта состоялось пятое (закрытое) заседание съезда (протоколы этого заседания не опубликованы). На нем был заслушан мой доклад о военном положении республики.

Возле трибуны была повешена большая карта, на которой по совету Ленина были нанесены цветные линии фронтов: зеленым цветом — начало 1918 года, синим — конец 1918 года, а красным — к моменту съезда. Карта имела крупный масштаб, что позволяло отчетливо видеть ее всем делегатам съезда.

Доклад мой был построен на тех принципиальных указаниях, которые дал В. И. Ленин во время беседы. Эти ленинские указания я иллюстрировал или же они подтверждались большим количеством фактического материала и анализом его (некоторые записи моего доклада у меня сохранились).

Мною было отмечено, что за последние два с половиной месяца фронт расширился до 8 тысяч верст, то есть до такого расстояния, какого никогда не было ни в какой войне. Это говорило о большом успехе Красной Армии. Но в последние дни наблюдался поворот к худшему, и я остановился на основных причинах этого. Затем, на основании полученных новых данных, обратил внимание делегатов съезда, как это рекомендовал мне Ленин, на то, что враги Советской власти к началу съезда готовились поднять мятежи на всех фронтах.

По предложению Ильича съезд по этому поводу обратился к партийным организациям с призывом удвоить бдительность и энергию. Это вызывалось тем, что силы противника на Северном фронте достигли 135 тысяч человек. Они состояли главным образом из англичан, американцев, французов и небольшого количества чехов и сербов. На Западном фронте под руководством германских специалистов действовала 150-тысячная армия. На Украинском фронте войска противника насчитывали до 70 тысяч человек. Среди них имелись французские, английские, итальянские, греческие части. На Восточном фронте Колчак и белочехи объединили свои части в 6 корпусов.

После моего доклада делегаты съезда вернулись к обсуждению военного вопроса. С убедительной правдивой речью

в защиту ленинских положений строительства Красной Армии выступил член РВСР А. И. Окулов. Он констатировал, что регулярная армия может существовать только при условии самого разумного использования труда специалистов. Отсутствие командного состава на фронте приводит к тому, что солдаты идут не в бой, а на бойню. Из-за нехватки опытных кадров резервы остаются необученными и драгоценнейшие коммунистические кадры истекают кровью. Окулов привел ряд примеров неумелого использования специалистов, указал на то, какие политические ошибки допускаются по отношению к ним. Вместо привлечения видных военных специалистов их нередко отбрасывали, восстанавливая против Советской власти. Так поступали, например, Лашевич и Зиновьев, которые сравнивали военных специалистов с денщиками, называли их холопами, грозили выбросить их, как выжатый лимон.

— Это не выдумка, — сказал А. И. Окулов. — Разверните «Петроградскую правду» за апрель 1918 года, и вы найдете там многие факты. От съезда партии всего этого скрывать нельзя. И не о спецеедстве надо говорить, а о привлечении военспецов на нашу сторону, не о коллегиальном командовании, а о дисциплине.

Большие споры на съезде вызвал проект, представленный оппозиционером В. Смирновым. Этот проект был явно неприемлем, ом подрывал дисциплину в армии, срывал по существу создание регулярной армии.

На съезде выступили и другие сторонники «военной оппозиции», например Сафаров, Ворошилов, Голощекин, Ярославский, Минин. Их речи были направлены против принципиальных партийных установок Ленина в строительстве Красной Армии.

С большой яркой речью выступил затем Владимир Ильич.

До сих пор я помню, как Ленин произносил эту свою зажигательную речь. Выступая, он иногда делал шаг или два вперед, приближаясь к аудитории, затем отходил назад, иногда опирался на стол, посматривая время от времени на конспект. Желая подчеркнуть наиболее важное положение или выразить непримиримость к «доводам» оппозиционеров, Ильич поднимал руку. Он был как-то по-особенному внутренне собран, сосредоточен и в то же время заметно взволнован.

В. И. Ленин сказал, что у ЦК партии нет никаких сомнений в том, что наше положение трудное и грозное и что в дальнейшем может быть еще труднее и грознее. Именно поэтому, указывал Ильич, и надо укреплять Красную Армию, совершенствовать взаимоотношения с военными специалистами, поднимать на

образцовую высоту деятельность военных комиссаров. Касаясь специалистов старой армии, Ильич отметил, что большевики не преклоняются безоговорочно перед ними, но обязаны учиться у них военному делу, проверять и критически подходить к их распоряжениям, к буржуазной военной науке, исследовать ее с точки зрения марксистской науки, с учетом новой обстановки. Ленин требовал четкого централизованного управления и железной, буквально железной воинской дисциплины.

Разбирая левацкие загибы представителей «военной оппозиции», Владимир Ильич нещадно и убедительно, с сугубо партийных позиций критиковал их. Оппозиционеры возражали против ряда положений новых воинских уставов. Смирнов, в частности, выступил против взаимного отдания чести начальником и подчиненным, заявив, что это, дескать, напоминает самодержавно-крепостнические порядки. В. И. Ленин отметил, что когда подчиненный и начальник при встрече прикладывают руки к головному убору, то ничего страшного в этом нет. Наоборот, это очень хорошо: взаимное уважение, строгость, порядок вместо панибратства.

В. И. Ленин с предельной ясностью вскрыл всю вздорность выступлений оппозиционеров, направленных на введение в армии коллективного командования, что неизбежно привело бы к партизанщине, расхлябанности, разболтанности и неразберихе. Чтобы показать, каковы последствия от коллективного командования и партизанщины в армии, Ленин сослался на бои за Царицын в 1918 году. В этих боях наряду с проявлением невиданного героизма имели место (в 10-й армии) анархические действия отдельных командиров, они не исполняли или неточно исполняли приказы, игнорировали военных специалистов. Отсюда огромные людские потери (60 ООО человек). Эти потери, сказал Ильич, нам не пришлось бы отдавать, если бы там (в Царицыне) были специалисты, если бы была регулярная армия, с которой приходится считаться. В этой связи В. И. Ленин подверг справедливой критике И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова и других за допущенные ими ошибки, приведшие к неоправданным большим потерям личного состава. На Украине, отметил Ленин, также обходились без специалистов, и в этом ошибка Пятакова, Бубнова, одобрявших партизанщину.

Говоря об ошибках «военной оппозиции», Владимир Ильич заявил, что оппозиционеры, будучи связаны с партизанщиной своим опытом, не хотят понять, что теперь другой период, теперь на первом плане должна быть регулярная, строго дисциплинированная армия.

В этой связи Ленин остановился на вопросе идейного

воздействия на солдатские массы, состоящие в большинстве своем из крестьян. Ильич подчеркнул, что средний крестьянин поймет строгую военную дисциплину и будет поддерживать ее против анархии, только ему надо толком объяснить: он взял землю, и ее нужно защищать, а чтобы защитить, необходимы порядок и дисциплина в Красной Армии, геройски борющейся в самых тяжелых условиях за советский строй. При этом Ленин выразил уверенность в том, что загнанные в белую армию крестьяне-середняки перейдут к нам.

Выступая, В. И. Ленин поднял также вопросы подготовки рабочих в системе всеобуча, в военных школах.

В своей речи В. И. Ленин указывал, что настало самое трудное время, империалисты всего мира напрягают усилия, чтобы нас безжалостно покорить. Поэтому сочетание в Красной Армии великого энтузиазма красноармейцев, отстаивающих от белых и грабителей-интервентов свою рабоче-крестьянскую власть, свою землю от помещиков и заводы от эксплуататоров, с использованием честных военных специалистов под контролем военных комиссаров, при строгой воинской дисциплине — вот условие для победы.

Много раз приходилось мне слушать В. И. Ленина, но никогда я не слышал, чтобы он говорил с такой прямотой, с таким волнением в защиту образцово организованной, дисциплинированной, регулярной Красной Армии. Эта речь была проникнута глубоким чувством оратора, глубокими его мыслями и показывала, какое громадное значение придавал Владимир Ильич Красной Армии, с какой любовью он к ней относился. Это выступление свидетельствовало об обширных познаниях Ильича в военном деле, о его смелой и неутомимой борьбе за основы построения армии нового типа, выработанные партией. Ленин считал, что вся политика партии тесно связана с Красной Армией.

Полная страстности, речь В. И. Ленина убеждала своей доказательностью и логикой.

Все присутствовавшие на VIII съезде были покорены правдой ленинских слов, открытой и принципиальной ленинской критикой. Своим выступлением

Ильич учил нас быть выше интересов личностей, какую бы руководящую роль эти личности ни исполняли.

Выше всего Ленин ставил интересы партии, Советской власти, победу над белогвардейцами и интервентами. Тот, кто нарушал решения партии, указания и приказы военного командования, — тот не мог ждать от Ленина пощады, кто бы ни был он по своему служебному и партийному положению. Мы это видели во многих случаях, особенно когда создавалась

угрожающая обстановка. В адрес М. В. Фрунзе, М. С. Кедрова, С. И. Гусева, главкомов И. И. Вацетиса и С. С. Каменева Владимир Ильич нередко посылал строгие телеграммы, указывавшие на те или иные промахи. Но в ленинской строгости, требовательности всегда чувствовалась справедливость.

Заседания съезда по военному вопросу проходили бурно. Делегаты нередко вскакивали со своих мест, громко подавали реплики. Особенно неистовствовали оппозиционеры. В. Смирнов — главоппозициоиер, как его называли тогда, — часто подбегал к трибуне, мешал говорить докладчикам, шумел, размахивал руками.

В ходе заседаний Ленин писал что-то на листочках, время от времени подходил к карте, смотрел на какой-то пункт и опять садился на приступок трибуны. Он был серьезен, иногда покачивал головой, внимательно всматривался в говорившего, а когда оратор высказывался против партийной точки зрения, подавал острые реплики.

VIII съезд РКП (б), проходивший под непосредственным руководством В. И. Ленина, сыграл выдающуюся роль в строительстве нашей славной Красной Армии. Главная задача съезда по военному вопросу заключалась в том, чтобы вопреки оппозиционным крикунам создать регулярную, дисциплинированную, централизованную Красную Армию с единым командованием, в противовес добровольческой армии, в противовес партизанщине в армии, которые изжили себя.

Съезд принял все установки Ленина: широко привлекать в Красную Армию старых военных специалистов и строго контролировать их деятельность, критически использовать лучшие достижения буржуазной военной науки; создать в армии железную дисциплину и окончательно искоренить партизанщину; поднять роль комиссаров, политработников и всех коммунистов в воспитании советских воинов, шире и глубже развертывать партийно-политическую работу в войсках; постоянно, планово укреплять армию кадрами, для чего должно служить всеобщее военное обучение; поднять весь тыл на помощь Красной Армии.

Для выработки резолюции была создана согласительная комиссия: от ЦК РКП(б) — Сталин, Позерн, Зиновьев, а от оппозиции — Ярославский и Сафаров. Все ценные предложения военной секции вошли в резолюцию, как-то: перенос центра коммунистической работы из фронтовых управлений в политотделы армий и дивизий, упразднение Всероссийского бюро военных комиссаров и создание Политического отдела Революционного военного совета республики. Решено было усилить формирование командного состава из пролетариев и

полупролетариев, для чего надлежало увеличить количество военных школ, улучшить их работу, направлять в школы красноармейцев, наиболее подготовленных к выполнению боевой роли красных офицеров.

Было признано необходимым при выработке боевого устава Красной Армии привлекать на предварительное обсуждение политических работников армий.

Таковы основные решения VIII съезда партии по военному вопросу.

В заключение хочу сказать: и здесь, на съезде, Владимир Ильич проявил себя гениальным военным руководителем, превосходно знающим военное дело.

Глава пятая
РАЗГРОМ ИНТЕРВЕНТОВ И ВНУТРЕННЕЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Летом 1918 года обстановка в стране сложилась крайне напряженная — началось наступление войск Антанты против еще не окрепшей Советской республики.

Еще в декабре 1917 года в Париже было подписано англо-французское соглашение о военной интервенции против Страны Советов. Состоялся раздел России на так называемые «сферы влияния» и на районы будущих военных операций Антанты. Под английское «высокое покровительство» отходили Кавказ, Дон, Кубань; под французское — Украина, Бессарабия, Крым.

Шкура неубитого медведя была уже поделена.

Не осталось, конечно, безучастным и правительство США. Оно взяло на себя финансирование всех военных и экономических операций, имея виды на весь Дальний Восток, Сибирь и Урал. Сюда же нацелились и японские империалисты.

В марте 1918 года с английского крейсера «Глори» высадился в Мурманском порту первый отряд интервентов. Затем начали высаживаться все новые и новые десанты союзных войск. В апреле во Владивостоке высадились войска Японии, а затем и США.

Наступление войск Антанты, мятеж белочешского корпуса, действия крупных соединений контрреволюционных генералов, восстания кулаков и различных наемных банд сделали Восточный фронт самым опасным.

Ко всему этому следует приплюсовать измену Советам левого эсера Муравьева, который командовал тогда войсками, направленными против белочехов. Поскольку оперативные распоряжения, отданные В. И. Лениным в первые часы по получении известия об измене Муравьева, в литературе не освещены (они не были в свое время собраны и обобщены), то я позволю себе на этом остановиться.

Ночью с 10 на 11 июля 1918 года я был вызван на телеграф к прямому проводу. Члены Военного совета фронта К. А. Механошии и П. А. Кобозев сообщили мне об измене Муравьева, о том, что он обратился к войскам с призывом идти на Москву, на помощь восставшим левым эсерам. Механошин и Кобозев просили помощи. Этот разговор происходил глубокой ночью — часа в 3 или 4. Ленину звонить я не решился. Позвонил наркому по военным делам Троцкому. В ответ Троцкий заявил: «Надо

писать воззвание»— и положил трубку. Больше ничего не сказал.

А рано утром Владимир Ильич дал целый ряд срочных оперативных заданий и распоряжений в отношении передвижки войск, посылки рабочих, политработников в воинские части, находившиеся под командованием Муравьева.

Одновременно В. И. Ленин передал мне для опубликования подписанную им телеграмму следующего содержания:

«Всем, всем, всем. Москва. 11 июля, 6 часов.

Бывший главнокомандующий против чехословаков левый эсер Муравьев подкуплен англо-французскими империалистами.

Муравьев сбежал из штаба Революционного Военного Совета в Симбирск и отдал по всем войскам приказ повернуть против немцев, которые будто бы взяли Оршу и наступают на нас.

Приказ Муравьева имеет своей предательской целью открыть Петроград и Москву и всю Советскую Россию для наступления чехословаков и белогвардейцев. Измена Муравьева своевременно раскрыта Революционным Военным Советом. И все войска, действующие против чехословаков, верны Советской власти.

Сим объявляется по всем войскам, Советам и всем гражданам Советской республики:

1. Немцы нигде на нас не наступают, на немецком фронте все спокойно.

2. Всякие призывы к наступлению на немецком фронте являются провокацией и должны караться расстрелом на месте.

3. Бывший главнокомандующий на чехословацком фронте левый эсер Муравьев объявляется изменником и врагом народа. Всякий честный гражданин обязан его застрелить на месте.

4. Все приказы по войскам, действующим против чехословаков, будут впредь до нового распоряжения подписываться Механошиным и Благонравовым.

Председатель Совета Народных Комиссаров
Ульянов-Ленин.
Народный Комиссар по Военным и Морским делам
Троцкий.
С подлинным верно:
Заведующий Оперативным Отделом Наркомвоен *Аралов»* [27].

Авантюра Муравьева никакого успеха, к счастью, не имела, войска остались верными Советской власти. Муравьев бежал из Казани в Симбирск. В Симбирске он объявил войну Германии и приказал войскам двигаться на Москву. Поддержки он ни от кого не получил. Партийная организация Симбирска разоблачила происки этого авантюриста, а сам Муравьев был убит. Об

авантюре Муравьева и ее ликвидации сотрудник штаба в Казани тов. Наумов сообщал в телеграмме от 11 июля 1918 года:

> «Вчера утром выехали из Казани на Самару. По выходе из порта Муравьев собрал в столовой штаб, объявил себя Гарибальди русского народа и верховным главнокомандующим всеми силами, действующими против германцев. Впечатление полной мании грандиоза. Приказав всем исполнять его распоряжения, велел собрать на палубе войска, обратился с речью, полной разных обещаний и истерических выкриков. Встречен войсками совершенно равнодушно, но части, находившиеся на пароходе, продолжали исполнять его приказания. По приезде в Симбирск, выехал в город, выслав предварительно отряд для занятия телеграфа, радио. Вернувшись из города, сообщил, что все в его руках. Командарм Тухачевский арестован. Меня на берег не пустил, лишив возможности вас информировать сегодня утром. Выясню дальнейшие события, сообщу дополнительно. Муравьев при сопротивлении убит».

По поводу левоэсеровского мятежа и измены Муравьева В. И. Ленин И июля 1918 года сообщил комиссару в Воронеже тов. Иванову, что мятеж полностью ликвидирован и что теперь «необходима усиленная помощь на чехословацкий фронт. На кубанском фронте все усилия направить на полную и надежную охрану пути от Тихорецкой к Царицыну и от Царицы-па на север, а не на продвижение вперед»[28]. Эта военно-оперативная директива Ленина имела в виду создать надежную охрану пути от Тихорецкой к Царицыну. 13 июля станция Тихорецкая была взята добровольческой армией, но дальнейшее продвижение белогвардейцев было остановлено нашими войсками, создавшими, согласно директиве Ленина, надежную охрану пути к Царицыну.

Участок Волги от Казани до Самары занимал мятежный корпус чехословаков, численностью в 15–16 тысяч штыков, под командованием англо-французского агента Чечека. В его корпусе находились кавалерийские и артиллерийские части и приспособленные для военных операций пароходы. Южнее действовали оренбургские и уральские белоказачьи полки. Крупные силы белогвардейцев и чехословаков имелись в районе Екатеринбурга.

Чехословацкое наступление активно поддерживалось меньшевиками и эсерами. Боевые действия развернулись вдоль Сибирской железной дороги: от Омска до Екатеринбурга. Наша 2-

я армия, боровшаяся на этом участке под командованием Р. П. Эйдемана, была очень малочисленна, и она не могла обеспечить надежную оборону.

К августу противник развернул наступление на Казань. На подступах к городу в течение пяти дней шли ожесточенные бои. Вражеский напор сдерживали небольшие группы латышских стрелков под командованием И. И. Вацетиса. Они сражались геройски и не покидали Казани. Когда 6 августа чехи ворвались в город, в нем под руководством Вацетиса завязались упорные бои. В то время как несколько рот 5-го латышского полка во главе с Вацетисом стойко сражались, сербский батальон, оборонявший казанский кремль, не выдержал, он сложил оружие и перешел на сторону противника.

Несмотря на это, Вацетис с группой латышских красноармейцев сумел с боями выйти из окруженной Казани. А через неделю они (полуголодные, полураздетые) вышли в расположение наших войск. Надо сказать, что В. И. Ленин серьезно беспокоился за судьбу Вацетиса, часто о нем справлялся.

Потеря Казани осложнялась еще и тем, что там находился золотой запас Советской республики. Казань считалась наиболее безопасным пунктом, поэтому туда и было направлено для хранения золото. Но вот Казань пала, и золотой запас попал в руки врагов Советской власти. Огромные ценности в 651 миллион рублей золотом и 110 миллионов рублей кредитными билетами белогвардейцы перевезли в Самару, а затем в Омск, в распоряжение адмирала Колчака. Золото разместили в двух кладовых Омского банка. «Охраняли» его колчаковцы и иностранные солдаты под командованием американских офицеров. В слитках и монете золото с каждым днем все больше и больше утекало в бездонные карманы империалистических захватчиков.

Когда в ноябре 1919 года колчаковцам и интервентам пришлось отступать под ударами Красной Армии, они угнали вагоны с золотом в Иркутск. Наши войска продолжали громить полчища Колчака и Антанты. Вскоре в районе Черемхово колчаковцы были окончательно разбиты. Телеграфисты Совнаркома приняли телеграмму из Иркутска на имя Владимира Ильича. В ней сообщалось, что на вокзале Иркутска находятся вагоны с золотом.

По личному приказанию В. И. Ленина Сибирский революционный комитет организовал надежную охрану золота. Проверка же показала, что в вагонах находилось золота на сумму 409 625 870 рублей 23 копейки. Значит, колчаковцы и интервенты успели расхитить более чем 240 миллионов рублей

золотом.

Во исполнение приказания Ленина об охране золотого запаса, караульную службу у вагонов с золотом возложили на 3-й батальон 262-го Красноуфимского стрелкового полка 30-й дивизии. Бойцы этого полка отличились в сражениях с колчаковцами и интервентами. Командовал батальоном большевик Николай Павлович Паначев…

Поезд с золотом надо было отправить на запад, ближе к Москве, а затем и в Москву. Командиром поезда и старшим ответственным представителем при «золотом эшелоне» Революционный военный совет и особый отдел ВЧК 5-й армии, а также Иркутский губ-ревком назначили Александра Афанасьевича Косу-хина. Это был двадцатилетний молодой человек, коммунист-ленинец, побывавший в огне войны. Бесстрашие, смелость, находчивость, беспредельная преданность Советской власти Саши Косухина были известны всей 5-й армии. К этому времени он являлся сотрудником особого отдела ВЧК при этой армии.

22 марта 1920 года поезд с золотом тронулся из Иркутска к Москве…

Вот одна из докладных записок Косухина о движении эшелона:

> «Поезд с золотым запасом охраняется 3-м батальоном 262-го полка. Это вполне надежный и боеспособный батальон. В нем 671 человек, в том числе 45 кавалеристов.
>
> Следование поезда с золотым запасом таково: впереди идет указанный поезд с ротой охраны, до 150 человек; во время движения на крышах вагонов, на задних тормозах и на паровозе находятся часовые и во время стоянок часовые у вагонов, впереди пулемет с командой и патруль около поезда. Для всяких надобностей между паровозом, караульной командой и вагоном ответственных представителей есть телефонное сообщение.
>
> Через пролет от поезда золотого запаса следует поезд с остальной охраной, и последний догоняет первый для смены караула…»

В эшелоне находились также комиссар охраны, представители железной дороги, Иркутского губфинотдела, государственного контроля, сотрудники отдела ВЧК 5-й армии.

Несмотря на столь солидное представительство и важность груза, поезд только 12 апреля пришел на станцию Ачинск.

Движение тормозили взорванные мосты через реки, отсутствие топлива, пропуск эшелонов с войсками и многое другое.

В Ачинске состоялась смена охраны состава. Дальнейшую охрану эшелона возложили на 1-й Интернациональный полк, сформировавшийся в ходе боев с колчаковцами. Этот полк состоял из венгров, немцев, румын, югославов, чехов. Командовал им коммунист венгр тов. С. Варга. Одной из рот полка командовал известный впоследствии советский писатель венгр Мате Залка.

И снова «эшелон золотого запаса» двинулся в трудный и дальний путь. О его продвижении ежедневно докладывали по телеграфу Ленину. Когда поезд прибыл в Омск, Владимир Ильич дал указание доставить золото не в Москву, как предполагалось ранее, а снова в Казань. Вот это распоряжение В. И. Ленина:

> «20 апреля 1920
>
> Все золото в двух поездах, прибавив имеющееся в Омске, немедленно отправьте с безусловно надежной достаточной военной охраной в Казань для передачи на хранение в кладовых Губфинотдела.
>
> *Предсовнаркома Ленин»*[29].

3 мая поезда прибыли в Казань. Четыре дня продолжалась их разгрузка. Эшелон доставил 6815 ящиков с золотом. Доставил в полной сохранности, все до единой копейки.

Но вернемся к Восточному фронту. После падения Казани напряжение на этом фронте еще более усилилось.

Отрицательно сказалась здесь некоторая неустойчивость 5-й армии, порожденная рядом допущенных ошибок командованием армии (П. А. Славен), а также слабо поставленной партийно-политической работой в частях.

В. И. Ленин сразу же обратил внимание на недостатки военных действий на Восточном фронте и потребовал сосредоточить главные усилия на Казанском направлении. Именно по настоянию Владимира Ильича в помощь Волжской флотилии с Балтийского моря под Казань были переброшены легкие суда. По указаниям Ленина, Центрального Комитета РКП (б) партийные организации Петрограда, Москвы и других городов провели мобилизацию коммунистов для усиления партийно-политической работы на Восточном фронте. В этой связи отмечу, что 29 августа 1918 года на общей московской городской партийной конференции был заслушан мой доклад, как члена РВСР, о роли коммунистов в Красной Армии. Конференция постановила поручить МК РКП (б) провести мобилизацию членов

партии для политической работы на фронте.

10 августа В. И. Ленин пишет в Высший военный совет: «Считаю необходимым всячески усилить Восточный фронт. Предлагаю Высшему военному совету разработать план снятия с Западного фронта *наибольшего* числа частей. План этот надлежит провести в кратчайший срок. Должны пойти все боеспособные части. Железные дороги получат предписание немедленно пропустить уже идущие части на фронт и будут всемерно готовиться к принятию и перевозке новых.

Предлагаю Высшему военному совету следить за правильностью и быстротой выполнения нарядов железными дорогами. О промедлениях председателю Высшего военного совета докладывать мне.

Ответственность за скорейшее исполнение плана возлагаю на Высший военный совет»[30].

Озабоченность Ленина положением на Восточном фронте была весьма своевременна. Он пристально следил за ходом боевых дел на этом фронте. В сентябре 1918 года Владимир Ильич писал Троцкому в Свияжск: «Удивлен и встревожен замедлением операций против Казани, особенно если верно сообщенное мне, что вы имеете полную возможность артиллерией уничтожить противника. По-моему, нельзя жалеть города и откладывать дольше…»[31] Действия Троцкого под Казанью вызывали враждебное к нему отношение со стороны командиров, комиссаров, политработников. Он медлил, затягивал наступление и одновременно был груб, нервозен.

Я хорошо помню, как целый ряд коммунистов отдельно и коллективно обращались в ЦК партии с протестами против действий Троцкого, жаловались на его грубость, на то, что он расправляется с коммунистами-армейцами, не останавливаясь перед расстрелами за кажущиеся ему ошибки. Ленин вызвал Троцкого. Какой у них был разговор, не знаю, но террор Троцкого по отношению к командирам и комиссарам — членам партии прекратился.

В конце 1918 года создалось катастрофическое положение на участке 3-й армии. Центральный Комитет партии по предложению Ленина направил на Восточный фронт комиссию ЦК для расследования причин поражений и сдачи Перми. Члены комиссии установили, что состояние данной армии близко к полному развалу. Принимая энергичные меры по поднятию боеспособности армии, укреплению фронта и его тыла, они отослали письмо В. И. Ленину, в котором сообщали о результатах проделанной работы и просили срочно оказать помощь 3-й армии. На этом письме В. И. Ленин и Я. М. Свердлов 8 января

1919 года наложили резолюцию, гласившую, что требование о помощи 3-й армии передано как требование ЦК на исполнение военных властей. Несколькими днями раньше Ленин сообщил членам комиссии ЦК, что он получил от них первую шифрованную депешу и просит их руководить исполнением намеченных мер на месте, ибо иначе нет гарантии успеха.

Из этой переписки видно, что ЦК партии и лично В. И. Ленин глубоко вникали в положение 3-й армии. Забота партии, Ленина укрепляла боевой дух и настроение солдат и офицеров Восточного фронта.

Весна 1919 года ознаменовалась особенно тяжелыми боями. Колчак, обосновавшись в Омске, в конце 1918 года провозгласил себя верховным правителем России и весной 1919 года вместе с чехословацким корпусом перешел в общее наступление. Вскоре он занял Уфу и ряд других городов, стремясь соединиться в районе Средней Волги с Деникиным. Колчак рвался захватить также Вятку с целью прорыва к Питеру. Создавалось грозное положение. Одновременно в мае 1919 года начал форсировать наступление Деникин. В мае же начались военные действия против Петрограда войск генерала Родзянко, а затем сменившего его Юденича.

Перед Центральным Комитетом партии встал вопрос, куда важнее направить главные силы Красной Армии, по какому врагу прежде всего ударить. От правильного решения этого вопроса зависела судьба революции.

Главком (Вацетис) и Троцкий считали, что основной удар надо наносить по Деникину. А на Восточном фронте они предлагали стать в оборону по рекам Белой и Каме.

В. И. Ленин считал главной опасностью на этом этапе Колчака, а главной задачей — освобождение Урала от колчаковцев.

Предложение В. И. Ленина о необходимости ликвидации колчаковщины основывалось на глубоком анализе конкретной обстановки, изучении мнения политических и военных работников, оценке настроения тылов как противника, так и своих войск, на учете количества войск и боевой техники, морального состояния воинов, важности районов, в которых велись боевые действия. На Колчака возлагали свои надежды англо-французские и американские империалисты. И это понятно: Колчак был руководителем всей контрреволюции. Его удар, направленный на Урал (промышленный центр) и на Волгу (основную магистраль, связывающую с хлебными районами юга), представлял серьезную опасность. Успех Колчака позволил бы ему подать руку южным белогвардейцам, а на севере соединиться

с английскими войсками, которые еще находились в Архангельске и Мурманске.

Освобождение Урала и Сибири возвращало Советской республике металл и хлеб. Сведения, приходившие из вражеского тыла, свидетельствовали о недовольстве крестьян Колчаком, об их героической партизанской борьбе с ним.

Учитывая все эти обстоятельства, Ленин не согласился с точкой зрения главкома и 11 апреля 1919 года изложил тезисы ЦК РКП (б) в связи с положением на Восточном фронте. В них он указал, что главный удар необходимо нанести прежде всего по Колчаку. Эти тезисы Владимир Ильич защищает на заседании ЦК, потом оглашает их на пленуме ВЦСПС. В тот же день он обращается с письмом к рабочим Питера и других городов, призывая активно помочь делу разгрома Колчака.

В тезисах ЦК В. И. Ленин указывал, что победы Колчака создают чрезвычайно грозную опасность для Советской республики и необходимо самое крайнее напряжение сил, чтобы разбить, а затем и добить Колчака. ЦК предлагает поэтому всем партийным организациям в первую очередь направить усилия на проведение следующих мер:

1. Всесторонняя поддержка объявленной 11 апреля 1919 года мобилизации. Все силы партии и профсоюзов должны быть мобилизованы немедленно.

2. В прифронтовых местностях, особенно в Поволжье, поголовное вооружение всех членов профсоюзов…

3. Усиление агитации.

4. Заменить на работах всех мужчин-служащих женщинами.

5. Учредить бюро помощи или комитеты содействия Красной Армии.

6. Широкое вовлечение крестьян, особенно крестьянской молодежи неземледельческих губерний, в ряды Красной Армии и для формирования продовольственных отрядов.

7. В тюрьму тех, кто помогает Колчаку сознательно или бессознательно[32].

Обращаясь с письмом к петроградским рабочим, Владимир Ильич разъяснял: «Положение на Восточном фронте крайне ухудшилось. Сегодня взят Колчаком Боткинский завод… Опасность грозная… Мы просим питерских рабочих *поставить на ноги все, мобилизовать все силы* на помощь Восточному фронту» [33].

На самом фронте была произведена перегруппировка сил и командования, создана Южная группа во главе с М. В. Фрунзе, членом РВС В. В. Куйбышевым и военным специалистом бывшим генералом старой армии Ф. Ф. Новицким. К северу от Камы

нашими войсками командовал В. И. Шорин, бывший полковник царской армии. Для оказания помощи ЦК направил на Восточный фронт ряд ответственных работников: А. В. Луначарского, Н. В. Крыленко, В. И. Невского, Е. М. Ярославского, Д. И. Курского и других. Из всех существовавших в то время фронтов — Северного, Петроградского, Юго-Западного, Южного — самым важным был признан Восточный фронт.

В телеграмме Реввоенсовету Восточного фронта Ленин писал: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы… Еженедельно шифром телеграфируйте мне итоги» [34].

Пленум ЦК РКП (б), рассмотрев этот вопрос 3 июля 1919 года, целиком и полностью одобрил стратегическую и политическую линии В. И. Ленина.

Последующие события показали, что стратегический план Центрального Комитета партии, В. И. Ленина был верен. Собранные и оснащенные по указанию Владимира Ильича советские войска остановили Колчака, а затем перешли в решительное наступление.

Когда были освобождены Пермь и Кунгур, Ленин поздравил героические красные войска, взявшие эти города, и потребовал во что бы то ни стало довести дело до быстрого и полного конца. «Крайне необходимо, — указывал Ленин, — мобилизовать немедленно и поголовно рабочих освобождающихся уральских заводов. Надо найти новые революционные способы тотчас включать этих рабочих в войска для отдыха уставшим и для отпуска на юг»[35].

3 июля 1919 года на Пленуме ЦК было принято письмо Ленина к организациям партии. В письме говорилось, что ни в коем случае нельзя ослаблять наступление наших войск на Урале и в Сибири.

В докладе, сделанном 4 июля на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и представителей профсоюзов, В. И. Ленин рассказал о том, что делается в тылу Колчака, где восстали даже кулаки. Ильич заявил, что наступил решительный перелом на Урале. В Перми несколько колчаковских полков перешло на нашу сторону. Но с Колчаком еще не покончено, говорил Ленин, и надо помнить, что Антанта приняла решение задушить Советскую Россию.

14 ноября 1919 года советские войска освободили Омск. В декабре они разбили остальные войска Колчака. Сам «верховный правитель» был взят в плен. Его судили и приговорили к расстрелу. Приговор привели в исполнение.

Таким образом, комбинированный поход Антанты и

внутренней контрреволюции против Советской России был разгромлен.

В период борьбы Красной Армии на Восточном фронте проявили себя такие талантливые полководцы и военачальники, как М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевский, В. И. Чапаев, В. К. Блюхер, И. С. Кутяков, братья Каширины, Г. Д. Гай и другие. Примером для всех красноармейцев служили на фронте коммунисты, проявлявшие всегда отвагу, стойкость, героизм.

Серьезное значение для победы имела партизанская борьба в тылу Колчака.

Из изложенного видно, что В. И. Ленину принадлежит первостепенная заслуга в определении направления главного удара Красной Армии в наиболее трудные дни 1919 года и руководство делом разгрома комбинированного похода Антанты и внутренней контрреволюции.

* * *

3 июля 1919 года Деникин объявил в Царицыне, захваченном им 30 июня, так называемую «московскую директиву», издал приказ о походе на Москву, захвате ее.

К этому времени еще не было покончено с Колчаком. На Восточном фронте шли усиленные бои. Правда, Колчак под ударами наших войск отступал. Однако для того, чтобы преследовать его и окончательно разгромить, требовалось много сил.

В начале июля 1919 года существовала еще реальная опасность соединения колчаковского фронта с Деникиным на Волге. В. И. Ленин беспокоился и требовал от М. В. Фрунзе ускорить сосредоточение сил на этом направлении. Англичане продолжали действовать в Архангельске. На Украине бесчинствовали остатки банд Григорьева, усилили свои действия Петлюра и другие враги трудящихся. Генерал Родзян-ко, а потом Юденич повели наступление на Петроград.

Началось новое наступление Антанты и внутренней контрреволюции.

Главный удар теперь должен был нанести генерал Деникин. Англо-французские и американские империалисты снабдили его не только деньгами, но и самым совершенным вооружением — танками, самолетами, артиллерией. Только обмундирования, винтовок и боеприпасов Деникин получил на 250 тысяч солдат. Сотни иностранных офицеров прибыли в деникинскую армию для работы в штабах.

Прежде чем принять то или иное решение, требовалось тщательно и глубоко проанализировать создавшуюся напряженную обстановку. Как и при борьбе с Колчаком, но сейчас при еще более сложных обстоятельствах, наступил самый критический момент социалистической революции. Ленин в данном случае сумел правильно решить труднейшие задачи военного искусства. Опираясь на ЦК, он своевременно выправлял ошибки командования, ни на минуту не ослабляя внимания к фронтам. Красноармейцы, комиссары и командиры писали и телеграфировали Ленину, лично приезжали к нему. Они знали, что Ленин поможет, поправит нерадивого, пристыдит ленивого, отстранит от должности недисциплинированного, предаст суду преступника.

Так, например, по просьбе С. М. Кирова В. И. Ленин отменил приказ Троцкого об оставлении Астрахани.

Если раньше Ленин требовал переброски некоторых войсковых частей с других фронтов на восток, то теперь он настаивал на быстрейшей переброске частей с Восточного фронта на юг и на поддержку Петрограда, которому угрожали войска Юденича. В это время вспыхнуло контрреволюционное восстание на фортах Красная Горка, Серая Лошадь и Обручев. Ленин потребовал от РВСР принять все меры для быстрой переброски шести полков с Восточного фронта; не допускать промедления ни одной минуты; действовать быстро, без проволочек.

Несколько позднее Владимир Ильич предложил главкому И. И. Вацетису перебросить всю 5-ю армию из Сибири на юг, против Деникина.

Наступление Юденича и восстания на фортах организовали англичане для помощи Деникину и Колчаку, надеясь, по выражению Ленина, юденическим пластырем оттянуть войска с юга и востока.

В. И. Ленин указывал, что обстановка белогвардейского наступления на Петроград заставляет предполагать существование в тылу, а может быть, и на самом фронте, организованного предательства. Только этим можно объяснить, подчеркивал Ильич, стремительное наступление противника, взрывы мостов, пожар артиллерийского склада на станции Ново-Сокольники. Ленин обращал усиленное внимание на все это, требовал принять экстренные меры для раскрытия заговора, напрячь все силы для быстрого и решительного удара по врагу.

В первой половине июня В. И. Ленин вносит в ЦК проект постановления о Петроградском фронте, в котором этот фронт признается первым по важности. Выделяя Петроградский фронт и добиваясь быстрого разгрома здесь противника, Ленин тем самым

стремился ускорить последующее сосредоточение сил против Деникина.

Пленум ЦК, состоявшийся 3–4 июля 1919 года, посвятил свое заседание вопросу деникинского наступления. Пленум постановил усилить всеобщее военное обучение трудящихся, направить наиболее крепких и деятельных коммунистов на фронт. Вместо И. И. Вацетиса главкомом был назначен С. С. Каменев. Был реорганизован РВСР — вместо 15 членов стало 6. Ставка главкома и РВСР переводилась из Серпухова в Москву, с тем чтобы обеспечить более оперативный контроль. Начальником штаба был назначен П. П. Лебедев. Пленум утвердил и новых командующих фронтами: М. В. Фрунзе — Восточным, В. Н. Егорьева — Южным, В. М. Гиттиса — Западным.

В начале июля было опубликовано составленное Лениным и утвержденное ЦК партии письмо ЦК РКП (б) к организациям партии «Все на борьбу с Деникиным!». Отметив, что наступил самый критический момент социалистической революции, ЦК требовал, чтобы Советская Россия стала *единым военным лагерем* не на словах, а на деле, требовал перестроить всю работу на военный лад, направить ее на быстрое отражение нашествия Деникина. Это основная задача. Для ее успешного решения должны быть проявлены твердость, смелость, решительность, умение. Необходимо предпринять все усилия для того, чтобы полностью снабдить фронт всем необходимым.

Первоначально план наступления на Деникина разработал И. И. Вацетис после довольно подробных и обстоятельных указаний В. И. Ленина. Этот план предусматривал развертывание наступления через Донбасс.

Однако в то время (летом 1919 года) этот план еще не мог быть выполнен из-за слабости 14-й, 13 и 8-й армий, действовавших на Харьковском и Воронежском направлениях. 14-я армия отличалась хаотичностью организации, в ней не была еще окончательно изжита партизанщина. Две другие армии в результате многочисленных боев нуждались в серьезном пополнении. Требовались перегруппировка и переброска сюда новых частей. Для этого, естественно, нужно время, а ждать было нельзя.

Поэтому новый главком С. С. Каменев предложил открыть наступление 9-й и 10-й армиями, расположенными на юго-востоке, которые по старому плану должны были наносить вспомогательный удар. По новому плану на эти наиболее боеспособные армии возлагалась задача нанести главный удар по Деникину. Учитывалось, что в этом случае легче перебросить резервы с Восточного фронта. Таким образом, С. С. Каменев

предполагал нанести удар через Дон и Кубань. ЦК дал согласие, и план был оформлен директивой главкома 23 июля 1919 года. На помощь 9-й и 10-й армиям намечалось перебросить 56-ю, 25 и 28-ю стрелковые дивизии и одну бригаду. Вспомогательное наступление возлагалось на 8-ю и частично на 13-ю армии.

В «Кратком курсе» истории партии говорится, что план наступления через Дон и Кубань был составлен командованием Южного фронта совместно с Троцким. На самом же деле этот план был разработан главкомом С. С. Каменевым и одобрен ЦК партии.

В. И. Ленин не только принимал большое участие в разработке и утверждении стратегических директив, но, как и всегда, в период борьбы с Деникиным все время проверял ход военных действий и контролировал все мероприятия по организации помощи Южному фронту. Он писал РВСР: «Опоздание наступления в Воронежском направлении (с *1 августа* по *10 !!!)* чудовищно. Успехи Деникина громадны.

В чем дело? Сокольников говорил, что там (под Воронежем) у нас *в 4 раза* больше сил… Как могли мы так прозевать?

Скажите Главкому, что *так нельзя*… Совершенно недопустимо опаздывать с наступлением, ибо это опоздание всю Украину отдаст Деникину и нас погубит»[36].

В своих прогнозах относительно наступления Деникина В. И. Ленин был исключительно прав. 10 августа прорывается через фронт конница Мамонтова. 18 августа противник захватывает Тамбов, нарушив тем самым управление нашими войсками. 19 сентября произошло соединение войск Мамонтова и Шкуро юго-западнее Воронежа. Таким образом, наше контрнаступление сорвалось. В конце августа 1919 года в проекте резолюции Политбюро ЦК Ленин предложил ряд мер по укреплению Южного фронта, ликвидации прорыва Мамонтова, по подтягиванию дисциплины.

В письме С. И. Гусеву В. И. Ленин, указав, что РВСР работает плохо, писал: «Успокаивать и успокаивать, это — плохая тактика. Выходит «игра в спокойствие».

А на деле у нас застой — почти развал… Опоздали войска, шедшие с севера на Воронеж. Опоздали с перекидкой 21 дивизии на юг. Опоздали с автопулеметами. Опоздали с связью… Так нельзя. Надо *сонный* темп работы переделать в *живой*… Видимо, наш РВСР «командует», не интересуясь или не умея следить за *исполнением*… В военном деле это прямо гибель»[37].

Отсюда видно, что предполагаемое наступление со стороны Царицына не имело успеха. Оно началось с опозданием. Дала себя знать неповоротливость органов военного ведомства во главе

с Троцким.

В целях укрепления фронта ЦК партии по предложению Ленина переводит на военную работу максимальное число руководящих партийных и советских работников.

В это время В. И. Ленин настойчиво изыскивает резервы и решает перебросить с Восточного фронта всю 5-ю армию. На возражения Сибревкома он отвечает: «…Взять *всю* 5 армию на *юг* **тотчас,** а не после Ишима (ибо река Тобол гораздо больше и шире реки Ишима, а длина фронта при переходе на реку Ишим сокращается ничтожно)… Наступление на Ишим превратить в демонстрацию и отступить (подготовив сие в **кратчайший** срок) на реку Тобол.

Дать задание Главкому обсудить мои предложения…» [38]

Это решение Ленина еще и еще раз показывает, как хорошо он умел разбираться в обстановке, как глубоко понимал военное искусство.

В. И. Ленин выступает с речью на Театральной площади (пл. Свердлова) перед войсками, отправляющимися на фронт.

5 мая 1920 г.

РОССІЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.
ПРЕДСѢДАТЕЛЬ
СОВѢТА
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.
Москва, Кремль.
19 VIII 19 г.
№.

Тов. Аралову (для
сопровождения)

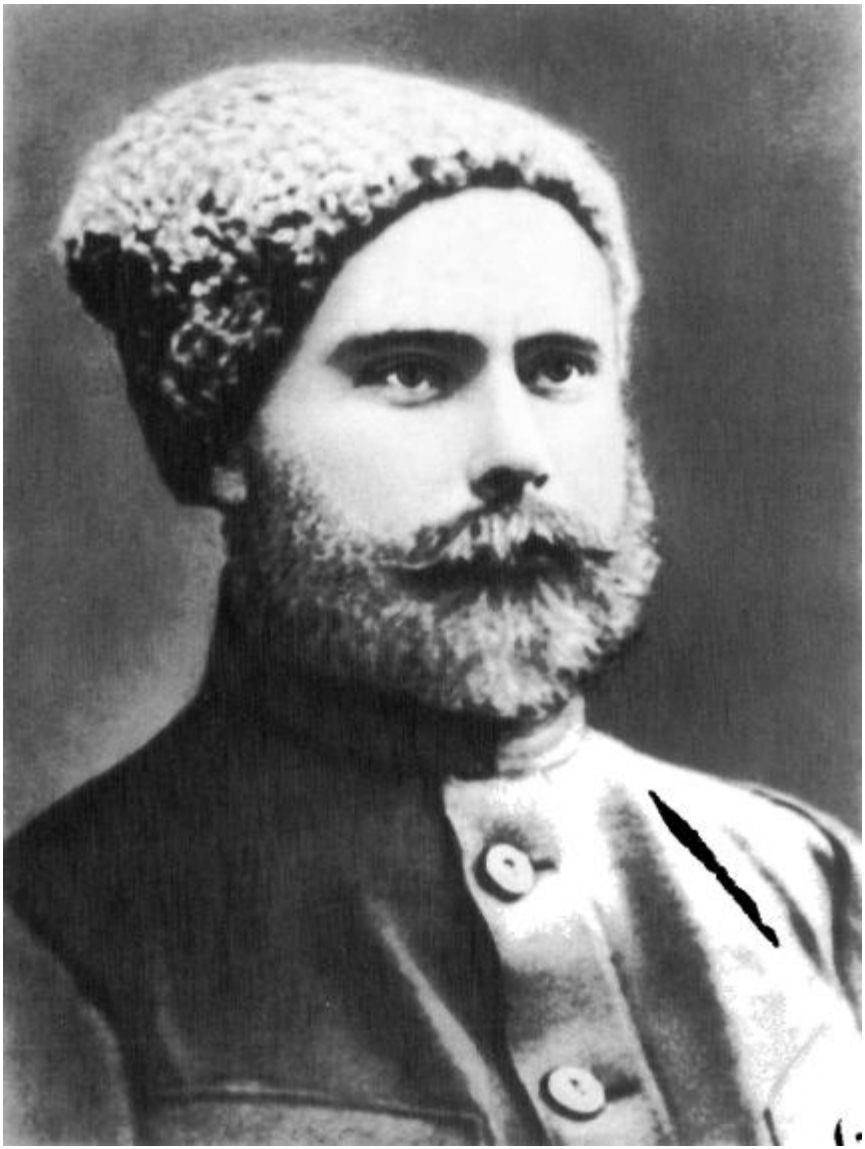
Подарим – тов. Александр
Михайлович Шляпников,
о которомъ я с Вами гово-
рилъ. Все и устройте
для него.
Ленин.

Записка В. И. Ленина С. И. Аралову

В. И. Ленин с группой командиров обходит фронт Всевобуча на

Красной площади.
25 мая 1919 г.

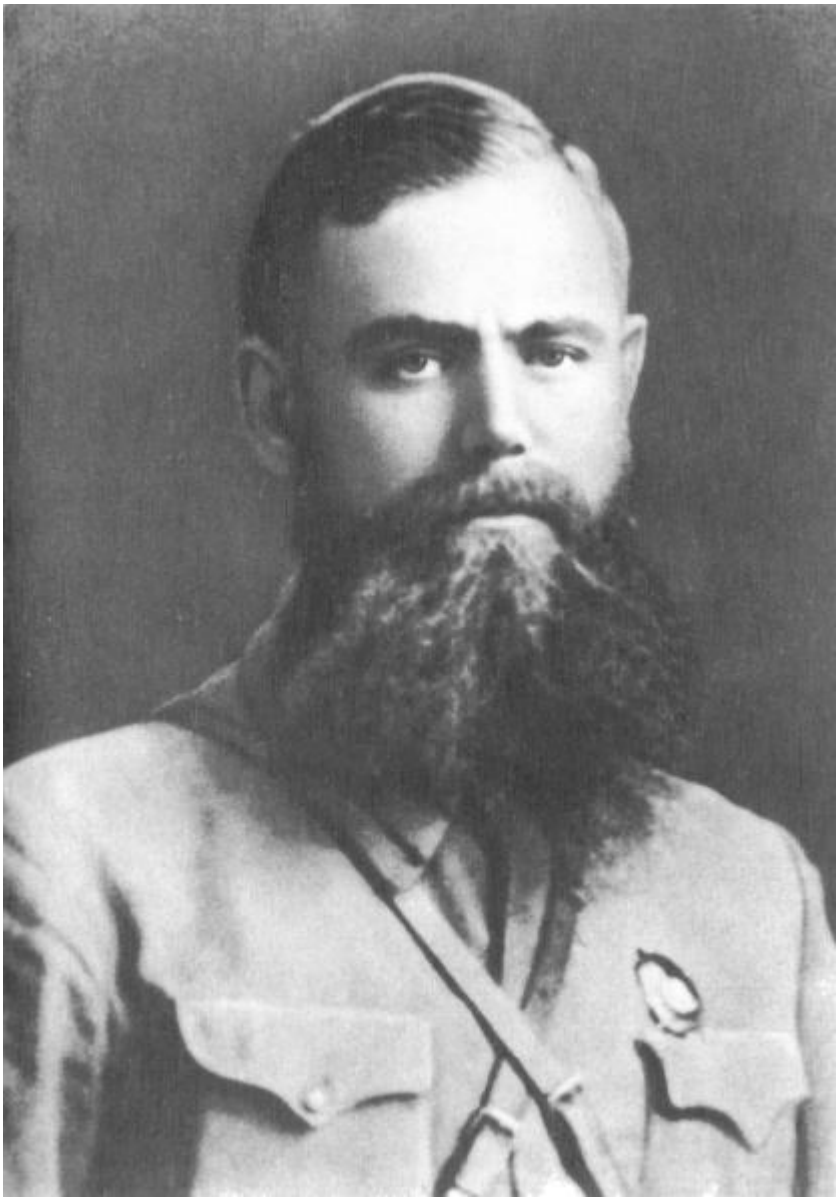
М. С. Кедров. 1918 г.



Н. Г. Крапивянский. 1918 г.

М. В. Фрунзе и И. Э. Якир.
1923 г.

В. К. Блюхер. 1922 г.



И. Н. Дубовой. 1920 г.

А. И. Егоров. 1922 г.

26 сентября на заседании Пленума ЦК обсуждался письменный доклад С. С. Каменева о стратегическом плане. Главком отмечал, что состояние фронта не дает гарантии безопасности Орла и даже Тулы и Москвы, и вновь высказался за сохранение действующего плана, то есть за то, чтобы наступать на Дон и Кубань 9-й и 10-й армиями, одновременно сдерживая врага на Курско-Воронежском направлении.

Принятые сентябрьским Пленумом ЦК меры были рассчитаны на переход от обороны к широким наступательным операциям в направлении Курска и Харькова. Фронт был разделен на два самостоятельных — Южный и Юго-Восточный. Южный фронт— 14-я, 13, 8 и 12-я армии; Юго-Восточный — 9-я, 10, 11-я армии и Волжско-Каспийская флотилия. Командующим войсками Южного фронта был утвержден А. И. Егоров, членом Реввоенсовета фронта назначен И. В. Сталин. На этот фронт были направлены Г. К. Орджоникидзе,

В. П. Потемкин, С. М. Киров, Р. С. Землячка, Н. М. Анцелович и другие, мобилизованы около 30 тысяч коммунистов и многие тысячи комсомольцев.

Ленин лично следил за переброской воинских частей на борьбу против Деникина. Когда Владимир Ильич узнал, что конный корпус С. М. Буденного не перебрасывается на Южный фронт, он 4 октября послал энергичный протест и обвинил в жульничестве командующего войсками Юго-Восточного фронта Шо-рина, который бережет Буденного для себя. Это, указывал Ленин, безобразие, равносильное предательству.

Владимир Ильич дал задание М. В. Фрунзе изо всех сил помогать Южному фронту.

В октябре Деникин захватил Орел. Тула и Москва оказались под непосредственной угрозой. Приближался к Петрограду Юденич… Юго-Восточный фронт не сумел оказать существенной помощи Южному фронту. Старый план похода через Сальские степи не дал положительных результатов.

15 октября 1919 года Политбюро ЦК партии постановило: Тулы, Москвы и подступов к ним не сдавать. Это была решительная директива.

Политбюро постановило также не сдавать и Петрограда. Для его обороны Политбюро потребовало перебросить с Северного фронта максимальное количество людей, оказать помощь Петрограду кавалерией. Однако вразрез с указаниями партии действовали Троцкий и Зиновьев. Они всячески тормозили выполнение

решения Политбюро ЦК РКП (б), способствуя тем самым продвижению армии Юденича.

Узнав об этом, В. И. Ленин в ночь с 16 на 17 октября созвал заседание Совета Обороны и в 7 часов 30 минут утра 17 октября передал по прямому проводу в Петроград следующее распоряжение:

«*Первое*. Постановление Совета Обороны от 16 октября 1919 года дает, как основное предписание, удержать Петроград во что бы то ни стало до прихода подкреплений, которые уже посланы.

Второе. Поэтому защищать Петроград до последней капли крови, не уступая ни одной пяди и ведя борьбу на улицах города» [39].

Что касается Южного фронта, то следует сказать, что Политбюро ЦК решило отменить нанесение удара от Царицына, который уже не отвечал задачам момента, и произвести основной удар по Деникину в направлении Харьков — Донбасс — Ростов-на-Дону.

Еще в бытность мою в Реввоенсовете республики, когда главкомом был И. И. Вацетис, я присутствовал, как комиссар штаба РВСР и как член РВСР, при разговоре В. И. Ленина с Вацетисом. Шла речь главным образом о Южном фронте.

Ленин тогда говорил, что наступление на Южном фронте следует вести через Донбасс (здесь рабочие, они стоят за Советскую власть, имеется развитая сеть железных дорог), а не через Донские степи (здесь Красная Армия встретит враждебное отношение со стороны зажиточного казачества). Помнится, Владимир Ильич при этом отрицал стихийность в военном деле и говорил о закономерностях ведения войны. Необходима, утверждал он, моральная и материальная помощь армии со стороны местного населения.

Вацетис соглашался со всеми доводами Ленина, и он тогда же разрабатывал директиву. Но вопрос этот был отложен. И. И. Вацетиса перевели на другую работу, а главкомом назначили С. С. Каменева. Выяснена была некоторая неустойчивость войск, их недостаточность. Переброска новых частей задерживалась.

Этой исторической справкой я хочу показать, что инициатива наступления через Харьков — Донбасс исходила от Владимира Ильича Ленина, а не от Сталина, которому ранее приписывался план разгрома Деникина.

Следует к тому же напомнить, что 15 октября 1919 года состоялось заседание Политбюро ЦК РКП (б), на котором рассматривались вопросы Южного фронта. На этом заседании В. И. Ленин всесторонне обосновал свои прежние положения о роли благоприятствующей среды для наступления наших войск через Донбасс. В тот же день, как известно, Сталин прислал письмо на имя Ленина, составленное в Серпухове. В нем излагается план разгрома Деникина через Донецкий бассейн. Но было бы неправильно на основании данного письма утверждать, что этот план разработал Сталин. Достаточно указать хотя бы на такой конкретный факт: 4 октября 1919 года В. И. Ленин выступил в «Правде» со статьей «Пример петроградских рабочих». В ней сказано: «Чтобы отразить наступление на Орел, чтобы перейти в наступление на Курск и Харьков, надо, сверх того, чем мы

располагаем, мобилизовать лучших работников из пролетариата»[40]. В этой статье Владимир Ильич указывал также, что наши войска распределены согласно обдуманному и твердо проводимому плану…

Следовательно, уже в начале октября Ленин имел точно разработанный план наступления на Деникина через Харьков — Донбасс.

В своем письме Сталин, между прочим, пишет, что месяца два назад главком (С. С. Каменев) не возражал против наступления через Донбасс… Это, кстати, лишний раз доказывает, что ЦК партии по инициативе Ленина обсуждал вопрос о походе через рабочие районы, но главком Каменев, ссылаясь на «наследство», то есть на большие недостатки и неурядицы на Юго-Восточном фронте, настаивал на прежнем плане.

* * *

Но и после разгрома Деникина и Юденича англо-франко-американские империалисты не потеряли надежду на уничтожение Советской власти, на захват и расчленение России. Они стали спешно готовить новое наступление. На этот раз империалисты использовали как главную силу панскую Польшу и белогвардейского генерала барона Врангеля, собравшего в Крыму остатки своих и деникинских войск.

Империалисты предоставили главе белопанской Польши Пилсудскому и его сподручному барону Врангелю огромное количество вооружения, боеприпасов, самой различной техники, продовольствия и обмундирования.

Только американское правительство передало военному ведомству Польши 20 тысяч пулеметов, свыше 200 бронеавтомобилей и танков, 300 самолетов, 3 миллиона комплектов обмундирования, 4 миллиона пар солдатских ботинок, много медикаментов, полные комплекты полевых телеграфов и телефонов.

Хотя официально состояние войны между Советской Россией и Польшей было объявлено в апреле 1920 года, но нашей 12-й армии, членом Военного совета которой я тогда был, пришлось вести бои с бело-поляками уже с января. Бои местного значения шли главным образом на Северном участке Мозырского направления. Наши ежедневные сводки о боях, направляемые в штаб фронта, пересылались Ленину. Мы сообщали, что польская армия хорошо вооружена, снабжена и является серьезным противником. Бои шли с переменным успехом, одни и те же

пункты переходили из рук в руки по нескольку раз.

Соединения польской армии, противостоящие нашей 12-й армии, численно превосходили ее. Это понятно, так как нам приходилось держать войска на многих фронтах, тогда как панская Польша, поддерживаемая и снабжаемая империалистами многих стран, все свои силы сосредоточила только против войск молодой Советской республики. В январе, феврале, марте и первой половине апреля 1920 года интенсивно шло сосредоточение польских войск.

На некоторых участках поляки неоднократно переходили в наступление и вынуждали наши части напрягать все силы. К ним постепенно присоединялись остатки деникинских частей, как пехотных, так и кавалерийских, превосходно снабженных и вооруженных.

В польских войсках и среди населения усиленно циркулировали слухи о готовящемся большом наступлении, целью которого являлся захват Киева и прилегающих к нему районов. Стратегическая обстановка складывалась не в нашу пользу.

Еще до перехода поляков в наступление В. И. Ленин, предвидя новый поход империалистов, в данном случае панской Польши, 27 февраля 1920 года указал РВС республики на то, что надо все внимание направить на подготовку к усилению Западного фронта, ибо все признаки говорят о том, что Польша предъявит абсолютно невыполнимые, даже наглые условия. Ленин предлагал принять экстренные меры для быстрого подвоза всего, что только можно, из Сибири и с Урала на Западный фронт.

11 марта 1920 года Владимир Ильич телеграфирует Уншлихту, члену РВС Западного фронта: «Поляки, видимо, воевать будут. Мы все возможное делаем для усиления обороны. Надо также усилить чрезвычайно агитацию на польском языке. Поможем вам, если надо, людьми, деньгами, бумагой» [41]. В тот же день в телеграмме на имя Г. К. Орджоникидзе В. И. Ленин указывает, что поляки, видимо, сделают войну с ними неизбежной. Поэтому главной задачей сейчас является не создание трудармии, а подготовка к быстрейшей переброске войск на Западный фронт. На этой задаче, указывал Ленин, надо сосредоточить все усилия.

Чтобы избежать войны, Советское правительство шло на большие уступки. Миролюбивая политика Советского правительства была истолкована Польшей и стоявшими за ее спиной Англией и Францией как военная слабость.

25 апреля 1920 года войска Пилсудского начали наступление

на Украине, захватили Житомир и Бердичев.

Главный удар польская армия направила на 12-ю армию. Обстановка для этой армии сложилась весьма неблагоприятная, так как именно в тот момент во 2-й Галицийской бригаде, входившей в 14-ю армию, вспыхнул мятеж против Советской власти, подготовленный петлюровцами и польскими панами. Основные силы 12-й армии пришлось бросить против мятежников. Ослаблением наших сил на Житомирском направлении воспользовалось польское командование, организовав наступление по всему фронту.

12-я армия насчитывала около 8 тысяч штыков, 724 пулемета и 120 орудий. 12 тысяч бойцов и командиров лежали больные тифом.

Противник перед фронтом нашей армии сосредоточил 40—45-тысячную армию.

Благодаря численному перевесу противнику удалось оттеснить советские войска на восток. В начале мая он взял Киев.

Находясь в 12-й армии, я и здесь, далеко от Москвы, точно так же как и в период работы в опероде и в Реввоенсовете республики, повседневно ощущал решающее воздействие Ленина на организацию обороны страны. Советы и указания Ленина, его директивы военно-оперативного характера поступали почти ежедневно и имели важнейшее значение для наших войск.

Озабоченный укреплением Западного фронта, В. И. Ленин в то же время внимательно следил за Южным и Кавказским фронтами. Из телеграммы Владимира Ильича на имя Г. К. Орджоникидзе (17 февраля 1920 года) видно, что он был также крайне обеспокоен состоянием войск на Кавказском фронте. Разложение в частях, слабость командования, распри между командующими армиями — все это очень тревожило Ленина. Он требовал провести ряд экстренных мер с революционной энергией.

Ленин требует от РВС Южного фронта подробных сообщений о развитии операции по прорыву Конной армией Буденного польского фронта в районе Каза-тина, которая началась 5 июня 1920 года и привела к освобождению Житомира и Киева.

По указанию Ленина на Западный фронт стали перебрасываться дивизии из других районов. Так, 6 мая в Нежин, в 12-ю армию, прибыла Башкирская кавалерийская бригада, в июне — части 25-й Чапаевской дивизии во главе с И. С. Кутяковым и 24-й стрелковая дивизия.

Потребность в войсках была острая, удовлетворить нужды Западного фронта за счет наличных войсковых частей не представлялось возможным. Вот почему Ленин требовал от

Реввоенсовета Западного фронта налечь изо всех сил на мобилизацию белорусских крестьян и рабочих. Он указывал при этом на необходимость с немедленной революционной быстротой дать действующей армии пополнение в тройном, четверном количестве.

В результате всех мер, принятых партией, правительством, лично В. И. Лениным, Красная Армия не только приостановила белопольское наступление, но в конце мая и сама перешла в решительное наступление на противника. В своем наступательном порыве Красная Армия дошла до Варшавы.

Причины последовавших затем неудач Красной Армии достаточно известны, и я их не буду здесь касаться. Мне бы хотелось только сказать о характере отступления войск 12-й армии.

В это время С. В. Косиору, мне и другим членам РВС армии пришлось быть в 24-й, 44, 25-й и других дивизиях, и мы все подтверждали тогда, что никакой паники и бегства не было; отход происходил в полном порядке, хотя противник нажимал энергично и наши части были сильно потрепаны непрерывными боями. Надо сказать, что, несмотря на многочисленные предупреждения со стороны В. И. Ленина об опасности на Западном фронте, РВСР и Военный совет 12-й армии недооценивали некоторое время военную мощь белополяков. Мы потом еще и еще раз убедились, насколько прав был Ленин, когда он неоднократно предупреждал нас, что самое опасное — это недооценить противника и успокоиться на том, что мы сильнее. Раз дело дошло до войны, говорил Владимир Ильич, то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшего колебания на этот счет недопустимо. Даже тогда, когда на Польском фронте наметился перелом в нашу пользу, Ленин требовал напряжения всех сил, неустанно напоминал о лозунге «Все для фронта, все для войны!».

В ряде своих выступлений В. И. Ленин глубоко проанализировал развитие войны с белополяками, причины наших поражений и побед. Он отметил, что наши ошибки состояли в том, что мы не сумели своевременно связаться с польским промышленным пролетариатом, а когда наметился перелом и началось наше наступление, мы оторвались от своих баз и резервов, переоценили свой перевес над противником, не посчитались при этом с фактором усталости войск в результате непрерывных боев с врагами в течение ряда лет.

Однако, хотя 12-я армия и вынуждена была отступить, общий итог войны был в пользу Советской страны. Поход белополяков и

стоявших за их спиной англо-французских и американских империалистов был сорван, советская территория освобождена от оккупантов.

В результате этой победы был заключен мир на более выгодных для нас условиях, чем те, которые Советское правительство предлагало польскому буржуазному правительству до войны. Мы не хотели войны, не хотели решать спорные вопросы военным путем. До воины поляки стояли от 50 до 150 верст восточнее линии, которую они потом получили. А если учесть, что за спиной панской Польши стояли крупнейшие империалистические страны, то станет ясно, что Советская Россия и на этот раз одержала крупнейшую победу.

* * *

После разгрома войск белопанской Польши оставался еще один весьма коварный слуга Антанты Врангель.

Сосредоточенная в Крыму, выросшая за счет остатков деникинских войск, насыщенная многочисленной техникой, врангелевская армия к маю 1920 года представляла большую и довольно опасную силу. Врангель активно начал действовать, когда наша Красная Армия была занята войной с Польшей. Опасность усугублялась тем, что он развернул наступление в тылу Красной Армии.

Понимая это, В. И. Ленин еще 15 марта 1920 года писал заместителю председателя РВСР Склянскому о явно допущенной ошибке с Крымом и требовал приложить все усилия к исправлению ее.

Ни на йоту не преувеличивая, можно утверждать, что врангелевщина расцвела на верхоглядстве Троцкого, не сумевшего разглядеть опасность, которая таилась в остатках деникинщины.

Не ослабляя руководства Польским фронтом, В. И. Ленин принимает деятельное участие в организации войны против Врангеля, в лице которого он сумел разглядеть крупного и опасного врага. Мы имеем против себя блок Польши, Франции и Врангеля, на которого Франция делает ставку, говорил Владимир Ильич.

В июле 1920 года в письме по поводу Врангелевского фронта РВС Южного фронта докладывал Ленину, что главком обещал перебросить на борьбу с Врангелем свыше 15 крупных соединений, в том числе и знаменитую 51-ю Блюхеровскую дивизию из Сибири. Это свидетельствовало о серьезной

опасности для Советской России со стороны Врангеля. Одновременно с переброской войск были проведены и организационные мероприятия. 2 августа 1920 года на заседании Политбюро ЦК Ленин определил разделение фронтов. В этот же день он телеграфировал РВС фронта, что опасность со стороны Врангеля становится громадной.

В этой связи ЦК РКП (б) послал ряд директив ЦК КП Украины, Кавказскому бюро ЦК РКП (б), Сибирскому бюро ЦК партии. В них говорилось о необходимости сосредоточить исключительное внимание на Врангелевском фронте, послать на фронт лучших работников, организовать добровольческие отряды и принять другие срочные и действенные меры.

В конце лета 1920 года Врангель организовал на Кубани кулацкие мятежи и высадил десанты. Политбюро возложило на Г. К. Орджоникидзе руководство борьбой с врангелевскими десантами и мятежами.

Верный своим принципам всегда обращаться к трудящимся, В. И. Ленин в разгар борьбы с Врангелем 2 октября обратился к незаможным селянам Украины с призывом встать грудью на защиту своей земли от Врангеля. Украинские трудящиеся немедленно откликнулись на ленинский призыв и встали на защиту своей Советской Родины.

Из Сибири на Юг были переброшены лучшие дивизии, в том числе 51-я во главе с В. К. Блюхером, показавшим себя замечательным военным организатором, храбрым, талантливым командиром. Создали две новые армии — 6-ю и 4-ю. К Крыму подходила 1-я конная армия под командованием С. М. Буденного; формировалась 2-я конармия. Все это быстро осуществлялось по настойчивому требованию В. И. Ленина. ЦК назначил командующим войсками Южного фронта выдающегося полководца М. В. Фрунзе, который создал так называемый Каховский плацдарм. Этот плацдарм явился прочной опорой Красной Армии, позволивший приостановить наступление Врангеля.

М. В. Фрунзе!.. Любовь к Советской Родине и трудящимся, уверенность в победе коммунизма, личная скромность и общение с красноармейцами и командирами— вот что лежало в основе того огромного воздействия, которое он оказывал на окружающих. Фрунзе пристально, вдумчиво изучал практику военных действий гражданской войны и в этом отношении был настоящим учеником Ленина. Заслуги Фрунзе в наших победах на Восточном и Южном фронтах огромны. Еще в подполье, в тюрьмах он неуклонно следовал указаниям Ленина, внимательно изучал военные труды, знакомился с походами Суворова,

Кутузова, Наполеона, древних полководцев, изучал революционные войны. Пишу это на основании многочисленных личных бесед с М. В. Фрунзе.

Ближайшим соратником М. В. Фрунзе в организации разгрома Врангеля был В. К. Блюхер.

В. К. Блюхер командовал 51-й дивизией, на которую была возложена труднейшая боевая задача. Это была дивизия особая во всех отношениях. В ней было около 4 тысяч членов и кандидатов партии.

Предстояла необыкновенно трудная операция — взятие Перекопа, подступы к которому прикрывал неприступный Турецкий вал, созданный еще крымскими ханами. Перед валом был широкий канал — ров. Фланги канала упирались с одной стороны в Черное море, с другой — в Сивашский залив. Французские инженеры укрепили Турецкий вал различными сложными фортификационными сооружениями и крепостной артиллерией. С моря Врангеля поддерживал военный флот белых.

Зная о трудностях взятия Перекопа, В. И. Ленин предложил М. В. Фрунзе готовиться обстоятельнее и дал ему при этом чрезвычайно важное указание: *проверить, изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма.* Предложение Ленина об изучении проходов через Сиваш Фрунзе передал Блюхеру вместе с поручением разработать план штурма Турецкого вала и овладения Перекопом.

На основании ленинской мысли Блюхер разрабатывает различные варианты, посылает разведчиков, изучает сам на месте всю обстановку. Наличие бродов на Сиваше подтвердилось. Они были использованы для обхода врангелевских позиций.

В. К. Блюхер — большой, талантливый военный самородок. Родом он из-под Рыбинска, происходил из бедной крестьянской семьи. Его прапрадеда — крепостного крестьянина — помещик в насмешку прозвал Блюхером (именем известного немецкого полководца, разбившего Наполеона под Ватерлоо). Эта кличка — Блюхер — так и осталась за семьей, а потом стала фамилией. В. К. Блюхер окончил приходскую 3-классную школу и в поисках заработка ушел в Питер. Побывал также во многих городах России. В 1914 году его мобилизовали и отправили на фронт. Там он отличился, получил два георгиевских креста и звание унтер-офицера. Был тяжело ранен. В 1916 году в Самаре он вступил в большевистскую партию, а после революции по рекомендации В. В. Куйбышева перешел на военную работу. Свою военную деятельность Блюхер начал с командира отряда в Челябинске.

Замечательные походы и героические бои на Южном Урале выдвигают Блюхера в крупного военачальника. Он проводит в

жизнь ленинские военные принципы построения и руководства Красной Армией: следит за классовым составом отрядов, ведет борьбу с партизанщиной в армии, привлекает военных специалистов к штабной работе, умело с ними обходится, учится у них сам и заставляет учиться рабочих-горняков.

В. К. Блюхер умел подбирать людей, выдвигать талантливых рабочих на должности командиров полков, таких, как Королев, Узников, Кушников, и других. Кушников едва мог расписаться. Блюхер назначил к нему Поляка, военного специалиста с первого курса академии, и сказал (мне рассказывал об этом Поляк): «Ты академик, составляй ему бумажки. Он писать не умеет, зато командовать, разбираться в боевой обстановке большой мастер». И действительно, Кушников потом вырос в большого командира, он командовал дивизией.

…Перекопская операция, которая проходила под руководством М. В. Фрунзе, является замечательным примером высокого военного искусства Красной Армии. Она вошла в историю как классическая военная операция.

В течение всего времени подготовки и проведения этой операции В. И. Ленин пристально следил за ходом дел, давал указания, проверял их выполнение.

В тот период Владимир Ильич считал Врангелевский фронт первостепенным. Тульским товарищам он писал о том, что пока не добили Врангеля, пока не взяли всего Крыма, до тех пор военные задачи стоят на первом плане, и это абсолютно бесспорно.

В. И. Ленин непрерывно следил за ходом и развитием Крымской операции, за состоянием боевых частей и быстро вносил коррективы, если замечал ошибки, недостаточную энергию командующих. Так, например, 16 октября 1920 года Владимир Ильич телеграфировал М. В. Фрунзе: «Помните, что надо во что бы то ни стало на плечах противника войти в Крым» [42].

Наше командование блестяще провело в жизнь ленинские директивы и выполнило поставленную задачу разгрома Врангеля. О том, как развернулась решающая битва за Крым, В. К. Блюхер рассказал в «Правде» от 14 ноября 1935 года. Вот что он писал:

«…В тумане, заволакивающем подход к Турецкому валу, все клокотало и ревело. Прорываются сквозь туман огневые языки, сигнализирующие о залпах белых орудий. Они как бы иллюминировали тяжелую дорогу урало-сибирских храбрецов 51-й дивизии.

В ночь на 1 ноября огневая бригада при поддержке 152-й бригады атакует восточную часть вала, но под сильным огнем

противника залегает перед проволочным заграждением, неся большие потери. Было ясно, что усилиями только перекопской группы, без согласованного наступления других частей 6-й армии через Сиваш взять Перекоп не удастся.

Поэтому в ночь на 2 ноября части группы были отведены на 7–8 километров к северо-западу от вала, и лишь охранение, менявшееся каждую ночь, наблюдало за противником, мешая ему восстанавливать разрушенные заграждения. Группа вместе с другими частями 6-й армии вела деятельную подготовку к решительному штурму крымских перешейков.

Холода все усиливались. Ударили морозы. Раздетые, разутые части кутались во что попало. Сведения о наличии бродов на Сиваше подтверждались. Дул западный ветер. Поехали, проверили, действительно — Сиваш пройти кое-где можно. За добрые две сотни верст находились базы нашего небогатого снабжения. Мобилизовали все подводы, которые медленно подвозили снаряды, патроны, инструмент, продовольствие.

Накануне празднования третьей годовщины Великой пролетарской революции мы были готовы к штурму. К полю сражения подтянулись 15-я и 52-я дивизии. Вместе с 153-й бригадой и отдельной кавалерийской бригадой перекопской группы они намечались для нанесения удара через Сиваш на Литовский полуостров во фланг и тыл перекопской позиции. 152-я бригада и огневая ударная готовились для лобовой атаки Турецкого вала.

М. В. Фрунзе приехал в штаб 51-й дивизии, расположенный в Чаплинке, для личного руководства операциями. На защиту Перекопа Врангель сосредоточивал свои лучшие части. Ночью с 7 на 8 ноября развернулось и продолжалось знаменитое перекопское сражение, не давшее, однако, к вечеру нам победы.

Около 200 орудий белых, до 400 пулеметов поражали наши части, обладавшие только 90 орудиями. Ночью, около 24- часов, меня вызвал к аппарату М. В. Фрунзе: «Сиваш заливает водою. Наши части на Литовском полуострове могут быть отрезаны. Захватите вал во что бы то ни стало».

Вновь бросаем изнуренные части на штурм, и около 3 часов 9 ноября неприступный Перекоп пал. На рассвете 9 ноября штаб переходит в Армянский базар. Бой постепенно уходит к югу и разгорается на Юшуньских позициях. Измученные штурмом, понесшие потери, части 51-й дивизии, без пищи и воды, с ограниченным запасом снарядов, шли для прорыва третьей и четвертой линий Юшуньских позиций, оплетенных густыми сетями из колючей проволоки.

На море крейсировал флот белых, огнем тяжелых орудий он

засыпал все пространство включительно до Армянска. Остановившись на хуторе Булганово, мы наблюдали грандиозную панораму боя. Грохот артиллерийской канонады, свист и шипенье снарядов в воздухе были так велики, словно мы натолкнулись на стену из жерл орудий и дул пулеметов.

У нас было значительно меньше орудий, чем у врангелевцев, но артиллеристы не смущались подавляющим превосходством белой артиллерии. Они храбро тащили орудия в передовых частях и прямой наводкой разбивали бетонированные пулеметные гнезда. Бойцы, командиры и комиссары как бы не испытывали усталости.

Наше наступление развивается. После успешных сражений с конницей генерала Варбовича последняя атака белых была отбита. Захватываем станцию Юшунь. И ноября мы радировали: «Доблестные части 51-й дивизии в 9 часов прорвали последние Юшуньские позиции белых и твердой ногой вступили в чистое поле Крыма. Противник в панике бежит».

В Крым двинулись 1- и 2-я конные армии. 15 ноября 51-я дивизия заняла Севастополь».

Так были разгромлены войска Врангеля.

Факты, события, огромное количество документов свидетельствуют о том, что только благодаря политическому и военному гению Ленина, его неусыпной бдительности и повседневному вмешательству в дела высших советских военных органов молодая Советская республика разгромила внутреннюю контрреволюцию й интервенцию 14 империалистических государств.

Глава шестая
Помощь братской Украине

Когда над Украиной нависла опасность иноземной оккупации, а братский украинский народ испытывал гнет, кабалу и надругательства внутренней националистической контрреволюции, на помощь трудящимся Украины пришел русский народ и Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным.

Уже с конца 1917 года на Украину стали прибывать отряды Красной гвардии из Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска и из других городов Советской России. По указанию Ленина в январе 1918 года на Украину были отправлены двухтысячный отряд красных матросов, рабочие батальоны. Красногвардейцы Выборгского района Петрограда успешно действовали против войск Центральной рады. Многие отряды из Питера и Москвы влились в войска Сиверса, Киквидзе, которые мужественно сражались с врагами Советской Украины. Осенью ожесточенные бои шли тогда в районах Донбасса. Петроградские и московские отряды Красной гвардии освободили от калединцев Никитовку, Макеевку, Луганск и другие города и населенные пункты.

Красногвардейские отряды помогали украинским трудящимся бить войска контрреволюционной, националистической Центральной рады. В январе 1918 года петроградские отряды помогли освободить Полтаву, Ромоданы. Под Крутами отряд рабочих петроградского завода «Новый Арсенал» вместе с отрядом московских рабочих наголову разгромил гайдамаков. Помогал им путиловский бронепоезд. Красногвардейцы из Петрограда и Москвы помогли также киевским рабочим и украинским боевым отрядам Г. И. Чудновского и Ю. М. Коцюбинского выбить войска Центральной рады из Киева. В то время отряды В. И. Киквидзе действовали против гайдамацких банд в Ровно и Бердичеве, Н. А. Руднева — в Харькове.

Считаю нужным хотя бы несколькими строками отметить украинского героя-храбреца и военного умельца Дмитрия Петровича Жлобу. Внешне он выглядел обаятельным русским богатырем. Высокий, стройный, очень красивый человек, с умным, выразительным взглядом больших черных глаз. «Бесшабашный смельчак»— так называл Жлобу командующий В. А. Антонов-Овсеенко.

До 1916 года Д. П. Жлоба работал на заводах, шахтах Донбасса и в других местах простым рабочим. За участие в Горловском восстании в 1916 году был посажен в тюрьму. Из тюрьмы его направили прямо на фронт.

Как грамотного смышленого солдата, командование определило Жлобу в школу телеграфистов, а затем в школу авиамотористов. После окончания второй школы ему присвоили звание унтер-офицера. Еще до Февральской революции он вел агитационную работу среди солдат. Принимал в ней активное участие. От солдатских масс его избрали в депутаты Московского Совета. В это время он вступил в партию большевиков.

В октябрьские дни в Москве Жлоба участвовал в подавлении юнкеров, в штурме Кремля. В ноябре 1917 года он уже воевал на Украине, организовал там из шахтеров и железнодорожников красногвардейский отряд для борьбы с генералом Калединым и гайдамаками. В нескольких боях его отряд нанес весьма ощутимые потери и калединцам, и гайдамакам. В феврале 1918 года Жлоба во главе своего отряда ворвался в Киев и освободил 480 рабочих-арсенальцев, приговоренных гайдамаками к расстрелу. Наутро они должны были быть казнены, а ночью герои-жлобин-цы их освободили. Все спасенные сразу же вступили в отряд Жлобы.

Впоследствии Д. П. Жлоба командовал Стальной дивизией на Северокавказском фронте и под Царицыном, его дивизия много раз уничтожала превосходящие силы белых. Он совершил в 1921 году необычайный по трудности переход через Годерский перевал из Тифлиса в Батум, чтобы освободить его от турок и меньшевиков.

Накануне, 11 марта 1921 года, Г. К. Орджоникидзе телеграммой на имя командира 18-й Кавказской дивизии Д. П. Жлобы дал задание: форсированным маршем двигаться на Батум и занять его. «Какие бы то пи были препятствия, — говорилось в телеграмме, — надо преодолеть и в три дня быть в Батуме. Батум большой город и там нужен Ваш такт и уменье… Жду телеграммы из Батума. Привет славной 18 дивизии» [43].

Это ответственнейшее задание Жлоба выполнил блестяще. Он один из тех красных командиров-героев, о которых В. И. Ленин говорил, что из народа выйдут замечательные талантливые полководцы, которые превзойдут своим военным мастерством, своим военным искусством старых царских генералов.

Еще теснее стало боевое содружество русских и украинских трудящихся, когда в середине февраля 1918 года на Украину вторглись немецкие оккупанты. Отважно сражался в районе Гомель — Добруш московский отряд Красной гвардии,

входивший в 5-ю армию. Он мужественно вступил в бой и, перейдя в контратаку, нанес немцам в рукопашном бою большие потери. Командующий Западным фронтом Р. И. Берзин отметил высокую доблесть и революционное геройство этого московского отряда Красной гвардии, которым, как сообщал он нам в оперсводке, могут гордиться московские рабочие.

Украинские рабочие, крестьяне, матросы и солдаты обычно вливались в отряды красногвардейцев и вместе с русскими рабочими и крестьянами били и немецких оккупантов, и белогвардейцев. В период наступления кайзеровских полчищ на Украине сформировалось пять армий. Состояли они из рабочих и беднейших крестьян — украинцев и русских, а также из бывших солдат царской армии. Общее командование этими армиями в марте 1918 года было возложено Украинским Советским правительством на В. А. Антонова-Овсеенко. Отдельными армиями командовали

А. И. Егоров, В. И. Киквидзе, Р. Ф. Сивере и другие. В период наступления германских войск на Донбасс особенно отличились 2-я и 5-я украинские армии.

Войска 2-й армии вплоть до мая 1918 года вели неравные бои в районе Синельниково — Чаплино — Авдеевка — Никитовка — Дебальцево. В ходе боев они не раз отходили, но отходили в полном порядке, чтобы вновь наступать на врага. Так, 22 апреля 1918 года 2-я армия заняла с боем Авдеевку и стала наступать па Есиноватую. 25 апреля она отбросила немцев от Никитовки. Этим своим наступлением героические войска 2-й армии помогли удержаться под натиском врага Луганской боевой группе 5-й армии, находившейся в очень тяжелом положении. В дальнейшем, не получив своевременно пополнения, части и соединения армии отошли под натиском намного превосходящих немецких сил в район Дебальцево; там перегруппировались и вновь пошли в наступление.

В состав 2-й украинской армии входили большевистские 74-й Ставропольский полк, части 12-го армейского корпуса и Тираспольский отряд, в рядах которого находились И. Э. Якир, Г. И. Котовский и П. Е. Княгницкий, ставшие потом полководцами гражданской войны.

В период немецкого нашествия на Украину В. И. Ленин очень внимательно следил как за боевыми действиями на фронте, так и за действиями партизан в тылу германской армии. Он постоянно интересовался подробностями подготовки военных кадров для повстанческих отрядов, снабжением их оружием, обмундированием, продовольствием. Нам, работникам оперативного отдела Наркомвоена, это внимание Ленина было

хорошо видно, поскольку Центральный штаб партизанских отрядов и организованные при нем особый разведывательный отдел и школа подрывников находились в нашем ведении.

Несмотря на героическое сопротивление красногвардейских отрядов и украинских армий, немцы продолжали крупными силами теснить наши войска и к началу мая захватили всю Украину.

ЦИК Советов Украины перед своим роспуском, 19 апреля 1918 года, обратился к рабочим и крестьянам Украины. В конце обращения говорилось о том, что борьба вновь разгорится в самой Украине восстанием рабочих и крестьян. Все угнетенные и порабощенные должны сплотиться вокруг своего правительства и соединенными усилиями сбросить иго рабства, иго Рады и германских палачей.

Украинский народ под руководством Коммунистической партии Украины развернул партизанскую войну против немецких захватчиков. Режим насилия, грабежа, кровавого террора, установленный захватчиками, усиливал ненависть к ним со стороны трудящихся Украины. Повсеместно создавались партизанские отряды.

В 1917–1918 годах по распоряжению В. И. Ленина были направлены в помощь Украине отряды рабочих Питера, Москвы и матросские отряды Балтфлота для борьбы с Центральной радой и немецкими захватчиками. Отряды действовали под командованием Р. Берзина. Умелым и смелым командиром зарекомендовал себя А. Ремнев, бывший прапорщик. Он принимал участие в боях за Киев и Шостку, был назначен впоследствии командующим 2-й армией, а затем Особой армией. В дальнейшем Ремнев организовал партизанские отряды для борьбы с германскими войсками. В одном из боев он погиб.

Коммунисты Украины, как всегда, были вместе с народом, в гуще масс. Это они возглавили борьбу с германскими интервентами, гайдамаками.

Исключительную роль в сплочении коммунистов Украины сыграл I съезд КП(б)У, собравшийся 5 июля 1918 года в Москве.

Накануне съезда В. И. Ленин встретился с делегатами и обсудил с ними все важнейшие вопросы политического и экономического положения на Украине и, конечно, вопросы, которые необходимо было решить на съезде. Особое место в работе съезда занимали вопросы развития партизанско-повстанческого движения, его организационных форм и материального обеспечения.

Съезд оформил объединение большевистских организаций Украины и в качестве главной задачи коммунистов выдвинул

подготовку вооруженного восстания против немецких оккупантов. Вопросы партизанско-повстанческого движения и вооруженного восстания, обсуждавшиеся на съезде, не прошли мимо нас. Оперативный отдел был в курсе их решений.

Для руководства освободительной борьбой съезд создал Центральный всеукраинский военно-революционный комитет во главе с А. С. Бубновым и дал директиву подпольным организациям усилить руководство повстанческой борьбой, создать на местах военно-повстанческие штабы и революционные комитеты.

Работа Коммунистической партии Украины уже в первые месяцы после съезда принесла ощутимые положительные результаты.

Как заведующему оперативным отделом, мне приходилось систематически докладывать В. И. Ленину о всех известиях, поступавших к нам с Украины, рассказывать о людях, прибывавших в оперод от украинских партизан.

За организацией партизанских отрядов и соединений Ленин наблюдал лично. Он всякий раз, беседуя с нами по этим вопросам, давал очень важные, конкретные и действенные советы. Он рекомендовал, например, чтобы в каждый партизанский отряд была обязательно заброшена группа квалифицированных подрывников. Мы стали форсировать выполнение этих указаний Владимира Ильича. Результаты оказались весьма отрадными.

Наибольшего размаха партизанская война достигла на Черниговщине. В Центральном военно-повстанческом штабе района Черниговщины и части района Полтавщины вместе с Н. Г. Крапивянским работали товарищи из Чернигова, Киева, Москвы. Повстанцы производили боевые операции: налеты на полицию, немецкие гарнизоны, отбивали эшелоны с хлебом и другим продовольствием, захватывали оружие, взрывали мосты и склады. Одновременно с организацией партизанских отрядов шла работа по формированию повстанческих полков. Каждая волость должна была дать роту, состоящую из рабочих, крестьян-бедняков и наиболее передовых середняков.

В Нежине и других городах проходила вербовка боевиков из рабочих. Через Конотопский ревком доставлялась агитационная литература на немецком, украинском и русском языках.

Таким образом, партизанская война уже к концу июля 1918 года приобрела огромный размах и характер подлинно народной войны. Подразделения партизан своими частыми нападениями терроризировали немцев и гайдамаков.

В августе 1918 года пламя народной войны разгорелось особенно сильно. Забастовали железнодорожники. Вспыхнуло

восстание на Черниговщине. Это было время уборки урожая, и немцы усердно готовились к захвату хлеба, но партизаны не дремали. Около 5 тысяч повстанцев, организованные в отряды и батальоны из всех волостей Нежинского уезда, захватили станцию Нежин и ворвались в город. Прервалось железнодорожное движение. Нежинский гетманский прокурор доносил, что анархия в Нежинском уезде расширяется с каждым днем, население властям не повинуется, телеграфной связи нет, в некоторых селах и местечках организованы сельские Советы. В гетманских войсках царила паника. Вся Украина покрылась сетью партизанских отрядов. Особенно широкий размах приняла борьба против оккупантов и гетманов-щиины в Черниговской губернии, а также в Звенигородском и Таращанском уездах Киевской губернии. Звенигородское восстание крестьян в июне 1918 года закончилось разгромом карательных германских и гетманских отрядов. Таращанцы освободили свой город.

Против черниговских, киевских и полтавских партизан были двинуты крупные германские силы, доходившие до полного корпуса военного времени.

Черниговщина, кроме тех городов, в которых были сосредоточены большие немецкие гарнизоны и куда сбегались перепуганные помещики, была фактически в руках повстанцев. Германские карательные экспедиции не могли справиться с партизанами.

Озверевшие оккупанты устраивали массовые облавы, предавали военно-полевому суду и расстреливали захваченных партизан, рабочих — участников железнодорожной забастовки, всех, кто оказывал сопротивление захватчикам и их холуям. Штаб партизанского движения в своих приказах, изданных в июле в Черниговских лесах, настаивал на одновременном и организованном выступлении. В этих приказах подчеркивалось, что только при таком условии можно гарантировать успех. Штаб предлагал всем военно-революционным организациям строго держаться единства действий и оказывать товарищескую помощь как своим подчиненным, так и соседним организациям.

Во исполнение этих указаний червонные казаки под командованием В. М. Примакова, обойдя немецкие пограничные заставы, двинулись на помощь восставшим в августе крестьянам Черниговщины и отрядам Крапивянского. Но их помощь, к сожалению, опоздала. Германское командование перебросило к Нежину «черных гусар» и пехотную дивизию. Центр восстания — Нежинский уезд был окружен плотным кольцом. Чернигов, станция Дочь, Конотоп были забиты эшелонами немецких солдат.

Храбро сражавшиеся отряды при наступлении немцев на

город Нежин, израсходовав боеприпасы, вы_ нуждены были с боями отступить в трудно доступные для немцев лесные массивы. Крупные части оккупантов пытались окружить повстанцев в лесах. Через болота и лесные чащи повстанцы в соответствии с приказом Центрального штаба отходили к нейтральной зоне. Три раза замыкалось кольцо немецкого окружения, но все три раза повстанцы с боями выходили из него, сохраняя боеспособность.

После отхода партизан на нейтральную зону[44] германские оккупанты, украинские помещики и кулаки с еще большим остервенением стали проводить кровавый террор. Только в Нежинском уезде число казненных достигло 3 тысяч человек.

Самоотверженная борьба украинских рабочих и крестьян против немецких оккупантов, активная агитация и пропаганда не могли не отразиться на моральном состоянии немецких солдат, которые начали задумываться над тем, что делается на Украине. Наши листовки внушали германским и австрийским солдатам, что они защищают немецких империалистов, идут против социалистической революции, против трудящихся Германии и трудящихся всего мира. Устная пропаганда в деревнях среди украинских и русских коммунистов да и среди простых украинских крестьян сыграла большую положительную роль.

Но особенно ощутимое воздействие на вражеских солдат оказывала упорная партизанская борьба, которая постоянно усиливалась. Например, в северо-восточной части Черниговской губернии партизанское движение началось сразу же после немецкой оккупации Украины. Оно сыграло большую роль в освобождении Украины от врагов. В апреле или мае 1918 года в деревне Середина-Буда (Зерново) образовался из большевиков Черниговщины Военно-революционный комитет. Первым председателем его был В. Н. Боженко, присланный сюда Советским правительством Украины. Тов. Боженко создал до 50 краснопартизанских отрядов, которые совершали смелые нападения на немецко-гайдамацкие гарнизоны, расположенные в городах Новгород-Северск, Шостка, на хуторе Михайловском и в других пунктах, терроризировали гетманские власти, подрывали мосты, железнодорожные пути. Из этих отрядов и была затем сформирована 1-я и частично 2-я украинские советские дивизии.

Нарастало революционное настроение и в самой Германии. Шли два встречных революционных потока: из Германии к немецким солдатам на русский фронт и из революционной России через солдат в Германию. Ведь не случайно, что в конце сентября и в октябре 1918 года дело дошло до того, что полки оккупантов стали самовольно оставлять свои позиции и даже… продавать нам оружие.

По предложению В. И. Ленина в середине сентября 1918 года ЦК КП(б) Украины дал указание сформировать из партизанских отрядов, находившихся в нейтральной зоне, две повстанческие дивизии. В формировании этих дивизий приняли активное участие М. П. Кирпонос, Н. Г. Крапивянский, В. Н. Боженко, В. М. Примаков, Т. В. Черняк и другие. В состав 1-й повстанческой дивизии вошли полки Богунский, Новгород-Северский, Таращанский, Червонного казачества и несколько позднее Нежинский, а в состав 2-й дивизии — полки Суджинский, Глуховский, Коро-чанский и Обоянский.

Полком Червонного казачества командовал В. М. Примаков, Богунским полком — Н. А. Щорс, Таращанским — В. Н. Боженко, Новгород-Северским — Т. В. Черняк.

Формирование украинских дивизий проходило весьма успешно, несмотря на трудности, связанные с их полулегальным положением в условиях Брестского договора.

Снабжение и организация этих крупных соединений были исключительно трудным делом. В реестре частей Красной Армии они не значились, и всякая попытка передать им какое-либо вооружение сразу же вызывала ноты протеста со стороны германских представителей, имевших указание особо следить за бывшими повстанческими отрядами и их переформированием в нейтральной зоне.

В условиях острой борьбы, которая развернулась вокруг этих переформирований, мне вспоминаются события, связанные со II съездом КП(б)У, также проходившем в Москве в октябре 1918 года.

Несмотря на исключительную дисциплинированность повстанческих частей, состоявших в основном из бойцов-добровольцев, прошедших суровую школу подполья, в Москву поступали различные провокационные слухи о якобы несоблюдении повстанцами Брестского договора, об их налетах на украинскую территорию, грабежах и т. д., высказывались категорические требования расформировать эти отряды и перебросить их отдельными группами на другие фронты.

Острая дискуссия по этому поводу вспыхнула на II съезде КП(б)У. Для проверки сведений о якобы имевшем место наступлении повстанческих частей в нарушение Брестского договора съезд создал комиссию по расследованию положения в нейтральной зоне, где дислоцировались повстанческие дивизии.

Требования о расформировании повстанцев поддерживались Троцким, относившимся к ним с явной неприязнью и не упускавшим случая обвинить их в недисциплинированности.

В. И. Ленин, хорошо осведомленный о развернувшейся на

съезде дискуссии по поводу повстанцев, дал мне задание послать в нейтральную зону представителя оперода, который бы обстоятельно и объективно осветил положение и нужды повстанцев.

В качестве нашего представителя туда выехал бывший генштабист И. Д. Моденов, человек исключительно добросовестный и преданный Советской власти.

Представленный Моденовым доклад, характеризовавший повстанческие отряды как образцовые, был передан Ленину. Ильич отнесся к повстанцам очень сочувственно и внимательно. Он предложил немедленно оказать всемерную помощь в деле окончания формирования, снабжения оружием, командным составом, политической литературой. Я навсегда запомнил горячие слова Владимира Ильича: больше, чаще помогайте им **товарищескими советами**. Очень хорошо помню, как В. И. Ленин с особой силой выделил слова «товарищескими советами».

Следует отметить, что это были последние дни октября 1918 года, когда назревала германская революция, а с ней и освобождение Украины, аннулирование Брестского договора, давно предвиденные и предсказанные Лениным.

В 1919 году две дивизии, сформированные из повстанческих отрядов, послужили основой для организации 44-й, 45, 46, 60-й дивизий и Червонного казачества, входивших в состав 12-й, 13 и 14-й армий, громивших войска Деникина, Петлюры и белополяков.

* * *

В апреле — мае 1919 года Украина подверглась нападению со стороны полчищ генерала Деникина. Реально существовала угроза наступления с запада белополяков, которых толкали на войну империалистические правительства Франции, Англии, США.

Левобережную Украину и часть правобережья Деникин занял быстро. Украинские советские армии хорошо дрались, но не смогли сдержать вражеского напора, а тем более разгромить врага и очистить от него Украину. В армиях не было еще покончено с партизанщиной, анархией. Отсутствовало постоянное, хорошо организованное взаимодействие между украинскими советскими армиями и Красной Армией Советской России. Не было и единого военного командования.

28 апреля 1919 года главком И. И. Вацетис в своем письме-докладе В. И. Ленину говорил о раздробленности армии. Он

отметил, что война достигла наивысшего напряжения. У противников создано единое командование, полное единоначалие в действиях, тогда как у нас военное руководство расколото и раздроблено по национальным армиям: Латвийская, Белорусская, Украинская и другие. В докладе констатировалось, что основная тяжесть военных усилий приходится на восточную часть республики, где развернулись два главных театра военных действий — против Колчака и Деникина и где мы ввиду сложившегося положения в военном управлении не можем сконцентрировать необходимые силы для успешного ведения военных операций по разгрому противника. Главком писал, что его крайне волнует вопрос, когда мы снова вернемся к прежней цельности нашего военного лагеря, без чего нельзя победить врагов. Он предложил объединить национальные армии в военные округа под единым командованием, усилить за счет Всевобуча запасные части офицерским составом.

Это письмо-доклад для Владимира Ильича было подписано и мною, как членом РВСР, с двумя поправками. Одна из них касалась того, чтобы взять из Всевобуча командиров не 100 %, как предлагал в своем письме Вацетис, а только 75 %. Ленин не согласился с моей поправкой и предложил взять все 100 %. На письме рукой В. И. Ленина написано:

> «т. Склянский!
> Что кстати как раз к тому, что вчера решено.
> Надо спешно, *тотчас:*
> 1) составить *текст* директивы от ЦК ко всем «националам» о *единст ее* (слиянии) военном;
> 2) дать *ее и* в прессу для ряда статей;
> 3) о *всеобуче* (100 % взять, а не 75 %) *тотчас,* сегодня же, проект декрета изготовить;
> 4) рассчитать: 24 000 командный состав. Ежели взять по 1 на 10, значит, можно создать армию в *240000.*
> Проверить и взять за норму тотчас для *ЦУСа* как России, так и Украины»[45].

В мае 1919 года Лениным был составлен проект директивы ЦК о военном единстве. Потребность в таком единстве остро ощущали и в республиках, прежде всего на Украине.

В этих условиях среди украинского народа чувство дружбы и боевого союза с великим русским народом укрепилось еще больше.

Выражая стремление украинского народа, Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины 18 мая 1919 года принял решение об объединении военных сил советских

республик, в котором говорилось:

«Общий враг требует от всех советских республик общей борьбы и единого руководства ею, необходимость экономного отношения к материальным ресурсам республик и общего планомерного распоряжения ими. Поэтому ЦИК Советов вместе с Киевским Советом рабочих депутатов, представителями киевских профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов постановил:

1) Вся вооруженная борьба с врагами советских республик должна быть объединена со всеми советскими республиками.

2) Все материальные средства, необходимые для проведения этой борьбы, должны быть сосредоточены вокруг общего для всех республик центра.

Исходя из этого, ЦИК поручает своему Президиуму обратиться в ЦИК всех советских республик с предложением выработать конкретные формы организации единого фронта революционной борьбы»[46].

1 июня 1919 года в Москве состоялось историческое заседание Всероссийского Исполнительного Комитета с участием представителей Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии. На этом заседании обсуждалось предложение Украины и других республик об объединении советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии для борьбы с мировым империализмом. Единодушно было принято решение о создании военного и хозяйственного единства советских республик.

Надо сказать, что В. И. Ленин не терпел даже малейшего проявления мелкобуржуазной самостийности. Так, 25 апреля 1919 года он телеграфировал Антонову-Овсеенко по поводу его проекта передачи части Южного фронта Украинскому: «…Ругаю, как за игру в самостийность» [47]. 5 мая 1919 года в другой телеграмме, Антонову-Овсеенко, Подвойскому и Раковскому, Ленин писал: «Взятие Луганска доказывает, что правы те, кто обвиняет вас в самостийности и в устремлении на Румынию» [48].

Непримиримость Владимира Ильича к проявлениям самостийности была тем более оправданна, что на Украине продолжала существовать система атаманства и батьковщины, что было на руку бандам Махно, Григорьева и другим. Атаманщина еще жила в 1919 и 1920 годах. Она сходила со сцены постепенно, по мере укрепления 12-й, 13 и 14-й украинских армий, единых по формированию и командованию с армиями Советской России.

По мере создания единого командования и укрепления РВС республики и главного командования в целях недопущения параллелизма в руководстве армией

В. И. Ленин, Центральный Комитет партии стали осуществлять руководство Красной Армией через главкома и Реввоенсовет республики. Это, однако, не означало, что Ленин, ЦК непосредственно не были связаны с фронтами. Наличие единого командования и централизм в управлении отнюдь не мешали, а, напротив, создавали более благоприятные условия для систематической связи с реввоенсоветами отдельных армий, с командованием на местах, более эффективного руководства всей Красной Армией, которая развернула сражения против многочисленных врагов на необъятных просторах нашей Родины.

На Украине Ленин наметил создать две полнокровные армии. Решение этого сугубо важного и назревшего вопроса Ильич провел через РВС республики. В новые армии вливались отдельные украинские отряды, подразделения, части, соединения. Так, в 12-ю армию вошли 1-я и 3-я украинские армии и ряд приданных им частей: 1-й Червонный казачий полк,

1-я Интернациональная бригада и другие. В составе 12-й армии формировались 44-я, 45, 46, 58-я, а позднее 47-я и 60-я дивизии. В муках и тяжких боях родилась эта армия. С первых дней ее существования я был свидетелем того, как она мужала, росла и закалялась, приумножала свои ратные дела.

После решения о создании единого командования я был послан на Украину для организации 12-й Красной Армии. Перед моим отъездом В. И. Ленин говорил мне, что самое главное, на что следует обратить внимание, — это политическая работа в войсках, борьба с партизанщиной в армии, установление железной дисциплины в частях.

— Решения VIII съезда партии вы отлично знаете, как участник съезда, — сказал Ленин. — Эти решения должны быть во что бы то ни стало проведены в жизнь. За это вы отвечаете.

Кроме того, Ленин требовал проявления глубокого уважения к украинскому трудящемуся народу, смотреть за спецами, чтобы не оскорбляли своим великодержавным шовинистическим поведением украинцев, и одновременно следить за тем, чтобы националистическо-буржуазный украинский шовинизм (петлюровщина и проч.) не проник в армию. Ильич советовал научиться украинскому языку и внутреннюю переписку вести на родном для народа языке.

О том, какое громадное значение придавали ЦК РКП (б), В. И. Ленин политической работе на Украине, свидетельствует посылка на Украину большого количества ответственных работников. Там в то время вели партийно-политическую работу Г. И. Петровский,

С. В. Косиор, А. С. Бубнов, А. К. Сафонов, Я. Х. Петерс, Я. Б. Гамарник, Д. З. Мануильский, С. И. Гоп-нер, В. П. Затонский, Ф. Э.

Дзержинский, Ф. Я. Кон, В. И. и И. И. Межлауки, Г. К. Орджоникидзе и другие.

Командующим 12-й армией был назначен бывший царский генерал, известный штабист Николай Григорьевич Семенов. Спокойный и медлительный по характеру, он не был приспособлен к столь бурным революционным событиям: к совершенно неожиданным, головокружительным наступлениям и отступлениям, изменам и беззаветным подвигам людей, необычайной исполнительности и прямому игнорированию приказов. Невероятный хаос на родной нам украинской земле часто вызывал у Николая Григорьевича недоумение, а иногда и скрытую растерянность. Немецкая оккупация, гайдамаки, петлюровцы, белополяки, французские и английские десанты, казацкие и куркульские (кулацкие) восстания, партизанщина, деникинские войска, бандиты и атаманы самых различных мастей, дезертиры, зеленые — все перемешалось, все кричало, пропагандировало, требовало, стреляло, дралось, изменяло, перебегало из одной группы в другую, наступало, отступало.

— Ну и обстановочка, — поглаживая белокурые пышные усы, часто говорил «наш генерал», как мы называли Семенова.

Честнейший человек, беспредельно преданный Советской власти, рыцарь слова в лучшем значении этого понятия, Николай Григорьевич не жалел ни сил, ни времени для приведения в порядок 12-й армии. Он постоянно обращался к тт. Затонскому, Сафонову и ко мне, как членам Революционного военного совета армии, за разъяснением множества общественно-политических явлений того времени. Воспринимал он сказанное нами вдумчиво, принимал решение лишь после того, как все взвесит. Скажу прямо, что спокойный характер Семенова очень помог в тогдашней трудной обстановке создать и выковать твердые, хорошо слаженные части 12-й армии. Своими военными знаниями, огромным опытом штабной работы он способствовал укреплению дисциплины в полках и

Когда Н. Г. Семенов, назначенный армией, приехал в Киев, явился в штаб и стал знакомиться с обстановкой, то он не мог точно установить, из каких частей состояли украинские войска, вошедшие в 12-ю армию, где эти войска — части, соединения — находятся, с кем дерутся, какова цель их боевых действий. Отдельные командиры сначала отказывались подчиняться новому командующему, ссылаясь либо на местные условия, либо на то, что он бывший царский генерал.

Фронт 12-й армии был необычайно велик: от Олевска, западнее Житомира, на Жмеринку, Одессу, Николаев, Херсон и заворачивал на Запорожье, Екатеринослав, Полтаву.

Какие вражеские силы были против 12-й армии? На западе она вела бои с петлюровскими бандами и польскими частями, на востоке — с деникинцами (войска генерала Бредова). На юге, по побережью Черного моря, против нее стояли греческие дивизии и две дивизии венгров, на румынской границе — войска генерала Щербачева. Приходилось вести бои и против многочисленных кулацких банд, тесно связанных с петлюровцами. Эти банды действовали в районах между штабом 12-й армии и ее боевыми частями, и они, конечно, затрудняли нашу связь.

Обстановка на фронте и в тылу армии сложилась крайне неблагоприятная.

Приказ войскам 12-й армии от 7 августа 1919 года характеризует длину фронта на юге. В этом приказе говорилось, что согласно приказанию РВСР 45-я, 47 и 58-я дивизии продолжают упорно сдерживать противника, помогая друг другу. Наиболее крепкие части дивизий должны группироваться для последовательной упорной обороны узлов Одесса, Херсон, Николаев, Балта, Бирзула, Ольвиополь, Ново-Украинка, Кривой Рог, Александрове, Знаменка, Елизаветград, Христиановка, Цветково, Бобринская, Кременчуг.

Протяженность фронта трех дивизий составляла более тысячи километров. К этому надо добавить борьбу с бандами в тылах дивизий. В августе 1919 года части войск 12-й армии, чтобы не оказаться отрезанными надвигавшимся противником с запада и юга, должны были стянуться в район Киева, где происходили упорные бои, имевшие целью задержать наступающего противника. Ценой огромных усилий это удалась осуществить: дивизии миновали окружения; Киев был оставлен только 30 августа.

Как члену РВС 12-й армии, мне часто приходилось встречаться с такими отважными боевыми командирами, как И. Э. Якир, Г. И. Котовский, Я. Б. Гамарник, Н. Г. Крапивянский, И. Ф. Федько, П. Е. Княг-ницкий, И. Н. Дубовой, И. С. Кутяков, В. Н. Боженко, К. В. Квятск, Т. В. Черняк, Н. А. Щорс, и другими. Они командовали дивизиями, бригадами и были известны В. И. Ленину, принимавшему непосредственное участие в подборе и утверждении многих начдивов.

Считаю своим долгом уделить внимание некоторым деятелям гражданской войны, вышедшим из народа. Они были замечательными исполнителями воли партии, гениальных указаний В. И. Ленина.

Многие из них незаслуженно были забыты в период культа личности И. В. Сталина. А ведь это были герои великих, небывалых битв с 14 империалистическими государствами, с

поднявшейся внутренней контрреволюцией. Обо всех, конечно, не скажешь, но о тех, с которыми пришлось часто встречаться, работать, воевать, можно рассказывать и рассказывать.

Одним из замечательных героев гражданской войны был командир таращанцев В. Н. Боженко, рабочий-столяр. С молодых лет Боженко, уйдя из деревни, скитался по заводам и фабрикам. Получить образование ему не удалось. На военной службе в царской армии он дослужился до звания унтер-офицера. За активное участие в революции 1905–1907 годов просидел более трех лет в тюрьме. Потом работал в «Арсенале» в Киеве и на других заводах, вел профсоюзные дела, был одно время председателем профсоюзов деревообделочников. После Февральской революции Боженко весь ушел в революционную работу. Рабочие выбрали его в завком, потом представителем в Совет рабочих и солдатских депутатов. Избирался он членом Киевского исполкома депутатов трудящихся. В марте 1917 года вступил в партию большевиков.

В бурные октябрьские дни Боженко формирует боевой отряд, обучает рабочих военному делу, принимает участие в подавлении контрреволюционных восстаний. С захватом Киева немцами он работает в Донбассе, затем организует на нейтральной зоне боевые части для партизанской борьбы с оккупантами. В сентябре 1918 года Боженко назначается комбатом 2-го Таращанского полка, а затем становится командиром этого полка. Таращанский полк под его командованием успешно громил гайдамаков, отличился при освобождении Киева, участвовал в боях против петлюровцев и других банд. Таращанцы любили своего командира, верили в него. Он был прост: в бою ли, на отдыхе — всюду и всегда Боженко был вместе со своими красноармейцами. Не выносил он, когда кто-либо обижал рабочих, крестьян-бедняков или чинил беззаконие, строго взыскивал с тех бойцов, которые позволяли себе это.

В июле 1919 года В. Н. Боженко заболел и 21 августа умер. Было ему в то время 57 лет. Ворвавшиеся в Житомир петлюровцы выбросили его тело из могилы— так ненавистен он был врагам Украины. Вся жизнь этого легендарного народного героя была отдана борьбе за счастье трудящихся.

Светлую память оставил о себе Казимир Францевич Квятек, командир Богунской бригады. Биография его богата революционными делами. Сын варшавского рабочего-железнодорожника, он в 1905 году за участие в революционной работе был арестован и осужден на 20 лет каторги.

Революция 1917 года принесла Квятеку освобождение. Сразу же с оружием в руках он становится на защиту Советской власти,

а в 1918 году поступает на Кремлевские курсы красных командиров. По возвращении на Украину Казимир Францевич встречается с Н. А. Щорсом и становится его боевым помощником. Затем он командует 1-м Богунским полком и, наконец, Богунской бригадой. Жизнь Квятека полна боевых подвигов, он пользовался заслуженной популярностью среди бойцов как бесстрашный командир, который в бою всегда был впереди, не покидал поля боя даже при ранениях (а ранен он был несколько раз). За боевые подвиги К. Ф. Квятек был награжден орденом Красного Знамени.

Вспоминаю И. Н. Дубового. С ним я впервые повстречался при формировании 44-й дивизии. Сын донецкого потомственного шахтера, старейшего революционера-большевика, Дубовой в 1917 году окончил Иркутскую школу прапорщиков. Боевая жизнь его началась сразу же по окончании этой школы: он участвовал в подавлении восстания юнкеров в Иркутске. Преданность делу революции, знание военного дела, личная храбрость выдвинули Дубового в ряды крупных военных деятелей. Особенно отличился он, будучи начдивом 44-й Краснознаменной дивизии. Его дивизия участвовала в ряде серьезных боев и всегда с честью справлялась с поставленной перед ней задачей. В разгроме войск Краснова, Деникина, Петлюры, белополяков большая роль принадлежит И. Н. Дубовому, который был помощником начальника штаба 10-й армии в Царицыне, потом начальником штаба и командующим 1-й украинской армией.

Это был решительный и умный командир, очень спокойный и медлительный на вид, а на самом деле исключительно темпераментный, находчивый и волевой. Принимая, бывало, ответственное решение, Дубовой поглаживал свою большую темно-рыжеватую бороду. Приняв решение, он весь отдавался его осуществлению и, как правило, из самых сложных операций выходил победителем.

Конечно, тогда не все было так просто и ясно, как это выглядит теперь. Победы не приходили быстро, по щучьему велению. Они давались благодаря громадному напряжению; требовали знаний военного дела, уменья, находчивости.

Командиры выковывались не сразу. Вначале они допускали серьезные ошибки. Недоставало им опыта, политической закалки. Они должны были прислушиваться к мнению красноармейцев, младших командиров, неуклонно руководствоваться указаниями и советами В. И. Ленина.

Постоянным и самым проникновенным, вдумчивым, доброжелательным и строгим воспитателем и учителем для советских командиров, начальников, комиссаров был В. И. Ленин.

Бывали случаи, когда одно упоминание о Ленине, о его требованиях, наказах способствовало преодолению, казалось бы, безвыходного положения. Приведу один поучительный и наглядный пример.

58-я Краснознаменная дивизия прошла путь через всю Украину. В Николаеве она попала в чрезвычайно тяжелое положение из-за того, что вовремя не успела избавиться от партизанских настроений. В Николаеве наступила расплата. Несколько батальонов этой дивизии восстали и перешли на сторону бандита-анархиста Махно. В Николаеве перебежчики арестовали всех командиров и комиссаров дивизии. Арестованные стояли на площадке бронепоезда под охраной. Восставшие стали обсуждать степень «преступности» красного командования перед ними.

И вдруг в этот момент появился, словно из-под земли вырос, командир 172-го полка Михаил Губаноз, бывший рабочий днепропетровского Брянского завода.

— Вы что тут натворили?! — закричал он с такой силой и злостью, что буквально все опешили. — Вы что, забыли указание товарища Ленина, что партизанщина в армии — это гибель и для нас и для всей пролетарской революции?! Поймите, все недисциплинированные партизанские отряды будут, как зайцы, поодиночке перебиты, уничтожены хорошо организованными, дисциплинированными, по-военному слаженными частями и соединениями белых и интервентов. Да здравствует единая, дисциплинированная Красная Армия! Долой партизанщину в армии! Именем товарища Ленина приказываю: по местам!..

Махновца, выхватившего было пистолет против Губанова, сами восставшие смяли и прикончили, не дав ему выстрелить. Та же участь постигла и остальных ретивых представителей батьки Махно.

Немало было подобных явлений, но здоровое начало, положенное в основу Красной Армии В. И. Лениным, спасало положение. Красная Армия крепла с каждым днем.

Крепла она с помощью пашей Коммунистической партии, в результате забот В. И. Ленина. Когда было худо у пас, мы обращались за помощью к Ленину. Приведу одну лишь телеграмму (а их было много), отосланную нами Владимиру Ильичу я критический момент. Вот ее текст:

> *«Москва, т. Ленину.*
>
> *Ровно,* 14 августа. Считаем долгом предупредить, что самая крупная дивизия имеет 1500 штыков и самая малочисленная 700 на всю дивизию. Противник

массируется перед нашей конной армией. Части устали, плохо одеты. Пополнение из-за отсутствия обмундирования и винтовок подать не можем. Захватив приказ противника и зная его планы, парируем удар, примем меры не терять инициативы, ибо переход к обороне не удастся и части не выдержат, так как противник превосходит нас. Необходима помощь. № 155/С,

14 августа 1920 г.

Реввоенсовет 12. *Кузьмин, Аралов*.

С подлинным верно: (подпись)»[49].

И помощь по распоряжению Ленина немедленно была оказана вооружением, боеприпасами и обмундированием.

Ленин пристально следил за героическими действиями воинов Красной Армии, восторженно отмечал их подвиги, посылал им приветствия, требовал от командиров представлять к наградам боевые части за одержанные победы.

Осенью 1919 года тяжелое положение сложилось в 45-й, 47 и 58-й дивизиях, которые на юге Украины были отрезаны от главных сил нашей армии. Понадобились поистиие железная воля и энергия И. Э. Яки-ра, И. Ф. Федько, В. П. Затонского, Я. Б. Гамарника, Г. И. Котовского, Л. В. Картвелишвили и других, чтобы создать из этих дивизий крупные боеспособные и дисциплинированные воинские части. Впоследствии они прорвали вражеское кольцо и восстановили связь с 12-й армией, одержали блестящие победы над гайдамаками, петлюровцами, деникинцами, шайками Махно.

Когда Владимир Ильич узнал об этом, он 1 октября подписал специальное постановление Совета обороны о награждении славных дивизий почетными знаменами революции. Были также выданы награды командирам и красноармейцам. Внимание Ленина, его высокая оценка окрылили личный состав частей, воодушевили бойцов на новые ратные подвиги.

Люди выковывались не сразу. В боях вырастали и закалялись многие командиры, имена которых стали потом известны всей стране.

Отмечу, например, выдающуюся роль 23-летнего И. Э. Якира. С ним у меня произошла первая встреча при следующих обстоятельствах.

Летом 1919 года мне пришлось быть в Одессе по случаю переформирования 3-й украинской армии в 45-ю дивизию. В связи с этим был устроен смотр одесского гарнизона на Куликовом поле. После смотра,

возвращаясь верхом на лошади по Дерибасовской улице, я услышал, как кто-то громко меня окликнул. Оглянувшись, увидел группу товарищей, стоявших на балконе одного дома. Махая руками, они приглашали меня зайти к ним. Зашел.

— Разрешите представиться: Якирпоспешил отрекомендоваться высокий черноволосый юноша, подавая мне руку. Он представил и всех находившихся с ним: Княгницкого, Гарькавого, Левинсона, Гусарова и других.

— Товарищ Аралов, — сказал Якир улыбаясь, — Мы «безработные». Дайте нам дивизию, и мы будем громить врага всем на удивление. Ленин останется довольным.

Сели, разговорились. Я выяснил, что Якир и другие товарищи — это командный состав 8-й и 9-й армий. Прибыли они на Украину по указанию Совнаркома на советско-партийную работу.

Якир, несмотря на его юношескую порывистость, произвел на меня чрезвычайно благоприятное впечатление. Я увидел в нем человека, преданного рабочему классу, Коммунистической партии. Говорил он обдуманно, взвешивая каждое слово. Чувствовалось, что этот товарищ пользуется в кругу военных большим авторитетом.

Я предложил ему возглавить 45-ю дивизию.

В тот же день, не теряя времени, я связался с Киевом по прямому проводу и изложил нашу беседу командующему 12-й армией Семенову, настаивая на назначении Якира вместе с его товарищами в 45-ю дивизию.

А через несколько дней было принято решение РВС 12-й армии о назначении И. Э. Якира начальником (командиром) этой дивизии. Впоследствии он возглавлял также 58-ю и 47-ю дивизии.

В боях Якир зарекомендовал себя талантливым, отважным командиром. Действительно, Ленин был им доволен. Части Якира дрались мужественно, стойко. Это они, окруженные частями деникинцев с востока и петлюровцами, белополяками с запада, шли с непрерывными боями 28 дней, прорывая вражеское кольцо. И это кольцо было прорвано. Более того, части Якира освободили тогда Житомир и Киев, отбив у противника громадное количество скота, продовольствия, они в ходе боев хорошо пополнились за счет добровольно присоединявшихся крестьян — бедняков и середняков.

И. Э. Якир всегда с честью выполнял поставленные перед ним задачи. (Приходится очень и очень сожалеть, что он, как и некоторые другие лучшие представители партии в Красной Армии, погиб во времена культа личности Сталина.)

Скажу также доброе слово о боевом военачальнике Александре Ильиче Егорове.

С Александром Ильичем мне пришлось часто встречаться в 1919 году, а затем вместе работать в 1920 году, когда он был командующим Юго-Западным фронтом. После окончания войны я работал у него, правда недолго, заместителем по политической части в Киевском военном округе.

А. И. Егоров был умным, проницательным и волевым полководцем. Он прекрасно сочетал в себе качества настойчивого и вместе с тем гибкого военачальника большого масштаба, умел прислушиваться к мнению своих помощников, обладал способностью предвидеть и разгадывать замыслы противника.

Летом 1919 года, еще до приезда Егорова из 10-й армии, мне пришлось временно командовать 14-й армией, принятой от К. Е. Ворошилова. Александр Ильич лечился тогда после ранения, полученного в кавалерийской атаке.

Штаб 14-й армии находился в Кременчуге. Время было трудное — разгар деникинского наступления, оживились бандитские григорьевские шайки и анархо-кулацкие отряды. Армия была еще слабой, в ней процветала партизанщина. Это усложняло и без того трудную задачу, которая легла на наши плечи. Но вот приехал А. И. Егоров. Уверенно и быстро он привел штаб в порядок, заставил его работать четко, наладил связь с частями и соединениями, подчинил их своей воле.

В самое трудное время, когда развернулось в конце лета 1919 года успешное наступление деникинских войск на Южном фронте, А. И. Егоров назначается командующим фронтом и великолепно справляется с поставленной перед ним задачей — разгромить Деникина. Назначенный в 1920 году командующим Юго-Западным фронтом, он также умело повел войска против белопольских армий Пилсудского и его пособников. Это была трудная военная задача. Под его руководством 12-я армия, конармия Буденного, 14-я армия и другие соединения успешно гнали белопольские армии. Были, конечно, и неудачи. Так, например, нам не удалось полностью окружить 3-ю армию генерала Рыдз-Смиглы, но все же она была здорово потрепана нашими войсками и поспешно отступила. Когда же отступление из-под Варшавы принудило отходить и войска Юго-Западного фронта, этот отход прошел организованно.

А. И. Егоров много сделал для строительства Красной Армии, для разгрома интервентов и белогвардейцев. В последующие годы он был одним из крупных военных деятелей Советского государства — Маршалом Советского Союза. (Как известно, А. И. Егоров явился жертвой нарушения социалистической законности в период культа личности.)

Немало писалось о боевых делах и жизни Николая

Александровича Щорса. Впервые познакомился я с ним летом 1919 года, когда в соответствии с ленинской директивой о военном единстве был направлен на Украину для формирования 12-й армии.

В момент моего прибытия в Киев Н. А. Щорс исполнял обязанности начальника 1-й украинской советской дивизии и находился со своим штабом в Житомире. Здесь и состоялась наша первая встреча. Это было в конце июня или начале июля 1919 года.

Николай Александрович произвел на меня весьма благоприятное впечатление: стройный, красивый, молодой человек, лет 24–25, с небольшой бородкой и Усиками.

Учитывая энергичность Николая Александровича и возможность воспитания в нем качеств хорошего командира, Реввоенсовет 12-й армии при реорганизации 1-й украинской армии оставил Н. А. Щорса в качестве командира дивизии, о чем он и был извещен мною при нашем первом свидании.

Находясь в Житомире, Н. А. Щорс очень много уделял сил и времени организации дивизионной школы. Следует отметить, что в этом деле он добился значительных успехов. Курсанты школы, как я в этом убедился лично, имели надлежащий строевой вид и были по тем временам обеспечены всем необходимым.

К сожалению, дела на фронте складывались для нас весьма неблагоприятно. Петлюровцы на участке Богунской бригады прорвали фронт 1-й дивизии. Николай Александрович телеграфно заверил нас в том, что примет все меры, чтобы исправить положение и стабилизовать фронт.

С этой целью в начале августа 1919 года Щорс выдвинул предложение об объединении под его командованием 44-й и 1-й дивизий в одну дивизию 4-бригадного состава. Это предложение, имеющее целью сократить острый недостаток командного состава, было поддержано нами, и в тот же день Реввоенсовет армии издал соответствующий приказ.

РВС 12-й армии делал все от него зависящее, чтобы Н. А. Щорс мог проявлять свои незаурядные военные способности на полях сражений с врагом. Но пережитки партизанщины и недоверие к военспецам были настолько еще сильны в армии, что даже такой способный командир, каким являлся Щорс, и тот был подвержен этой болезни. Вот как однажды проявилась эта болезнь у Николая Александровича.

Командарм 12-й армии Н. Г. Семенов приказал Щорсу подтянуть его дивизию к Киеву, чтобы иметь возможность использовать ее в защите города, который Ленин приказал оборонять до последней капли крови. И вдруг получаем по

телеграфу неожиданный, явившийся тягчайшим нарушением дисциплины ответ: «Выполнять приказ не стану. Щорс».

Обсудив создавшееся положение, Реввоенсовет в тот же день направил меня в штаб дивизии. На перроне вокзала меня ожидала торжественная встреча. Это как-то не вязалось с телеграммой Щорса.

Щорс ввел меня в вагон. В салоне стоял большой стол. Вдоль стен сидели командиры Дубовой, Кассер, Подгорецкий, отец Дубового, старый донецкий шахтер, и другие. Все встали.

После минутного молчания я спросил Николая Александровича, почему он отказался выполнять приказ командующего.

— Не буду выполнять приказ царского генерала, — нервно ответил Щорс. — Его решения считаю опасными.

Я стал разъяснять, что задачей 12-й армии является защита Киева не только от петлюровцев, но и от деникинского наступления. Реввоенсоветом республики по указанию Ленина нашей армии поставлены задачи: первая — оборона на западе, вторая — активная борьба на внутреннем фронте против мятежников и третья — активные действия против войск Деникина. Что же касается бывшего генерала Семенова, то ныне он советский командующий, назначенный Реввоенсоветом республики с ведома и согласия товарища Ленина.

— Да будет вам известно, Николай Александрович, — сказал я, — что всей борьбой против контрреволюционных войск и оккупантов руководит Владимир Ильич Ленин. Ни одно серьезное назначение не проходит мимо него. Семенов — честный человек, он преданно работает. Конечно, Семенов может ошибаться, политически он еще мало подкован, но ЦК потому и назначил членами Реввоенсовета коммунистов, чтобы контролировать и помогать Семенову.

— Вот вы сами говорите, что может ошибаться! — воскликнул Щорс. — Мы обязаны указывать вам на его ошибки.

— Это правильно, но действовать надо иначе, нельзя нарушать революционную дисциплину. Вы должны были, обязаны были спокойно изложить свои соображения при личной встрече с членами Военного совета армии или по прямому проводу. Приказ о сосредоточении дивизии под Киевом имеет большое значение. Необходимо дивизию держать в кулаке, а у вас она разбросана. Вы проявили недисциплинированность, нервозность. В вас еще не изжит дух партизанщины, против которой Ленин ведет жесточайшую борьбу. Возможно, вам известны решения VIII съезда партии и выступление Владимира Ильича на этом съезде по вопросу о дисциплине? Если нет, расскажу…

Мои доводы в разговоре с Н. А. Щорсом основывались на решениях VIII съезда РКП (б) и на постановлении Пленума ЦК Коммунистической партии (большевиков) Украины. Пленум ЦК КП(б) Украины состоялся 1–2 августа 1919 года. В тот же день Политбюро ЦК КП(б)У дало указание армейским частям о быстрейшем преодолении партизанщины в армии и кулацкого бандитизма, о приглашении военных специалистов, об укреплении военной дисциплины, улучшении снабжения войск всеми видами продовольствия.

Своими тонкими красивыми пальцами Щорс постукивал по столу. Временами теребил бородку. Вдруг он схватил ручку и что-то стал писать на клочке бумаги.

— Я подаю рапорт об освобождении! Не буду больше командовать, — сильно волнуясь, проговорил Щорс, потом вскочил, сорвал с себя ремень, револьвер и бросил их на стол.

Что было делать?

Я подумал, огляделся. Все присутствующие, растерянные и удивленные, встали. Я тоже встал, взял рапорт и, почему-то подняв его высоко, разорвал и бросил.

— Вот ваш рапорт! Вы обязаны командовать дивизией, раз вас назначил Реввоенсовет.

Не сдержавшись, признаюсь, наговорил Щорсу дерзостей, обвинив его в партизанщине, недисциплинированности, анархизме.

Результат получился неожиданный: Николай Александрович схватил меня, крепко обнял и расцеловал.

Все успокоились. Беседа перешла на выяснение текущих дел…

23 августа 1919 года Реввоенсовет 12-й армии получил из Коростеня телеграмму Щорса, извещавшую о том, что он вступил в командование 44-й дивизией, а 8 сентября, когда штаб нашей армии после оставления Киева уже находился в Новозыбкове, нам сообщили из Коростеня, что 30 августа 1919 года Н. А. Щорс убит под деревней Могильно. Так отдал он свою жизнь за Советскую Украину.

* * *

Части 44-й дивизии, которой командовал после гибели Н. А. Щорса опять И. Н. Дубовой, получили приказ наступать вдоль железной дороги Нежин — Киев. 5 декабря 1919 года они заняли станцию Бобрик, 11 декабря — Бровары, 12 декабря — Дарницу. Спустя два дня развернулась битва за Киев. 16 декабря полк

Богунской бригады, а затем и вся бригада перешли по еще не окрепшему льду Днепра и ворвались в Киев. Для деникинцев это было полной неожиданностью, так как они и не подозревали удара со стороны Днепра, считая его еще непроходимым. А бригаду богунцев провел старый рыбак Алексеев. Он шел впереди и ощупывал палкой лед, за ним доли цепочкой красноармейцы. Богунцы ворвались в Киев с востока, а с запада — части 58-й дивизии. Начдив Дубовой, командир полка Соловьев, рыбак Алексеев и все участники перехода через Днепр по приказанию В. И. Ленина получили награды за этот подвиг.

Сопротивление деникинцев было сломлено. Предстояло безостановочно преследовать врага, не дать ему задержаться, оправиться и перейти в новое наступление. Противник отходил повсюду. Местами его отступление носило панический характер. Серьезное сопротивление нашей армии было оказано лишь в районах Киева и Черкасс.

Колоссальную помощь 12-й армии оказывала партизанская война украинского народа в тылу врага. Ома развернулась под руководством подпольных во-енно-революционных и партийных комитетов.

Огромная роль в организации партизанской борьбы принадлежала губернскому повстанческому комитету Черниговщины во главе с Е. Б. Бош и Ю. М. Коцюбинским. Хочется особо отметить смелую боевую работу партизан Марка Василенко и Владимира Пту-хи, действовавших в районе Остер-Козелец, а также Андрея Крапивянского, Александра Балагуры, Григория Калиты, Евмена Кошму и Наума Точеного, оперировавших в районе Нежина. Это были партизаны с богатым опытом, полученным в прошлом 1918 году в тылу немецких войск. Они разрушали тыл Деникина, его железнодорожные коммуникации, строго согласовывая свои действия с командованием 12-й армии, в частности с командованием 60-й и 44-й дивизий.

Что же помогало людям преодолевать громадные трудности и выходить победителями не только над врагом, но и над собственными сомнениями, тяжелыми раздумьями и ошибками? Помогала вера в правоту дела революции, вдохновителем и организатором которой был В. И. Ленин. Конечно, не все его видели, не все слышали, но каждый, на каком бы участке он — рабочий или крестьянин — ни защищал Советскую власть, действовал так, как будто бы именно к нему лично обращался Ленин в своих выступлениях, письмах, телеграммах, директивах. И уже совершенно не представляется возможным теперь, по истечении четырех десятков с лишком лет, передать глубокое

душевное состояние бойцов, политработников и коммунистов частей, к которым Ильич адресовал свои послания непосредственно.

Причина побед лежит также в моральном превосходстве нашей Красной Армии над армиями противников. Борьба за рабоче-крестьянскую Советскую республику давала нашим воинам непреоборимую силу, вдохновляла их на подвиги. Повседневное руководство Красной Армией со стороны партии, В. И. Ленина определяло главное — пути, методы и средства победы над многочисленными врагами нашей Родины.

29 марта 1920 года на IX съезде партии В. И. Ленин говорил: «…Только благодаря тому, что партия была на страже, что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи и в конечном счете миллионы… только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, несмотря на двукратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить»[50].

Добавим, что это чудо стало возможным благодаря тому, что армией и народом, всем делом защиты Советской власти руководил В. И. Ленин. Руководил он с большим знанием дела, с ясным пониманием военной обстановки, сочетая в себе гений величайшего политического и военного вождя.

Отправляя нас, группу работников центра, на Украину, Владимир Ильич наряду с требованием сделать все для создания дисциплинированной армии, которая не терпела бы в своих рядах разлагающей партизанщины, разъяснял, какое огромное значение имеет умелое проведение правильной национальной политики среди украинского населения. Трудности, говорил Ленин, на Украине большие, и не только военные, но и политические. Надо каждый свой шаг тщательно продумывать. Надо, чтобы русский командный состав, особенно из офицеров старой царской армии, пропитанных шовинистическим духом, уважал язык, обычаи, культуру украинцев, чтобы в армии Советской России, в русском рабочем и крестьянине красноармейцы, украинские трудящиеся видели своих друзей и братьев. Командование армии, члены Реввоенсовета, штабные работники, подчеркивал Ленин, должны быть очень чутки в этих вопросах, знать историю Украины историю взаимоотношений русского и украинского народов.

С особой силой и убедительностью Владимир Ильич указывал на то, что мы должны разбираться в этих вопросах с позиций классовой борьбы, которая развернулась на Украине; уметь

отличить настоящую, здоровую национальную украинскую политику от буржуазно-националистической политики враждебных нам сил.

Украинские товарищи В. П. Затонский, Н. Г. Крапивянский, Е. Б. Бош, С. И. Гопнер и многие другие помогали нам повседневно, делились своими знаниями, многолетним опытом жизни и работы на Украине. Они хорошо знали историю Украины, язык, культуру, нравы, обычаи, душу украинского народа и были настоящими нашими учителями. Эти товарищи, а также Н. И. Подвойский, Д. З. Мануильский, С. В. Косиор, Ф. Э. Дзержинский, Ф. Я. Кон, Ю. М. Коцюбинский оказали нам, присланным Лениным из Москвы, колоссальную помощь в создании регулярных армий на Украине.

Героическая, поистине самоотверженная работа перечисленных выше товарищей и многих-многих других беззаветных солдат революции увенчалась успешным созданием на Украине регулярных армий, разгромивших белогвардейщину и изгнавших с родной земли иностранных захватчиков.

В этом деле первостепенную роль сыграла политическая работа в армии, а также среди украинского населения и правильное проведение в жизнь национальной политики большевистской партии на Украине. В этой связи мне хотелось бы привести несколько примеров.

Во многих ленинских документах того периода среди других важных задач указывалась и такая: работа среди дезертиров. Сейчас это звучит странно, но в те годы это было большое и важное дело партийных, советских и военных организаций.

Вспоминается такой случай. По поручению Реввоенсовета в г. Нежине в помещении театра мы собрали дезертиров. Явилось их человек 150–200. Когда Н. Г. Крапивянский и я вошли в театр, то увидели следующую картину: дезертиры сидели с направленными на сцену винтовками. Крапивянский открыл собрание и предоставил мне слово. Говорить под наведенными дулами винтовок было, конечно, не очень приятно. Я, как умел, обрисовал положение на фронтах, в особенности на Украине, сказал о целях, которые преследовала панская Польша и международный империализм, о том, какая угроза нависла над Украиной и всей Советской республикой, призывал собравшихся вступить в ряды защитников Советской власти — власти рабочих и крестьян.

Мне трудно передать, какое воздействие оказало на сидящих в зале мое выступление. Но вот выступил затем Н. Г. Крапивянский. Он рассказывал главным образом о крестьянском положении, о земле, помещиках, напомнил о совместной борьбе с

немцами, объяснил, чего хотят польские паны и украинские кулаки и помещики. Крапивянский говорил просто, убедительно, со знанием дела. Чувствовалось, что он хорошо знает думы и чаяния украинского крестьянства. Когда он закончил, дезертиры совершенно неожиданно для нас вскочили с мест, зааплодировали, а некоторые запели «Интернационал». Они дали слово убедить всех дезертиров, скрывавшихся вместе с ними, вернуться в Красную Армию. Так и случилось. Громадное число их вернулось в свои части. Правдивое большевистское слово убедило их, рассеяло сомнения этих людей, охваченных хаотическим водоворотом событий и не сумевших до поры до времени найти в этих событиях свое место.

Трудную, кропотливую работу вели изо дня в день коммунисты Политического управления армии, политотделов дивизий и других соединений. Во главе Политуправления 12-й армии стоял Л. С. Дегтярев, очень энергичный, внимательный к нуждам красноармейцев, умелый руководитель политических органов дивизий, бригад, полков, пользовавшийся большим уважением всех, кто с ним работал. Его деятельными помощниками были: С. Р. Крипе, М. Е. Кольцов (впоследствии известный журналист), Б. Е. Ефимов (ныне известный художник-карикатурист), С. Е. Прокофьева, В. С. Вольский.

Вспоминаются и тт. Таль, Рабичев, О. Берзин, Дембо, М. А. Кручинский и другие преданнейшие и храбрейшие политические работники в дивизиях и бригадах. Сложная работа не страшила их, они проводили ее и в ходе боев и особенно после боев, отступлений, когда аппараты дивизий, бригад, полков сильно ослабевали или даже вовсе разрушались. Наши политработники в боях шли вместе с бойцами> и их личная храбрость, стойкость были образцом и заразительным примером для других.

Деятельность Политуправления армии, и главным образом нижестоящих политорганов, охватывала также население сел и деревень фронтовых районов.

Части нашей армии проходили обычно по деревням и селам, которые долгое время были в руках Петлюры, различных бандитов, националистов. Требовалась упорная разъяснительная работа для того, чтобы высвободить сознание украинского крестьянина от политически вредного влияния контрреволюционных буржуазно-националистических и анархистских главарей. Следуя ленинским указаниям, наши политработники добивались самого тесного сближения с украинским населением. В перерывах между боями они организовывали помощь населению в обработке земли. Приведу на этот счет несколько корреспонденций и информаций из нашей

армейской газеты «Красная Армия».

В номере за 1 сентября 1920 года член комячейки Н-ского отряда Быстрозоров писал: «…22 августа по инициативе председателя отрядной ячейки был устроен воскресник. Взяли лошадей из хозяйственной части и за 5–6 часов работы запахали 15 десятин земли. Крестьяне сначала относились недоверчиво к нашей работе, но когда мы им действительно помогли, бедняки искренне нас благодарили и называли своими братьями и защитниками. Только кулаки остались недовольны.

В настоящее время мы даем ежедневно крестьянам всех свободных лошадей и многие товарищи идут добровольно пахать землю беднякам».

15 сентября газета опубликовала корреспонденцию Бродера. В ней говорилось: «21 августа наш дивизион прибыл в село Облапы. Крестьяне жаловались: подходит время пахать, сеять; нет лошадей, повозок. Женщины говорили — мужей нет, обрабатывать землю некому. Мы им вспахали поля, привезли семена».

В корреспонденции, напечатанной 26 сентября, рассказывалось о том, что славные богунцы в свои свободные часы запахивают землю крестьянам. У них нет ни одной свободной минуты. Солдаты говорят: или деремся, или работаем, помогаем крестьянам.

Так переплеталось разрушение старого мира с творчеством, с созиданием новой жизни.

Помогали украинским крестьянам не только по хозяйству. Армия и прежде всего ее политработники несли в среду крестьянства свои знания, разъясняли политику партии. Один из корреспондентов армейской газеты сообщал: «На полянке мы устроили свой клуб. На плетне, на стенах хат расклеили плакаты, картины. Красноармейцы, крестьяне, крестьянки, дети читали газеты, журналы».

Много внимания уделялось работе на селе среди женщин и детей. Одна из дивизий организовала детский утренник, в котором участвовало 1175 детей. Детские праздники устраивались во многих дивизиях. Красноармейцы раздавали малышам подарки, играли с ними, рассказывали им о смелых и умелых красноармейцах. Когда женщины видели, что мы заботились о детях, они сами становились в ряды пропагандистов Красной Армии. При РВС 12-й армии была организована колония для детей, родители которых были убиты бандитами или погибли на фронте. Колонией ведала сотрудница Политотдела армии С. И. Аралова.

Большую, воодушевленную работу вели товарищи женщины,

будучи медицинскими сестрами, врачами, учительницами и рядовыми бойцами на фронте. Вспоминаю Соню Алтухову, участвовавшую в 1918 году в восстании рабочих на заводе «Арсенал» в Киеве. В 1919 году она была фельдшером 1-й роты Богунского полка, проявляла исключительную храбрость, всегда ходила в бой со своей ротой. Вот один из примеров того, как Соня увлекла бойцов на реке Случ. К этой реке 1-я рота была прижата противником (петлюровцами). Из-под вражеского пулеметного огня выход был один: броситься в реку и переплыть на другой берег. Солдаты колебались. Тогда Алтухова в шинели первая ринулась в воду, закричав: «Вперед, товарищи! Не сдадимся бандитам, спасем роту и будем драться!» За ней последовали красноармейцы. Имея небольшие потери, рота с оружием форсировала реку, закрепилась и продолжала бой.

Соня Алтухова была не только смелой, но и чуткой. Она всегда стремилась помочь товарищу в беде, выручить его, поддержать. После гражданской войны она окончила Киевский политехнический институт, работала инженером-энергетиком в Харькове на заводе «ХЭМЗ». В 1938 году, в период культа подверглась аресту с мужем. Квятеком, известным отважным командиром, и погибла вместе с ним. Оба посмертно реабилитированы.

Таких, как Алтухова, было немало на фронте. Это, например, врач Ольга Бойко, медицинские сестры Анна Колоскова (по мужу Семинихина) и Анна Розенблюм, учительницы Нина Чередник и Анна Савицкая-Михайлова и многие другие. Все они честно служили Родине, отлично выполняли свои служебные обязанности, а когда требовала обстановка, ходили с ротами в бой и дрались как заправские бойцы.

В Политотделе 12-й армии работали наши замечательные советские карикатуристы Борис Ефимов и Григорий Розе. Они выпускали на фанерных листах и линолеуме карикатуры на жизненные темы того времени. Всем врагам попадало от кисти Ефимова и Розе. Талантливо и доходчиво они прославляли героев-красноармейцев. Фанерные плакаты вывешивались в клубах, на стенах домов и не только в тех населенных пунктах, где располагался Поарм, но и в деревнях, где размещались штабы дивизий, полков. Рисунки и карикатуры имели большой успех в частях Красной Армии и среди населения.

У армии был свой поезд-типография. Здесь печаталось немало материала, рассчитанного не только на советских людей, но и на вражеские войска. Михаил Кольцов выпускал листовки-обращения к красноармейцам, к украинским крестьянам. Много листовок разбрасывали в тылах противника. Частым посетителем

Поарма и поезда-типографии был Ф. Э. Дзержинский, особенно в период напряженной борьбы с бело-поляками, когда он руководил Польским ревкомом. Нередко бывал у нас Ф. Я. Кон — член Польского ревкома. Он писал листовки на польском языке, которые тут же печатались и затем забрасывались в польскую армию.

Однажды вместе с Ф. Я. Коном пришел в типографию Ф. Э. Дзержинский. Он обратился к наборщику Арчакову и спросил его, хватает ли польского шрифта. Если не хватает, сказал Дзержинский, то в Киеве имеется хорошая словолитня и шрифт можно сделать. И действительно, вскоре в поезд-типографию был доставлен новый польский шрифт. Газета «Красная Армия» печаталась на плохой оберточной синей и желтой ‘ бумаге, в которую на сахарных заводах до революции упаковывали сахар. Ф. Э. Дзержинский помог также достать хорошую газетную бумагу. На этой же бумаге стали выпускаться и листовки для польских солдат.

Поезд-типография состоял из 14 вагонов, специально переоборудованных в гомельских железнодорожных мастерских. В двух вагонах размещались две плоские печатные машины и две «американки».

Кроме газеты «Красная Армия» в Киеве печаталась в то время газета «Рабочий путь» для рабочих. Для крестьян издавалась газета «Беднота». Художник Розе из простого куска линолеума делал прекрасные клише (цинкографии у нас не было). Наборщиками в типографии работали коммунисты Резниченко, Грищенко, Энтелис, Гарин. Начальником электростанции был Квятковский.

Наша 12-я армия, как и вся Красная Армия, была сильна не только своими штыками, но и своим словом, политической сознательностью личного состава. Часто выступали на солдатских митингах в частях Ф. Э. Дзержинский и Д. З. Мануильский. Большое подспорье нам оказывали приезжавшие товарищи из Москвы, как, например, Е. М. Ярославский, А. В. Луначарский и другие.

Нелегкое дело выпало на долю политических работников. Они не знали отдыха ни днем ни ночью, шли вместе с бойцами в самое, казалось, пекло и при этом увлекали их личным примером, стойкостью и храбростью. Коммунисты, политработники являлись своего рода цементом, прочно скреплявшим красноармейские ряды. Вспомним, например, 9-ю армию, действовавшую на Северном Кавказе, в Краснодарском крае. Осенью 1920 года в этой армии насчитывалось свыше 11 тысяч членов и кандидатов партии. Это была большая сила, и она, бесспорно, ощутимо

повлияла на успех борьбы с белыми бандами Врангеля. Партийнополитической работой в 9-й армии руководили в тот период начальник Поарма М. С. Эпштейн и его помощники Д. А. Фурманов и А. С. Шуцковер. Повседневную организационно-разъяснительную работу в войсках вели инструкторы Политотдела армии. С молодым задором брались тогда за дело инструкторы, только что окончившие армейскую партийную школу. Среди них находился Н, С. Хрущев.

В то время мы иногда и не замечали, какая колоссальная работа политического характера повседневно проводилась в армии и среди населения и какие поразительно богатые плоды эта работа приносила. Об этом ярко говорит такой обыденный факт. Как-то мы увидели, что на лужайке бодро марширует босая и полураздетая команда. Спрашиваем, почему солдаты в таком виде занимаются строевой подготовкой? Оказывается, все воины, не имеющие обуви и одежды, сведены в одну команду. И как ни странно, ни у кого из них нет ни уныния, ни ропота. Лица задорные, веселые. «Вот оденут, — говорили солдаты, — пойдем опять в полк бить панов».

Частенько, бывало, в боях, в тысячеверстных походах бойцы обносятся, идут босые. Иной раз шинель надета на голое тело. Шагает такой боец в бой, колет, стреляет, лежит в окопе. Рваная шинель кишит вшами. Вошь валила народ сыпняком. Врачей было мало, не хватало госпиталей, лекарств.

Трудностей было невероятно много, и все же Красная Армия дралась с неслыханным героизмом. Коммунисты— комиссары, командиры, политработники были не в лучших условиях, чем бойцы, а иногда и в более тяжелых. На их совести, обязанности лежало — обо всем рассказывать, ничего не скрывать. Красноармеец любил правду, верил своим начальникам.

…Как и предвидел В. И. Ленин, трудящиеся Украины смогли освободиться от немецких оккупантов, буржуазной Рады, деникинских полчищ и белополяков только благодаря братскому союзу с трудящимися Советской России. Идею этого союза дал великий Ленин. Под его руководством Российская коммунистическая партия и Коммунистическая партия Украины претворили ленинскую идею в жизнь, чем и обеспечили всемирно-историческую победу в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции.

Глава седьмая
ТАКИМ Я ПОМНЮ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

Характерными чертами деятельности В. И. Ленина были необычайная личная организованность, оперативность и работоспособность. Ленин не давал никому из нас успокаиваться, часто звонил, интересовался последними сводками, требовал четких ответов на вопросы: Каково положение под Воронежем, Унечей? Где дивизия Киквидзе? Какие имеются сведения о 5-й армии? Говорили ли со штабом такой-то дивизии? Вышли ли из окружения партизаны Чернигова? И т. д. и т. п.

По утрам, как правило, Владимир Ильич звонил в оперод и требовал сообщить обстановку на фронтах. Кроме того, он нередко вызывал с докладом к себе в Кремль. Докладывали ему около карты. Ильич требовал совершенно откровенного и объективного освещения обстановки на фронтах, подробного объяснения причин неудач и поражений. И тут же давал советы, указания, прямые директивы и приказы, за точным исполнением которых он неослабно следил.

Расскажу о некоторых конкретных фактах, характеризующих ленинский стиль работы.

Летом 1918 года на имя Ленина поступила телеграмма из Царицына с просьбой о помощи военными припасами и вооружением. Ленин переслал телеграмму в оперод с припиской: «Немедленно вышлите». И тотчас же позвонил мне и спросил, получена ли телеграмма и что оперод предпринимает для ее выполнения. Учтите, сказал Ильич, что этот фронт архива-жен; белогвардейцы, казаки хотят нас отрезать от источника снабжения хлебом и топливом, нельзя давать сомкнуться белогвардейским фронтам… Напомнив об ответственности за быстрое исполнение поручения, Ленин потребовал докладывать ему ежедневно, что сделано. Срок для исполнения — одна неделя. Подготовьте для сопровождения эшелона, советовал он, надежный отряд и волевого начальника, который бы доставил груз и лично передал его командованию Царицынского фронта. Дорогой могут быть нападения, учтите это, добавил Ильич, и если понадобится моя помощь, звоните во всякое время.

После этого Владимир Ильич, не дожидаясь моего доклада, сам звонил еще несколько раз и спрашивал о выполнении данных

им директив.

— Как идет сбор вооружения? Кто мешает? — интересовался он.

Когда все военное снаряжение было свезено на Казанский вокзал, произошла задержка в подаче вагонов и паровоза. Это был сознательный саботаж. Я об этом сообщил Ленину и попросил его помощи. На другой день вагоны были поданы, нашелся и паровоз с машинистом. Препятствия при формировании поезда были устранены только с помощью Владимира Ильича. Он никогда не успокаивался до тех пор, пока не был в точности исполнен его приказ.

Председатель Саратовского губисполкома тов. Пайкес готовил однажды отряды для борьбы с восставшими кулаками, помогавшими белочехам и внутренней контрреволюции. Пайкес требовал снарядов для военизированных волжских судов и для формирующихся отрядов. Ленин возложил эту работу на оперод и лично сам проверял ее выполнение. В телеграмме Пайкесу от 22 августа 1918 года Ильич сообщил: «Сейчас переговорил с Араловым, уже все делается, по его словам, для высылки вам снарядов. Погрузка начинается сегодня…»[51] В другой телеграмме, отправленной в тот же день на имя Пайкеса, Ленин требовал не допускать идиотской волокиты. «…Для получения ответа от меня либо ждите на телеграфе, либо установите дежурство по очереди…» — писал он. Несколько ранее телеграммой военкомам Антонову в Саратове и Минину в Царицыне Владимир Ильич возлагал на них ответственность за быстрое продвижение полка имени Ленина в Баку, предупредив, что они будут привлечены к строгой ответственности за всякую задержку. Он требовал срочно уведомить оперод о продвижении этого полка по назначению.

Когда грозная обстановка сложилась на Восточном фронте, все внимание Ленина было приковано к этому фронту. Он оказывал помощь, какую только можно было оказать в тех условиях. Сильно беспокоил Ленина Казанский фронт. Характерна ленинская телеграмма Ф. Раскольникову от 19 августа 1918 года. «Следите с утроенным вниманием, — писал он в ней, — за снабжением казанского фронта, за ускоренной посылкой туда резервов и за тем, чтобы борьба с белогвардейцами в Нижнем была начата без промедления и проведена вполне твердо. Особенно смотрите за охраной артиллерийского имущества…» [52]

В. И. Ленин придавал большое значение переброске военных судов из Балтийского моря в Каспийское море и на Волгу. Еще в июле 1918 года он просил принять все меры для ускорения этой

операции. В конце августа Владимир Ильич непрерывно запрашивал штаб Военно-Морских Сил, давал решительные и строгие указания по отправке судов, «требовал ежедневных точных сведений о пунктах их прохождения. 28 августа Ленин потребовал доложить, когда дано распоряжение об отправке подводных лодок на Волгу и что сделано. А на другой день он написал в штаб записку: «Невозможно ограничиться такой неопределенностью — «ищем» *(своего имущества??* Необходимо *к завтрему* представить мне *имена* «ищущих», *дату,* с которой они ищут, и т. д.).

«Выясняется возможность отправить» — тоже невероятно неопределенно.

Когда и *кто* распорядился «выяснить»? Я прошу завтра (30/8) мне это сообщить точно, официально» [53].

30 августа 1918 года Владимир Ильич был тяжело ранен, но уже через несколько дней по его просьбе из секретариата мне звонили и сказали, что Ильич просит сообщить ему о прохождении судов Балтфлота в Каспийское море и на Волгу.

Приведу еще пример. 12 августа 1918 года В. И. Ленин, будучи совершенно больным, телеграфирует М. С. Кедрову с требованием немедленно, во что бы то ни стало организовать защиту Котласа. Надо иметь в виду, что в Котласе тогда были сосредоточены громадные запасы взрывчатых веществ, которые англичане стремились захватить или уничтожить.

Ленин направил Кедрову двух преданных и стойких организаторов — коммунистов Уралова и Ногтева для подготовительных работ к взрыву в случае необходимости. Тут же Владимир Ильич отдал распоряжение командующему Московским военным округом без потери времени выдать подрывное имущество из Вязьмы для Котласа. Ленин телеграфирует затем в Курск, чтобы вызвать Соболева, инструктора по подрывному делу. 29 августа Ленин потребовал от Кедрова прислать отчет: Сколько сделано фортификационных работ и по какой линии? Какие пункты обеспечены подрывниками, которые, в случае движения англо-французов большими силами, обеспечат взрыв мостов, разрушение железнодорожного полотна? В какой мере защищена Вологда от белогвардейской опасности? Требуя от Кедрова принятия экстренных мер по организации обороны Севера от англо-французских оккупантов, Ленин вместе с тем энергично, без малейшего промедления организует помощь этому фронту.

В телеграмме Механошину 26 апреля 1919 года Ленин указывает: «…«Ардаган» и «Карс» из Баку прошли в Гурьев безнаказанно. Итак, астраханцы хвастливо обещают великие

победы в будущем, а в то же время пропускают неприятеля в Гурьев. Это возмутительно и заставляет даже подозревать либо измену, либо злостный саботаж. Требуем от Вас строжайшего контроля, личной проверки, внимательнейшего надзора, безусловной бдительности»[54].

Даже М. В. Фрунзе, которого Ленин считал крупнейшим военачальником и глубоко уважал, Владимир Ильич пишет 28 октября 1920 года: «Возмущаюсь Вашим оптимистическим тоном, когда Вы же сообщаете, что только один шанс из ста за успех… Если дела так безобразно плохи, прошу обсудить архиспешные меры…» [55]

Из этих экстренных распоряжений видно, как оперативно, с каким большим знанием дела и людей руководил Владимир Ильич боевыми операциями.

31 июля англичане заняли Онегу, а 2 августа — Архангельск и помогли совершить там белогвардейский переворот.

В 3 часа ночи, как мне рассказывал командующий Московским военным округом, Ленин позвонил ему. Между ними состоялся такой разговор:

— Есть у вас сейчас готовая к действиям тяжелая артиллерия?

— Тяжелая артиллерия есть, но формирование не закончено, ибо только трое суток назад по приказу РВСР три батареи в полном составе отправлены на Урал в распоряжение тов. Берзина.

— По какой дороге отправлена артиллерия?

— По Северной — Москва, Ярославль, Буй, Вятка, Пермь, Екатеринбург.

— Где, по вашему мнению, сейчас находится отправленная вами артиллерия?

— Полагаю, что подходит к Вятке.

Продолжительная пауза. Затем:

— Предлагаю вам немедленно эти три батареи тяжелой артиллерии разыскать в пути, вернуть с пути, вернуть их с Урала и срочно направить по направлению Архангельска, в распоряжение тов. Кедрова. Вы отвечаете за это своей головой. В 7 часов утра жду от вас личного доклада о выполнении моего приказа. Приедете ко мне в Кремль или, если заняты, сообщите мне по телефону. Все. Есть вопросы?

— Вопросов нет. Ваше приказание будет выполнено. Доложу в 7 часов утра. О вашем распоряжении уведомлю РВСР.

— Об уведомлении РВСР — дело ваше. Повторяю, вы отвечаете головой за исполнение.

— Слушаюсь.

Заработали телефон, телеграф. Мобилизован для этого весь

штаб.

К 6 с половиной часам утра уже все было сделано. Артиллерия уловлена, эшелон повернут на Архангельск. Можно докладывать Владимиру Ильичу.

— Владимир Ильич! Артиллерию уловили. Повернули на Архангельск, в распоряжение тов. Кедрова. Точность проверил лично. Отвечаю головой.

Радостное и веселое: «Хе-хе»…

— Спасибо, — поблагодарил Ленин. — А голова ваша еще понадобится. Только вот что. Проверьте еще раз, уведомите Кедрова и по получении от него ответа сообщите мне.

Так работал Ильич: строго, точно, не щадя никого и ничем не поступаясь ради дела революции. Терпеть не мог волокиты, излишней переписки, формальных, пустых фраз. Работал, словом, по-революционному.

А вот пример того, как Ленин неослабно следил за делами на фронте, давал точные указания и требовал абсолютно точного и незамедлительного проведения этих указаний в жизнь. Весной 1919 года Владимир Ильич был крайне обеспокоен замедлением операций в Донецком бассейне и у Ростова. 28 мая Председателю Совнаркома Украины была сообщена директива ЦК партии за подписью Ленина: «Сосредоточить все силы на Донбассе, снять с Западного фронта все возможное, сократив до минимума все активные действия на вашем Западном фронте…»[56] И уже на следующий день, 29 мая, Ленин телеграфирует Совнаркому Украины: «Ни одно обещание не исполняется; подкреплений Донбассу нет; мобилизация рабочих идет позорно вяло. Вы отвечаете лично за неизбежную катастрофу… Абсолютно неизбежна гибель всей революции без быстрой победы в Донбассе, для чего необходимо бросить рутину на Украине…»[57] Владимир Ильич потребовал дважды в неделю телеграфировать ему о фактической помощи Донбассу.

По этому же вопросу — о помощи Донбассу и о задачах помощи Советской Венгрии Ленин за несколько дней до этого дал директиву главкому Вацетису и мне, как члену Реввоенсовета республики, в которой говорилось:

«Продвижение в часть Галиции и Буковины необходимо для связи с Советской Венгрией. Эту задачу надо решить быстрее и прочнее, а за пределами этой задачи никакое занятие Галиции и Буковины не нужно, ибо Украинская армия безусловно и ни в каком случае не должна отвлекаться от своих двух главных задач, именно: первая важнейшая и неотложнейшая — помочь Донбассу. Этой помощи надо добиться быстро и в большом размере. Вторая задача — установить прочную связь по железным дорогам с

Советской Венгрией.

Сообщите Ваши директивы Антонову и меры проверки их выполнения.

Предсовобороны — *Ленин*»[58].

Эта телеграмма была вызвана тем, что В. А. Антонов-Овсеенко собирался перекинуть украинскую армию в направлении Галиции.

Сообщив соответствующие указания свои или ЦК партии, дав распоряжения, В. И. Ленин неослабно следил за их исполнением и требовал точной отчетности. Так, например, через несколько дней после вышеприведенной телеграммы, 5 мая 1919 года, он телеграфирует в Киев Раковскому, Антонову, Подвойскому, у которых было стремление двигаться на запад: «От вас до сих пор ни одного точного, фактического ответа, какие части двинуты в Донбасс, сколько ружей, сабель, пушек, на какой станции передовые эшелоны. Взятие Луганска доказывает, что правы те, кто обвиняет нас в самостийности и в устремлении на Румынию. Поймите, что вы будете виновны в катастрофе, если запоздаете с серьезной помощью Донбассу»[59].

В любом деле Ленин требовал абсолютно точной информации, правдивого освещения положения, какой бы правда ни была горькой. Ближайшие помощники Ленина, зная его требования, совершенно откровенно и без утайки сообщали ему истинное положение дел на фронтах.

15 октября 1919 года Г. К. Орджоникидзе писал В. И. Ленину с Южного фронта: «Какое-то легкомысленное отношение к делу, абсолютное непонимание серьезности момента. В штабах никакого намека на порядок. Среди частей создали настроение, что дело Советской власти проиграно… В XIV армии какой-нибудь прохвост Шуба, именующий себя анархистом, нападает на наши штабы, арестовывает их, забирает обозы… В XIII армии дела не лучше… Где же эти порядки, дисциплина и регулярная армия Троцкого?!… И, наконец, Владимир Ильич, откуда это взяли, что Сокольников годится в командармы?»[60]

И Владимир Ильич принимает срочные и решительные меры. Командиры и комиссары, склонные к партизанщине и самостийности, были отозваны из 13-й и 14-й армий и привлечены к строгой ответственности. Туда срочно были посланы испытанные в боях и на партийной работе товарищи. Владимир Ильич настойчиво рекомендовал им тогда действовать решительно, о непреодолимых на месте трудностях немедленно сообщать ему. И тут же предупреждал, что за медлительность, за недисциплинированность командиры или комиссары будут строго, по-партийному судимы.

Ленин был беспощаден и к комиссарам, и к начальникам, допускающим волокиту, задержки. Он не давал спуску никому. Так, 16 сентября 1919 года в письме члену РВСР С. И. Гусеву В. И. Ленин прямо ставит вопрос о плохой работе РВСР, об «игре в спокойствие» и указывает в качестве примера на Сибирский фронт[61].

Необычайная организованность и точность, суровая, но справедливая взыскательность к работникам, исключительная оперативность в решении вопросов, проверка и еще раз проверка исполнения поручений — таков был стиль работы В. И. Ленина. Это, и именно это, сыграло весьма важную роль в организации обороны страны, в защите завоеваний революции.

Много внимания В. И. Ленин уделял вопросам снабжения вой§к продовольствием, обмундированием, вооружением. Они, эти вопросы, были очень сложны, требовали хлопотливости, повседневной заботы и контроля. Больше всего здесь наблюдалось бюрократизма, безрукости, враждебности. В этом деле необходим был постоянный контроль, и Ленин часто сам проверял и обязательно расспрашивал каждого приезжего с фронта об их питании, обмундировании, снаряжении.

Аппарат снабжения после Октябрьской революции был совершенно разрушен, его приходилось создавать заново. Те громадные запасы вооружения и другие материальные ценности, которые находились внутри России, расхищались, случайно отдавались на тот или другой фронт без расчета на будущее. Часто приходилось узнавать о нахождении тех или других складов с ценнейшими материалами по взрывам, пожарам. Все это сильно волновало Владимира Ильича, и он ставил эти вопросы в ЦК, лично занимался ими.

В тех труднейших и сложнейших условиях кипучая энергия Ленина, его бесстрашие и непоколебимая воля поддерживали у всех, кто работал с ним, веру в победу. Сам Ленин черпал ее в героизме народа, и прежде всего в героизме и преданности революции рабочего класса. Вот почему он всегда обращался к рабочим, встречался с ними, находил для этого время.

Для характеристики стиля работы Владимира Ильича приведу еще один пример.

Во время мятежа чехословаков Ленин вдруг дал нам распоряжение созвать у нас в опероде представителей рабочих фабрик и заводов Москвы, Иваново-Вознесенска, Питера и других городов. Многие из нас сначала не поняли, почему рабочих надо было созывать в опероде — сугубо военном учреждении. Но потом Ильич нам помог быстро прозреть.

К сожалению, эта беседа, как и многое другое, тогда не была

записана. Расскажу о ней и об обстановке, в которой она проходила, по памяти.

…Владимир Ильич сидел за большим столом, поставленным в середине комнаты. Вокруг стояли табуретки, скамейки. Огромный зал был полон народу. Рабочие вплотную придвинулись к столу, чтобы поближе быть к Ленину.

Словно зная о нашем недоумении, почему здесь созвали рабочих, Владимир Ильич сказал:

— Товарищи рабочие! Разгорается война не на жизнь, а на смерть с нашими внешними и внутренними врагами. Мы не хотели и не хотим войны. Нам ее навязывают империалисты и контрреволюционеры-монархисты. Нам остается только воевать. Не можем ведь мы, товарищи, позволить, чтобы враги народа задушили великую народную, пролетарскую, социалистическую революцию.

Владимир Ильич приподнялся со стула и спросил рабочих:

— Не можем ведь?

— Не можем, товарищ Ленин! Не позволим!.. — зашумели рабочие.

— Не позволим, — продолжал Владимир Ильич. — Это наше кровное дело, наша правда, наша жизнь. Положение, товарищи рабочие, чрезвычайно сложное. Я бы сказал, смертельно опасное. Вот нам сейчас доложит без прикрас и без преувеличений тов. Аралов, в каком положении мы находимся в военном отношении.

Я начал докладывать. Ленин вдруг остановил меня, поглядел кругом и, увидев Александра Гиршфельда, которого он знал по докладам, сказал ему, чтобы он принес сюда карту.

— Нагляднее, увидим лучше. — Владимир Ильич при этом добавил, что на днях англичанам удалось с помощью предателей — мусаватистов, дашнаков, меньшевиков ввести свои войска в Баку. Пустили козла в огород…

Через несколько минут принесли несколько карт, разложили одну из них на столе. Ленин сам стал показывать по карте расположение и движение вражеских отрядов. Все придвинулись поближе к столу.

— Смотрите, — говорил Ильич, — как они нас намереваются окружить… Вы следите по карте. Не найдете, спросите меня, а еще лучше товарищей из оперода. Пусть они сядут между вами…

По ходу моего доклада два брата — Евгений и Александр Гиршфельды, Моденов, Кутырев, Кузнецов, Боярский и другие специалисты указывали на те фронты и места, о которых упоминалось.

Я докладывал примерно минут сорок. Рассказал об обстановке на фронтах, обо всем происходившем, что было

известно на тот день оперативному отделу.

Сразу же после меня вновь заговорил Владимир Ильич.

— Вот видите, товарищи, каково положение, — сказал он. — Англичане, французы захватили Мурманск, Архангельск, Кемь, Сороки, Онегу. Это на севере, Баку, Туркестан, Закавказье — на юго-востоке. Волгу, Украину — в центре. Вот грозная военная обстановка! Помещики, кулаки, капиталисты пылают ненавистью к Советской власти. Опираясь на интервентов, оккупантов, они в Ярославле и других местах подняли мятежи…

Ленин немного помолчал, затем спросил рабочих, хорошо ли они рассмотрели на карте наше положение, всё ли поняли.

— Все ясно, Владимир Ильич, — послышался голос одного рабочего. — Видим наглядно грозную картину. Словом, гроза грозись, а мы друг за друга держись и дерись.

— Очень верно! Кто это сказал? — спросил Ленин. — Значит, быть едиными, храбрыми, и мы победим. Если рабочий класс возьмется за организацию и осуществление разгрома врага, враг будет разгромлен. Надо, прежде всего, нам создать дисциплинированную, хорошо организованную и вооруженную Красную Армию. Кто это сделает? Рабочий в союзе с беднейшим и средним крестьянством. Все для фронта, все для победы! — вот наш лозунг. Рабочие должны напрячь все силы. Они должны быть цементирующим звеном в армии. Они должны на заводах и фабриках ковать оружие для армии. Они должны в продотрядах давать хлеб армии и городам. Все ложится на плечи рабочих! И эти могучие плечи выдержат.

С большим подъемом Владимир Ильич рассказал, как онежские и вологодские рабочие под руководством коммунистов организовали сопротивление противнику. Они направили более тысячи добровольцев на борьбу с интервентами, отбивали у оккупантов орудия, винтовки, пулеметы, проникали в глубь вражеской территории и распространяли там листовки, газеты, добывали ценнейшие данные о неприятельских войсках. Рабочие, крестьяне, бывшие солдаты и моряки влились в отряды онежцев, вологодцев, печорцев и приостановили наступление интервентов. Ленин тепло говорил, например, о Павлине Виноградове, который создал Северодвинскую флотилию из судов, вырвавшихся из Архангельска, оккупированного врагами.

Особенно восхищался Владимир Ильич боевыми делами бывшего уральского рабочего Блюхера. Этот рабочий создал революционные боевые отряды из рабочих и крестьянской бедноты, привлек в эти отряды царских офицеров и отлично наладил с ними сотрудничество.

Ленин не раз за время беседы подчеркивал, что основными

качествами бойцов и командиров социалистической армии должны быть незнание страха в борьбе с врагами революции, стойкость, умение наверняка бить врага. А для этого надо учиться военному делу.

При этом Владимир Ильич сказал хорошо запомнившуюся мне фразу: *Крещение огнем обратит ученого в достойного боевого человека, но без науки, без знания военного дела, одни пули и ядра из самого храброго не сделают искусного офицера.*

— Ваша задача, товарищи рабочие, — заявил в заключение Владимир Ильич, — возглавить все рабочее движение за укрепление нашей Красной Армии пролетарским составом, за укрепление тыла. Возьмитесь сами за это дело, и мы будем непобедимы!

— Возьмемся, товарищ Ленин, возьмемся!… — отвечали рабочие.

Много лет прошло, а обстановка этой беседы, задушевный ее характер не стерлись из памяти.

С большим трогательным чувством расставались рабочие с Лениным, не стесняясь, говорили ему:

— Дорогой Ильич, родной ты наш, все твои наказы выполним, отдадим жизнь за Советскую Родину.

Да и сам Ленин был растроган. Это чувствовалось по всему: по тому, как подобрели и стали ласковыми его глаза, по тону его голоса.

Таким запомнился мне Владимир Ильич на всю жизнь. Таков стиль его работы. Работать с ним было легко и радостно вследствие его величайшей прозорливости, огромных знаний, требовательности, такта и душевной теплоты. Особенно нам, военным, было легко работать с Лениным в то суровое время. Он с полуслова понимал военную обстановку, видел наши ошибки и сейчас же на них указывал, и потому их можно было немедленно исправить.

Ленин не давил своим авторитетом, не унижал людей, как это делал, скажем, Троцкий, не поучал, а учил, воспитывал, помогал. В любое время можно было к нему обратиться. Никогда он не отказывал в разъяснении того или иного вопроса, подсказывал выход из трудного положения и, что очень ценно, дельному предложению собеседника немедленно давал ход — телеграммой, письмом, постановлением, телефонным звонком. Потом сам же, обязательно сам, проверял исполнение.

Практическое решение каждого важного военного вопроса Владимир Ильич обосновывал обычно в краткой беседе с нами. Помню, как он нам ясно, образно, запоминающе обосновал теоретически, я бы сказал, философски необходимость создания,

особенно в условиях войны, благоприятствующей среды в гуще населения. Это были для нас настоящие военно-теоретические уроки. Ленин учил нас также вести пропаганду в войсках и тылу противника. Эта пропаганда организовывалась по указаниям Ленина и проводилась под его непосредственным руководством, Ильич требовал, чтобы мы относились к этому делу как к обязательному военному заданию. Умелая пропаганда показывала крестьянам и рабочим антинародную, контрреволюционную сущность политики белых и интервентов и тем самым способствовала нашим победам на многочисленных фронтах гражданской войны.

* * *

Из обзора ленинских работ по военным вопросам, из анализа всей его многообразной революционной деятельности, его распоряжений, докладов, телеграмм, писем, выступлений, из решений съездов, партийных конференций, Пленумов ЦК и Политбюро ЦК партии видно, какую титаническую работу в области военной совершил Ленин.

Создатель теории пролетарской революции, ее практический осуществитель, организатор и руководитель первого в мире социалистического государства,

В. И. Ленин и в области военной гениально разрешил стоявшие перед Советской Россией труднейшие задачи. В своей руководящей военной работе он охватывал широкий круг организационных, политических, тактических и стратегических вопросов.

Ленин — творец новой, советской военной науки. Создавая эту науку, он вел очень серьезную борьбу на два фронта: против тех, кто совсем не признавал буржуазную военную науку, против их зазнайства, высокомерия и против тех, кто преклонялся перед буржуазной военной наукой, некритически относился к ней, не перерабатывал ее творчески на основе марксистской методологии, философии.

Владимир Ильич повседневно, упорно учил нас, что военная наука, как и всякая другая наука, идет путями закономерного развития, что нельзя забывать об основных законах войны. Определяя характер современных войн, он указывал на огромное теоретическое и практическое значение политико-морального фактора в войне, на определяющее значение тыла и строя страны, экономических, политических и организационных сил нации для победы в войне.

Ленин — вождь российского и мирового пролетариата — был, как никто другой, подготовлен к роли руководителя Вооруженными Силами молодой Советской республики. Он вел упорную борьбу за создание

Дисциплинированной регулярной армии и выковал ее в огне гражданской войны и иностранной интервенции. Его военное наследство, его указания о ведении войны, об основных ее законах сыграли также колоссальную роль в разгроме гитлеровских фашистских полчищ в 1941–1945 годах.

Вновь и вновь возвращаясь к образу Ленина, простому, близкому и в то же время непостижимо великому, невольно вспоминаешь слова В. Г. Белинского: «Имя гения — миллион, потому что в груди своей носит он страдания, радости, надежды и стремления миллионов. И вот в чем заключается *всеобщность* его идей и идеалов: они касаются всех, они всем нужны, они существуют не для избранных, не для того или другого сословия, но для целого народа, а через него и для всего человечества» [62].

В своей груди Владимир Ильич Ленин носил не только страдания, радости, надежды и стремления миллионов людей. Его сердце горело пламенем борьбы за торжество самого справедливого строя на земле — коммунизма.

Очень хорошо сказал Н. С. Хрущев: **то, чем жил Ленин, что он планировал, о чем он мечтал, сейчас наш народ, партия успешно претворяют в жизнь!**

Какое счастье жить в эпоху, когда осуществляются вдохновляющие идеи коммунизма, идеи мудрого Ленина!..

notes

Примечания

1

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 6, с. 129.

2

Там же, с. 206.

3

Там же, т. 10, с. 340,

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 11, с. 336–337.

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 44, с. 195–196.

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 44, с. 197.

Ленинский сборник XII, с. 401, 408.

8

Впервые воспоминания были опубликованы в 1962 г.

Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961, с. 312.

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 31, с. 20.

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 40, с. 10.

12

См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 32–34.

13

См.: *Ленин В. И.* Военная переписка (1917—1920). М., 1957, с. 31.

14

Действительно, 10 декабря 1918 года за подписью В. И. Ленина были изданы Положения о главнокомандующем всеми вооруженными силами республики, командующих фронтами и армиями, в которых говорится: «В пределах директив, получаемых Главнокомандующим от высшей правительственной власти через Председателя Революционного Военного Совета Республики, Главнокомандующему предоставляется полная самостоятельность во всех вопросах стратегическо-оперативного характера, а также право назначения, перемещения и отставления от занимаемых должностей командного состава войск и военных управлений и учреждений Республики, входящих в состав действующей армии. Революционному Военному Совету Республики принадлежит право отстранения тех из назначенных Главнокомандующим лиц командного состава, в отношении коих такая мера будет признана Советом необходимой» (Центральный государственный архив Советской Армии (далее: ЦГАСА), ф. 5, оп. 1, д. 150, л. 1—7).

15

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 124.

16

Ленинский сборник XXXIV, с. 28.

17

М. В. Алексеев — бывший начальник штаба ставки верховного главнокомандующего при Николае II.

18

См.: Ленинский сборник XXXIV, с. 45.

19

См.: Ленинский сборник XXXVI, с. 77.

Ленин В. И, Поли. собр. соч., т. 39, с. 56.

21

2 февраля 1918 года за подписями Ф. Э. Дзержинского и С. И. Аралова было издано Положение об особых отделах для борьбы с классовыми врагами в армии,

Ленин В. И. Поли, собр. соч., т, 51, с, 43–44.

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 50, с. 133.

Григорьев А. Боевые воспоминания. М., 1926, с. 33.

25

Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее: ЦПА ИМЛ), ф. 2, оп. 1, д. 6961.

26

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференции и пленумов ЦК. М., 1983, т. 2, с. 268–269.

27

ЦГАСА, ф. 10, он. 1, д. 240, л. 11–12,

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 50, с. 117—118.

29

Ленинский сборник XXXV, с. 117.

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 50, с. 146.

31

Там же, с. 178.

32

См.: *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 33, с. 271—274.

33

Там же, с. 268.

Там же, т. 50, с. 328.

35

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 3.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 33–34.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 50.

Там же, с. 61–62.

39

Ленин В. И. Военная переписка, с. 210–211,

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 39, с. 207.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 158.

Ленин В. И. Полы. собр. соч., т. 51, с. 307,

43

ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 15, д. 146,

44

11 мая 1918 года была установлена нейтральная зона вдоль демаркационной линии. Эта зона располагалась в районе Курск — Почеп — Севск — хутор Михайловский. Демаркационная линия между Советской республикой и Украиной была образована по соглашению с германским командованием в соответствии с условиями Брестского мирного договора и в дальнейшем между Советским правительством и германо-гетмановскими войсками.

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 50, с. 287–288.

Известия ВЦИК, 1919, 3 июня.

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 50, с. 290.

Там же, с. 302–303.

49

ЦГАСА, ф. 33988, оп. 2, д. 287, л. 34.

Ленин В. И, Поли, собр, соч., т. 40, с. 240.

Ленин В. $И_х$ Поли. собр. соч., т. 50, с. 1G5,

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т, 50, е. 155,

Там же, с. 171–172,

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 50. с. 293.

55

Там же, т. 51, с. 321.

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 50, с. 326.

Там же, с. 327.

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 50, с. 285—286.

Там же, с. 302–303.

Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. М., 1956, т. 1, с. 101.

61

См.: *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 51, с. 50.

Белинский В, Г, Соч. М., 1948, т, 3, с, 131,